

**БРЯНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ИМЕНИ БРАТЬЕВ МОГИЛЕВЦЕВЫХ**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«М. К. ТЕНИШЕВА И ЕЕ ВРЕМЯ»
(Материалы конференции)**

5-6 сентября 2008 г.

г. Брянск

Организационный комитет конференции

Председатель: **Петрухин Юрий Петрович** – председатель Попечительского Совета Фонда имени братьев Могилевцевых.

Зам. председателя: **Кеня Ирина Алексеевна** – председатель правления Фонда имени братьев Могилевцевых.

Члены оргкомитета: **Городков Александр Васильевич** – доктор с/х наук, профессор БГИТА, член правления Фонда, председатель Брянского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, **Дубровский Александр Михайлович** – доктор исторических наук, профессор БГУ, **Зубова Елена Михайловна** – директор центра историко-культурного наследия, член правления Фонда, **Клюкин Геннадий Владиленович** – архитектор, член правления Фонда, **Крымин Владимир Николаевич** – председатель Брянского регионального отделения Союза архитекторов России, член правления Фонда, **Лупоядова Лариса Юрьевна** – кандидат исторических наук, доцент БГУ, **Игнатова Ирина Александровна** – студент БГТУ, именной стипендиат Фонда.

Адрес Фонда имени братьев Могилевцевых:
г. Брянск, ул. Фокина, 62.

Контакты: тел.: 64-40-12,
сайт в интернете: www.blagotvfond.narod.ru,
E-mail: avanta5@rambler.ru

Содержание

Приветствие Ю.П. Петрухина , председателя Попечительского Совета Фонда им. братьев Могилевцевых, депутата областной Думы.....	с.4
Приветствие Н.В. Бурбыга , главного федерального инспектора в Брянской области.....	с.5
Приветствие И.А. Кеня , председателя правления Фонда им. Братьев Могилевцевых, советника комитета по законодательству областной Думы....	с.6
Приветствие В.В. Ковалинского , писателя, историка, зав. отделом музея истории Киева.....	с.7
Приветствие Рене Герра , профессора университета г. Ниццы, Франция...	с.8
Раздел 1. М. К. Тенишева – меценат, педагог, просветитель	
А.М. Дубровский. Слово о Марии Клавдиевне Тенишевой.....	с.9
Т.В. Исаченко. Творчество М.К. Тенишевой. Атрибуция монограммы М.К. Тенишевой.....	с.12
М.Н. Понкратова. Межпоколенческий опыт в общественной деятельности М. К. Тенишевой.....	с.16
Д.В. Титкин. Бежица времен Тенишевой по фотографиям К. Фишера..	с.21
А.В. Городков. Усадьба Тенишевых в Хотылеве – памятник архитектуры и ландшафтного искусства конца XIX в.....	с.29
Д. Озер. С днем рождения, Мария Клавдиевна.....	с.37
Раздел 2. Благотворительность во времена М.К. Тенишевой (конец XIX – начало XX вв.)	
И.А. Кеня. Благотворительная деятельность брянских меценатов братьев Могилевцевых.....	с.41
Л.И. Бахарева. Традиции российской благотворительности: история и современность.....	с.50
В.А. Ливцов. Брянские благотворители в Орловской губернии.....	с.60
А. Бычева. Александр Бурцев – коллекционер и меценат.....	с.66
Н.И. Гаврилова. Массовые благотворительные акции в городах Иркутской губернии в к. XIX – н. XX вв. – основные тенденции развития.....	с.71
Т.В. Супроненко. Благотворительная деятельность С.И. Мальцова.....	с.76
Н.Н. Нифагина. Ф.И. Тютчев – современник М. К. Тенишевой.....	с.80
Н.В. Гуданова. Изучение деятельности брянских меценатов, как средство нравственного воспитания учащихся на уроках краеведения.....	с. 97
И.А. Коренькова. М.К. Тенишева, Н. Рерих и Храм Святого Духа.....	с.105
Резолюция международной научно-практической конференции «Тенишева и её время» (5-6 сентября 2008 г., г. Брянск).....	с.111

**Приветственное слово Ю.П. Петрухина,
председателя Попечительского Совета
Фонда им. братьев Могилевцевых,
депутата областной Думы,
доктора экономических наук**

Уважаемые участники конференции!

Год 150-летия со дня рождения Марии Тенишевой отмечен выставками, посвященными ей в Русском музее Санкт-Петербурга и Историческом музее Москвы, открытием памятника во Фленове. Брянск, ставший стартовой площадкой для Тенишевой во всех ее начинаниях, не мог остаться в стороне от этой знаменательной даты, и отозвался на нее проведением международной конференции «М.К. Тенишева и ее время», организованной нашим благотворительным Фондом.

Имя Марии Клавдиевны Тенишевой не может быть связано только с каким-то одним районом или областью России или даже только с одной страной. Ее деятельность охватывала Россию, Италию, Францию, Смоленский и Брянский края, Москву и Петербург. Круг деятельности Тенишевой с течением времени расширялся, включая в себя просвещение, искусство, науку, пропаганду российской культуры за рубежом. Как меценат она поддержала целую плеяду русских художников и ряд ученых, способствовала развитию музеев в стране. К сожалению имя Марии Клавдиевны затерялось в перипетиях истории, как и многие судьбы меценатов начала 20 века. Они все отдали России, заслужив славу и почет при жизни и полное забвение после...

Но после разрушений и отрицаний во всей истории человечества наступали периоды созидания. Отрадно, что имена людей, так много и бескорыстно сделавших для процветания земли брянской, сегодня благодаря деятельности нашего Фонда возвращаются из забвения. До этого мы занимались подготовительной работой, сегодняшняя конференция станет отправной точкой в нашей публичной деятельности.

Считаю, что необходимо восстановить важнейшую историческую традицию в жизни российского общества – традицию публичного признания заслуг благотворителей, в которой на протяжении веков гармонично сочетаются нравственные мотивы и государственные интересы.

Участникам конференции желаю плодотворной работы, освященной именем одной из великих женщин России, смысл жизни которой был в неустанном жизненном творчестве и вечном пути совершенствования.

**Приветственное слово Н.В. Бурбыга,
главного федерального инспектора в Брянской области**

Уважаемые участники конференции!

Общественная и творческая деятельность Марии Клавдиевны Тенишевой является нравственным примером благородного служения интересам Отечества и народа. Ее судьба была тесно связана с Брянским краем и оставила яркий след в его истории.

Особой составляющей ее жизни явилось покровительство искусству, широкая поддержка народной культуры. Велик ее вклад в развитие благотворительности. Оказанная ею реальная помощь в устройстве и функционировании школ, училищ, больниц и других учреждений социальной сферы до сих пор с благодарностью вспоминается жителями нашего региона.

Хочется выразить слова особой признательности организаторам Международной конференции «М.К. Тенишева и ее время». Не только за сохранение памяти о нашей знаменитой землячке, но и за реальное продолжение ее добрых дел. Уверен, что конференция будет заметным явлением в культурной жизни Брянской области и послужит дальнейшему развитию меценатства в регионе.

**Приветственное слово И.А. Кеня,
председателя правления
Фонда им. Братьев Могилевцевых,
советника комитета по законодательству областной Думы**

Уважаемые участники конференции!

Мы рады приветствовать Вас в нашем старинном городе Брянске, имеющим тысячелетнюю историю. Всех собравшихся здесь объединяет сегодня имя Марии Клавдиевны Тенишевой.

Современники называли ее «гордостью всей России». Для этого были веские доказательства и основания. Вся ее жизнь, неутомимая творческая деятельность посвящена служению русскому искусству, отечественной культуре.

Труднее всего определить одним словом, кем она была. Художник? Музыкант? Ученый, археолог, историк? Меценат? Не годится ни одно из определений, сужающих масштаб личности. Спустя столетие кто-то скажет, что замыслы Тенишевой были слишком идеалистичны. Кто-то, наоборот, будет утверждать, что Тенишева ответила на самые острые вопросы своего времени. А для нас сегодня замыслы княгини Тенишевой — источник живого опыта и вдохновения.

Конференция организована благотворительным Фондом имени братьев Могилевцевых, главная цель которого возрождение памяти об известных брянских благотворителях. Слова благотворительность, милосердие, сострадание всегда были присущи исконно русскому человеку. Недаром нашу страну в начале 20 века называли «благотворительная Россия», а беспрецедентная деятельность русских купцов и предпринимателей по поддержке культуры и искусства стала общеизвестным фактом.

Мне кажется, что сегодня мы подошли к самой глубинной сути завета Тенишевой: "Придите и владейте, мудрые! И создайте! На благо России". Энергия созидания, присущая меценатам прошлого сегодня воплощается в конкретных делах учредителей Фонда.

Энергия созидания присуща всем тем, кто занимается возрождением памяти о М.К. Тенишевой, как в России, так и во Франции. Для нас является большой честью присутствие на нашей конференции профессора из университета Ниццы Ренэ Герра, располагающим архивами Тенишевой и много лет коллекционирующим все, что связано с ее именем.

Хочется верить, что начало 21 века исследователи назовут вторым пришествием Тенишевой. А наша конференция будет лучшим подтверждением стремления человеческой души к высоким нравственным идеалам.

**Приветственное слово В.В. Ковалинского,
писателя, историка, зав. отделом музея истории г. Киева**

Уважаемые коллеги!

Не имея возможности присутствовать на конференции, я приветствую участников и желаю плодотворной работы. Отдельный поклон -руководителям Брянского регионального общественного благотворительного фонда имени братьев Могилевцевых.

Возвращение из незаслуженного забвения имен и деяний отечественных меценатов и благотворителей, людей, незыблемым правилом которых было следование принципу - «правая рука не должна знать, что делает левая» и восточной мудрости - «кто отдал - тот приобрел, кто сберег - тот потерял», является благородным долгом потомков.

Украинскую столицу город Киев и российский Брянск, жители которых демонстрировали в прошлом образцы истинного милосердия и человеколюбия, объединяют деяния Семена Семеновича Могилевцева. Уроженец Брянщины, он более 30 лет прожил в Киеве и в 1917-ом умер в нашем городе. Последние три года жизни исполнял обязанности председателя Киевского благотворительного общества. Память о делах Семена Могилевцева живет в Киеве наравне с памятью о знаменитых киевских меценатах Терещенко, Ханенко, Галагане, Фундуклее, Бродских, Дегтерева и других.

Все они спешили делать добро и своими делами учат ныне живущих. Рассказать о них - наш долг.

**Приветственное слово Ренэ Герра,
профессора университета г. Ниццы,
Франция**

Уважаемые коллеги!

Сегодня мы все собрались в юбилейную дату со дня рождения удивительной женщины, имя которой связало Россию и Францию – Марии Клавдиевны Тенишевой. Во Франции имя Тенишевой ставится непосредственно за именем С.П. Дягилева – крупнейшего пропагандиста русского искусства во Франции в начале XX в. Во Франции, где она вела огромную работу по пропаганде русской культуры и искусства и являлась почетным членом образования, эту женщину до сих пор называют «великим гражданином мира».

Россия остается в долгу перед уникальным человеком – Марией Тенишевой, – Оценен ли по достоинству ее вклад в мировую культуру? Нет! Но я выражаю надежду, что 2008 год станет решающим в этом плане. Россия и Франция должны достойно отметить юбилей Тенишевой. Нам пора собирать камни.

Располагая архивными материалами Тенишевой и уже много лет коллекционируя все, что связано с ее именем, я не устаю восхищаться великой Марией.

Приобрел незаконченный портрет княгини работы Серова: одна голова, но там вся личность! В собранных мною вещах – вся Россия, которую унесла с собой Мария Тенишева, как и все великие изгнанники, после революции. Меня сильно поразило, в каком состоянии находится могила княгини на кладбище Сен-Клу под Парижем, она царственна, там пахнет Русью. Почему же в России так незаслуженно были забыты имена людей, жертвовавших всем для страны и народа? И что сделать нам ныне живущим, чтоб имя Марии Клавдиевны Тенишевой вновь стало гордостью всей России?

РАЗДЕЛ 1. М. К. ТЕНИШЕВА – МЕЦЕНАТ, ПЕДАГОГ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ

А.М. Дубровский,
доктор исторических наук,
профессор БГУ им. акад. И. Г. Петровского

1.1. Слово о Марии Клавдиевне Тенишевой

В 2008 г. исполнилось сто пятьдесят лет со дня рождения выдающейся русской женщины, творца и пропагандиста отечественной культуры Марии Клавдиевны Тенишевой. Страна отметила этот юбилей. В Русском музее, в Петербурге, и в смоленском краеведческом музее были организованы выставки предметов из коллекции Тенишевой, в Москве, в Историческом музее, была представлена выставка в честь Тенишевой, в Брянске и Смоленске подготовлены конференции в память о великой личности, в местных музеях были открыты выставки о Тенишевой, в Смоленске изданы сборники статей о ней, снят фильм о её жизни и деятельности. К юбилею в Смоленске одна из улиц названа её именем.

К счастью, после долгих лет полузабвения многих имён из меценатов и благотворителей наступило время их признания и запоздалой благодарности. После затянувшегося на весь советский период отечественной истории полупрезрительного отношения к частной благотворительности общественное сознание в России стало проникаться представлением о ценности и важности этой деятельности. Пришла пора признания Тенишевой.

Тенишева – фигура всероссийского, даже более, европейского масштаба. Её деятельность, с трудом отделимая от деятельности её супруга Вячеслава Николаевича, распространялась на Брянск и Хотылёво в Орловской губернии, на Смоленск и Флёново в Смоленской губернии, на Москву и Петербург, на Рим и Париж. В частности, в глазах французов её имя стоит непосредственно рядом с именем Дягилева, организатора «русских сезонов» в Париже, неустанного и выдающегося пропагандиста русской культуры за рубежом.

Тенишева была не только покровителем деятелей искусства. Щедро одарённая от природы, она и сама являлась творцом, созидателем, исследователем. В молодости она начинала свой путь в искусстве как вокалистка. Позже она выступила как новатор в деле организации образования. Уже на склоне лет она занималась работами по эмали.

Перу Тенишевой принадлежит монография по истории эмальерного дела в России. Она была участницей археологических раскопок. Таким образом, и в науке эта женщина оставила свой след.

Благотворительность была неотъемлемой частью плодотворной деятельности Тенишевой. Она представляла собою особый тип благотворителя и мецената в России. Благотворительность, основанная на православии, имела глубокие исторические корни в России. В XIX и начале XX в. частная благотворительность получила широкое распространение среди разных слоёв населения, причём выдающуюся роль в этом отношении играло купечество. Оно обладало значительными финансовыми возможностями для благотворительности и меценатства как его разновидности. Благодаря купечеству направления благотворительно-меценатской деятельности стали разнообразнее, чем раньше. Наряду с традиционными пожертвованиями в пользу храмов и богаделен появились профессиональные училища, музеи, бесплатные квартиры, театры и другие учреждения, созданные купцами или получавшие помощь от них.

Тенишева по своему положению не принадлежала к купечеству, хотя была близка к нему. Её роль в области меценатства и благотворительности была во многом определена положением её мужа – Вячеслава Николаевича, успешного предпринимателя, также не чуждого благотворительности главным образом в области образования и науки. Особенностью деятельности Тенишевой по сравнению с её современниками и известными благотворителями в прошлом являлось разнообразие направлений, в которых развивалась её активность. Это сфера образования, где она не только покровительствовала, но и выступала идейным вдохновителем и организатором. Благодаря её вкусу, художественности натуры, наконец, соответствующему таланту она оказалась близка к художникам, могла оценить их творчество, понять степень даровитости того или иного из них.

Без её материальной поддержки не родился бы журнал «Мир искусства», не были бы созданы произведения Репина, Серова, Врубеля и других выдающихся деятелей русского искусства. Её научные интересы повлекли её к археологии, музейному делу, и здесь она тоже поддержала немало начинаний.

При всём этом богатстве проявлений её натуры Тенишева не разбрасывалась, не удовлетворялась небольшими итогами, не тратилась на мелочи. В каждом из направлений её благотворительной деятельности ей удалось достичь значительных, впечатляющих результатов. В рабочем посёлке Бежица она создала не одно училище, а ряд таких учреждений. Её коллекции древностей и народных поделок, произведений изобразительного искусства были огромны настолько, что часть из них легла в основу как краеведческого музея, так и художественного музея в Смоленске. Практически в любой области

деятельности она сочетала в себе мецената, творца, организатора, что тоже являлось особой чертой в её работе.

Наконец, ещё одна особенность. В работе Тенишевой был, как уже говорилось, необыкновенно широкий географический размах. Это отличает её от всех других меценатов и благотворителей, Быть может это уникальная, беспримерная черта в деятельности Тенишевой.

К сожалению, не все следы деятельности Тенишевой можно хорошо проследить сегодня. Её коллекции, принесённые в дар музеям, оказались растворёнными в больших музейных собраниях. После Октябрьской революции её педагогические идеи не были оценены по достоинству новой властью, оказались распущенными или совершенно преобразованными основанные ею учебные заведения. Вторая мировая война не пощадила многое из сделанного. Невежество и бедность населения страны также способствовали разрушению созданного этой великой дочерью России. Достаточно вспомнить о судьбе её дома в Хотылёво и о парке в этом же селе.

На Брянщине осталось совсем немного того, что достоверно связано с делами Тенишевой, создано по её мысли, её руками. Время подумать о том, как запечатлеть память о ней, собрать то, что рассеяно из вещей, принадлежавших её и мужу, и поместить найденное в музей. Нужно признать, что мы ещё в большом долгу перед памятью об этом человеке.

Т.В. Исаченко,
научный сотрудник историко-архивного комплекса «Теремок» ОГУК «Смоленский государственный музей-заповедник»

Творчество М.К. Тенишевой. Атрибуция монограммы М.К. Тенишевой

В собрании Смоленского музея-заповедника хранится большая коллекция изделий талашкинских художественных мастерских [1]. Состав ее разнообразен и весьма полно представляет различные виды художественного ремесла, характерные для мастерских. Исторически сложилось так, что наряду с изделиями собственно мастерских в коллекцию вошли произведения крупнейших художников рубежа веков: Н.К. Рериха, М.А. Врубеля, С.В. Малютина [2]. В большинстве случаев это работы, созданные или для Талашкина, или в самом Талашкине. Кроме того, частью коллекции традиционно считаются эмали работы М.К. Тенишевой [3]. Несмотря на то, что вышли они из печей эмалевой мастерской в Париже, стилистические их особенности говорят о тесной связи с Талашкином.

Почти все предметы, входящие в состав коллекции, атрибутированы. Однако, по сей день в вопросах авторской принадлежности тех или иных произведений есть разногласия. И если учитывать, что талашкинские изделия имеются в различных музеях нашей страны и зарубежом, решение спорных вопросов представляется просто необходимым.

Важным условием правильной атрибуции изделий талашкинских мастерских несомненно является знание клейм, штампов и монограмм на достоверных произведениях. Так, на расписных балалайках, столь характерных именно для Талашкина, исследователи обращали внимание лишь на лицевую сторону с авторскими подписями С.В. Малютина, А.П. Мишонова [4] и М. Врубеля. Но при более пристальном изучении инструментов обнаруживается еще одно интересное клеймо – штамп овальной формы: «Талашкинской школы мастерская княгини М.К. Тенишевой» с номером изделия. Более того, оставил автограф и сам мастер – балалаечник – В.А. Германов [5].

Наличие авторской подписи мастера почти на всех известных нам балалайках позволяет предположить, что они изготовлялись в одном центре, а не закупались в окрестных деревнях, как считалось ранее [6].

На других изделиях мастерских по обработке дерева встречаются очень интересные авторские знаки – символы, и просто монограммы – подписи. Так С. В. Малютин, для которого в талашкинский период излюбленным образом была сказочная Жар-птица, на многих своих работах оставляет ее выжженное изображение, вписанное в круг.

Ученик С.В. Малютина А.П. Мишонов отмечал свои изделия художественно оформленной монограммой (кубышка СОМ 448, ендова СОМ 438).

Другой художник – А.П. Зиновьев [7] просто расписывался карандашом на задней поверхности своих произведений, обязательно указывал дату создания (стол СОМ 1497, полка СОМ 422, полка СОМ 4592 и т.д.).

Монограммы и клейма на деревянных изделиях талашкинских мастерских не вызывают сегодня никаких сомнений. Иначе дело обстоит с произведениями керамики. В смоленской коллекции их 27, причем 14 изделий имеют монограмму М. Т. На пепельнице СОМ 14997 легко читается монограмма С.М. (т.е. С. Малютин). А плитка «Берендей» (СОМ 11997) подписана полными фамилиями Зиновьева и Бекетова [8], стоит на плитке и монограмма М. Т. Остальные керамические изделия не имеют никаких знаков.

Естественно, что нас более всего интересует чтение монограммы М. Т., которой помечены 14 керамических изделий.

В своей монографии «Русская керамика» К. Н. Пруслина пишет: «Подписи на работах, а так же сохранившиеся инвентарные описи с указанием фамилий позволяют составить приблизительный список художников, участвовавших в работе мастерской Тенишевой. Это владелица мастерских, М.К. Тенишева, подписывающая свои вещи монограммой из инициалов М.Т.» [9]

В книге же «Талашкино» смоленского исследователя Л. Журавлевой, горшочек с монограммой М.Т. (СОМ 11790) приводится как работа Н.К. Рериха [10], а авторство М.К. Тенишевой для других изделий с М.Т. никак не оговаривается. Два изделия с той же монограммой (подсвечник и горшочек) были внесены в каталог произведений С.В. Малютина со ссылкой на атрибуцию Л. С. Журавлевой.

Столь разные прочтения одной и той же монограммы заставляют нас более внимательно отнестись к произведениям, отмеченным ею. Поскольку между творческой манерой С. В. Малютина, Н.К. Рериха и М. К. Тенишевой имеются ощутимые различия, то обыкновенный стилистический анализ может пролить свет на загадочного автора этих керамических изделий. Они изысканы в пропорциях, лишены того намека нарочитой архаизации и утяжеленности форм, которые характерны для многих талашкинских вариаций неорусского стиля. Есть в этих произведениях и повторяющийся мотив – зооморфные элементы – ручки в виде птиц и зверей.

Несомненно и сходство цветовых решений. Сочетание мягких, зеленых, светло-коричневых, прозрачно-розовых тонов в такой комбинации, как на керамических изделиях, встречается среди талашкинских вещей лишь в эмалях, созданных М. К. Тенишевой.

Возникает логичный вопрос: а не встречается ли монограмма М.Т. еще на каких-либо изделиях Талашкина? Да, встречается – на достоверных работах М.К. Тенишевой – эмалях. Причем в том же характерном начертании – вписанное в М.Т.

Эмалей М.К. Тенишевой в коллекции музея немного, всего 5. На трех из них проставлена монограмма М.Т. (совушка, котик, портал). Эмалевые мастерские находились во Франции, о чем говорит текст (на французском языке) начертанный на самой значительной работе – портале – с изображением

Георгия Победоносца: «Я, Мария, княгиня Тенишева создавала этот портал с 1908 по 1911 год в Париже» имеются и свидетельства очевидцев, французский журналист Денис Рош писал: «Ежегодно на выставках весеннего «Салона» (в Лувре), мы наглядно убеждались как совершенствовалась княгиня в своем искусстве... Наконец в последнее время княгиня принялась за монументальные вещи. Грандиозная дверь из драгоценного дерева, с эмалевыми инкрустациями и над ней фронтон с изображением в полу-натуру Георгия Победоносца [12]...»

Денис Рош писал, отмечая сходство цветовой гаммы изделий мастерских в Талашкине и эмалей Тенишевой.

«Не довольствуясь существующими в продаже тонами эмали, княгиня нашла свою собственную палитру – более двухсот тонов. Уже в своих талашкинских школах-мастерских, где она так энергично пыталась воскресить народное творчество, в вышивках, в деревянных и гончарных изделиях, княгиня проявила своеобразную гармонию мягких красок, которую она при помощи химии осуществила в своих эмалях... Между этими удивительными тонами есть некоторые, которые особенно близкие сердцу Марии Клавдиевны, и добытые только благодаря длинному ряду опытов, таковы несколько красных opakовых цветов, найденных ею как бы каким-то волшебством [13].

Однако, эмали кн. М.К. Тенишевой, обнаруживающие большое стилистическое сходство с керамическими изделиями из Талашкина, не единственные работы, где встречается монограмма М.Т.

Она возникает в маркировке кирпича для строительства церкви Духа во Фленове (проект С.Малютин, И. Барщевского, М. Тенишевой, В. Сулова), в переплетах окон терема, построенного С. Малютиным в 1901 году во Фленове. Монограмма М. Т. вплетена в орнамент керамического портала музея «Русская старина» в Смоленске (проект С.В. Малютин, при участии В.М. Васнецова, Н.К. Рериха, И.Ф. Барщевского, М.К. Тенишевой). И музей, и терем, и церковь были личной собственностью Тенишевой, причем в проектировании двух памятников она принимала непосредственное участие, а малютинский терем, был по свидетельству современников гимном в честь замечательной хозяйки Талашкина.

Итак, монограмма М. Т. во всех случаях читается однозначно – Мария Тенишева. А начертание монограммы, ее бытование заставляет окончательно признать авторство Тенишевой для 14 керамических изделий из талашкинской коллекции.

Интересна и история первого появления монографии в 1892 году, то есть тогда, когда ни мастерских в Талашкине, ни самого Талашкина у Тенишевой еще не было. И когда прочитать М.Т. как «мастерские Талашкина» (устное предположение Л. С. Журавлевой) было еще просто невозможно.

В 1892 году [14] М.К. Николаева вышла замуж за В.Н. Тенишева [15] и вместе с его фамилией унаследовала княжеский титул. Именно поэтому в письмах этого года над замысловатым вензелем, с разнообразными завитками красуется «княжеская шапочка». С тех пор вензель М.Т. встречается на всех

письмах М.К. Тенишевой, кому бы и в каком году она не писала. «МТ» упрощается, исчезает княжеский символ, но всегда сохраняет свои конструктивные особенности – через середину М проходит буква Т. Именно в таком виде мы и встречаем его на произведениях керамики и эмали.

В этой статье не ставились задачи полного определения всех встречающихся вариантов клейм и монограмм на изделиях талашкинских мастерских. С течением времени могут появиться новые данные. Нельзя забывать, что талашкинские изделия широко продавались через магазин «Родник», а значит, до сих пор могут находиться в частных коллекциях или просто среди семейных реликвий. Знакомство же с клеймами и монограммами поможет понять историческую и художественную ценность этих небольших изделий.

Библиографический список

1. Мастерские были основаны в конце 19 века в Талашкине при сельскохозяйственной школе, открытой владелицей имения М.К. Тенишевой (1858 – 1928).
2. С.В. Малютин (1859 – 1937) – руководитель мастерских с 1900 по 1903 год. ЦГАЛИ ф. № 2023 оп №1 ед. хр. 12
3. М.К. Тенишева (1858 – 1928) – художник, ученый, певица, общественный деятель, просветитель, крупнейший коллекционер, владелица имения Талашкино.
4. А.П. Мишонов (1882 – 1938) – ученик С.В. Малютина ЦГАЛИ ф. 2023оп 1 ед. хр. 50
5. В. А. Германов – биографических данных в архивах обнаружить не удалось.
6. Л.С. Журавлева «Талашкино». Советская Россия 1979 (страницы не нумерованы).
- 7-8. А.П. Зиновьев (1880 – 1942) выпускник Московского Строгановского училища, с 1903 года работал в Талашкине.
8. В.В. Бекетов (1878 – 1910) выпускник Московского Строгановского училища, с 1903 года работал в Талашкине. ЦГАЛИ ф. №2679 оп. №1 ед. хр. №1996.
9. К.Н. Пруслина «Русская керамика». Наука М. 1974 стр. 78.
10. Л.С. Журавлева. «Талашкино». Советская Россия 1979 (страницы не нумерованы).
11. «Произведения С. Малютина в собрании Смоленского музея». Смоленск 1982 стр. 17.
12. «Памятка Смоленская». Смоленск, Губернская типография 1911. Денис Рош «Выемчатые эмали княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (с французского) стр. 6.
13. Там же стр. 7
14. ЦГАЛИ ф. №2679 оп. №1 ед. хр. 1982 и №1.
15. В.Н. Тенишев (1844 – 1903) – крупнейший российский промышленник, ученый – этнограф, просветитель, общественный деятель.

М.Н. Понкротова,
старший преподаватель Брянского филиала ОРАГС

I.2. Межпоколенческий опыт в общественной деятельности М.К. Тенишевой

Останется созданное на пользу и
служение юношеству, следующим поколе-
ниям и родине.

М.К. Тенишева

Общественная деятельность княгини М. К. Тенишевой была весьма разнообразна и направлена была на разрешение ключевых проблем в жизни человека в сферах культуры, образования и здоровья.

Детство Марии прошло в стенах аристократического особняка в Петербурге, в полном одиночестве, с матерью, тяжелый характер которой разрушил всякий контакт между ними. Клеймо «чужой», «незаконнорожденной» наложило отпечаток на характер девочки. Наверное, это давало удивительные для аристократки сострадательность, зоркость во взгляде на устройство жизни тех, кто более всего нуждался в помощи: рабочих и крестьян.

Впервые о жизни людей низшего сословия княгиня Тенишева задумалась, живя вместе с мужем долгие четыре года в городке Бежеце (орфография М. К. Тенишевой) под Брянском. Здесь В. Н. Тенишев руководил рельсопрокатным заводом.

В книге «Воспоминания моей жизни» Мария Клавдиевна вспоминает: *« ...Общественной жизни на заводе не существовало, и только мужчины где-то собирались небольшими кучками, чтобы пить и проигрывать нажитое».*

Пытаясь изменить сложившийся уклад, княгиня Тенишева проделала огромную работу. Были открыты потребительское общество с доступными ценами на товары достойного качества, народная столовая, благотворительное общество для оказания помощи сиротам и вдовам. С глубоким пониманием необходимости повышать культурный уровень, организовать досуг не только рабочих, но и заводских руководителей среднего и высшего звена, в качестве альтернативы пьянству и праздности Мария Клавдиевна инициировала и принимала самое горячее участие в открытии Общественного собрания, где проходили спектакли организованного ею театра, вечера и концерты приглашенных артистов.

Но самая большая и, пожалуй, сложная работа была связана с тем, чтобы изменить отношения в семье: между детьми и родителями, не способными

ми в сложившихся обстоятельствах транслировать следующим поколениям положительный межпоколенческий опыт.

«Дома детям было тесно, душно, нехорошо. Зачастую под пьяную руку на них сыпались побои и пинки ... Матери прогоняли детей на улицу, чтобы избавиться от шума и рева. Да они и сами охотно бежали от тесноты и дурного обращения и слонялись весь день на свободе, одичалые, огрубелые, развивая в себе Бог весть какие пороки. Жаль было смотреть на ребяташек 12-14 лет, день-деньской болтающихся толпами по широким немощеным улицам завода ... Трудно сказать, что было лучше для ребенка: жизнь ли дикаря разрушителя или вредные примеры и нравственная грязь, царившая у них дома? ... Все это пагубно действовало на нравственность малолетних, беспощадно губя ее в самом раннем возрасте».

Для решения этих проблем Марией Клавдиевной было предпринято несколько шагов: став сначала попечительницей единственной в Бежице школы, она увидела множество проблем, связанных уже с передачей опыта в рамках образовательного учреждения. В результате княгиней Тенишевой было создано ремесленное училище для подростков, ремесленная школа для девочек, где они обучались тому, что должны были бы передать им старшие женщины в семье: матери, бабушки – рукоделию, кройке, шитью. В результате большая часть детского населения города была охвачена обучением и полезными занятиями. Параллельно с устройством образовательного процесса Тенишевой приходилось отстаивать права своих учеников. Предоставляя им возможность полноценно учиться, она приложила немало усилий к тому, чтобы на заводе перестали использовать труд юношей моложе 17 лет.

«... какую метаморфозу произвело это училище в моих учениках! Какое чудо!.. какие милые, приветливые лица встречали меня в училище, какие светлые глаза глядели с благодарностью... О дикарях уже не было и помину. Передо мной стояли будущие люди, сознательно относящиеся к работе, с рвением, усердно взявшиеся за серьезное дело...»

Наблюдая за жизнью рабочих завода, Мария Клавдиевна обратила внимание на то, как пагубно для нравственности сожительство нескольких семейств в одной квартире, когда теряются не только нормы приличия, но и разрушаются внутрисемейные связи между поколениями. Она предложила руководству завода расселить рабочих, уступив им по найму или на праве арендного пользования пустующие земли вокруг завода. В результате началась плановая застройка домов в Бежице и расселение рабочих семей. Через несколько лет *«в праздник на крылечках и балкончиках мелькали трогательные семейные сценки: отцы нянчили ребят, ... целым обществом сидели за самоваром... Все, что было забито, обезличено казармой, на свободе разом пробудилось, приняв жизненную, нормальную форму. Проявились индивидуальности, личный вкус, заговорили человеческие потребности в уютной, чистой обстановке».*

Когда В. Н. Тенишев выходит из правления брянскими заводами, семья уезжает в Санкт-Петербург, где М. Тенишевой совместно с И. Репиным орга-

низованы рисовальные школы по подготовке к высшему художественному образованию. В это время Мария Клавдиевна поддерживает многих молодых талантливых, но еще непризнанных художников. Параллельно открывает рисовальную школу в Смоленске. Она становится одной из основателей журнала «Мир искусства», сыгравшего большую роль в обновлении русского искусства.

Способы решения проблемы просветительства среди народа Мария Клавдиевна выбирала с мудростью и в соответствии с потребностями конкретных людей: ею было открыто несколько начальных народных школ в Бежице, Петербурге и Смоленске, открыты курсы для подготовки учителей.

Княгиня Тенишева видела, что крестьяне – большая часть населения России – живут в темноте и убожестве. Само устройство русской деревни, способ ведения сельского хозяйства требовали коренных преобразований. *«... их скот, лошади, обработка земли — одно отчаяние... Все вместе было что-то безнадежное. Соседство культурного имения мало влияло на них. На благоустроенное имение они смотрели как на господскую затею, к ним неприемлемую...»* Благодаря усилиям М. К. Тенишевой была создана сельскохозяйственная школа первого разряда во Фленово близ Талашкино под Смоленском с целью *«...под неприглядной корой ... разыскать душу, отмыть то, что приросло от недостатка культуры, и на этой заглохшей, но хорошей почве взрастить семя...»*. И это благотворно повлияло на передачу лучшего крестьянского трудового, социального опыта от поколения к поколению.

Выпускников школы готовили к индивидуальному фермерскому хозяйству. В большинстве своем именно они стали лучшими в крае специалистами – универсалами. Сельскохозяйственная экономия Талашкина была прообразом идеальной модели столыпинской фермы. В период кризиса традиционной русской крестьянской культуры М. К. Тенишева искала новый путь «подготовки сельских специалистов, патриотически-настроенных», для которых духовные потребности стали бы ведущими, *«засветился бы свет в глазах крестьянских детей»*. В результате система обучения и воспитания в Талашкино дала толчок к совершенствованию всей системы образования в России.

В это время Тенишева записывает в своем дневнике: *«Деревенская обстановка темна, дети видят иногда дурные примеры, пьянство, драки, воровство... Как может иметь облагораживающее влияние школа и как могут укрепиться всякие житейские правила порядочности в крестьянском ребенке, если он уходит на долгое время в свою среду, где видит и слышит все то, против чего школа борется и от чего старается его отлучить и оградить?»*

Мария Клавдиевна ясно осознавала необходимость взаимопонимания и взаимодействия между школой и семьей. *«Обеднели мы красотой. Из жилищ, из утвари, из нас самих, из задач наших ушло все красивое... Стыдно: в каменном веке лучшие понимали значение украшений, их оригинальность, бесконечное разнообразие. Не от столиц ждать красоты... Не от торжищ искусства. В этих истоках грязнится живая вода, а бьет она нежданная из*

тишины и покоя, от самой земли». Княгиня Тенишева делала многое, чтобы показать крестьянам положительные примеры крестьянского труда, быта, семейных отношений. Каналами трансляции опыта предыдущих поколений являются музеи. И не случайно именно в Талашкино была открыта «Скрыня» - первый на Смоленщине и в России музей этнографии и русского декоративно-прикладного искусства, полагая, что наличие такого музея вблизи школы облагородит вкус учащихся и пробудит их генетическую память. В. Рябушинская, современница событий, писала о школе в Талашкино: «Все было приурочено к художественному, духовному и вместе с тем практическому развитию деревенского молодого поколения». Серьезно занимаясь собирательством предметов русской старины, этнографии, археологии, Мария Клавдиевна собрала самую крупную коллекцию древнерусского прикладного искусства, насчитывавшую более 10 000 уникальных предметов. Ею были организованы экспедиции в разные уголки России. А в 1905 г. Мария Клавдиевна передала коллекцию филиалу Московского археологического общества в Смоленске, финансировав постройку для музея большого здания.

«У священного очага, вдали от городской заразы, творит народ вновь обдуманые предметы, без рабского уродства, без фабричного клейма, творит любезно и дружно. Видно, душевной потребностью, сознанием твердой и прочной почвы двинулось дело талашкинских школ и музея».

О роли Талашкино, где *«не просто общаются передовые и просвещенные люди... объединяются, насыщаются общими идеями»*, но и *«работают, делают, созидают»* для общественного блага пишет В. Солоухин в книге «Продолжение времени». *«Национальное самосознание должно отныне крепнуть в России. Художественные изделия „Талашкина“ – опыт воскрешения народного вкуса. Они доказывают жизненность народной красоты...»*

События 1905 года в России вынудили Тенишевых выехать за границу. «Три года, проведенные в Париже не прошли даром в смысле служения России», - пишет княгиня Тенишева в своих воспоминаниях. И там она занимается активной общественной деятельностью, организуя музыкальные вечера, встречи, пропагандирующие русскую культуру. А еще – что весьма экзотично для женщины – она материально поддерживает в это время творческую деятельность Бенуа, Дягилева и других выдающихся художников Серебряного века.

М.К. Тенишева не просто распоряжается своими деньгами как благотворитель. Она с жаром выдвигает и реализует необходимые обществу проекты, принимая в их осуществлении самое активное участие. Во время войны она много помогает воинам, вдовам и сиротам: организует благотворительное общество, для оказания помощи перечисляются сборы от спектаклей, бала-лаечных концертов в Талашкино. В домике Малютина устраивается лазарет на 10 коек, где при выписке каждый выздоравливающий получает денежную помощь. А в 1908 году этот дом передан под земскую больницу. В 1914 году в Смоленске открыт лазарет для тяжелобольных на 30 коек, который оснащен рентген-кабинетом, единственным в округе, и автомобилем. И даже в этой де-

тельности она не забывает о сохранении семейных отношений: в лазарет имеют доступ родственники раненых воинов: родители, жены, дети, - которым тоже оказывается необходимая помощь.

Общественная деятельность М.К. Тенишевой, на мой взгляд, не закончилась и сейчас, после смерти княгини. Ее имя, ее дела, пережившие не одно десятилетие, - не только повод современным общественным деятелям оценить свой труд для дела созидания и благоустройства жизни в России, но и задуматься, что же будет оставлено для следующих поколений.

Библиографический список

1. Княгиня М.К. Тенишева, Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991
2. Рябушинская В. Памяти княгини М.К. Тенишевой // М.К. Тенишева. Храм Святого Духа в Талашкине...
3. Солоухин В. Продолжение времени. М.: Правда, 1990.
4. Заболотская М. Мечта княгини Тенишевой. // Новый акрополь 2002 №5
5. Тончу Е. Женское предпринимательство в России // Как организовать свое дело. СПб: Общество «Знание», 1998.

1.3. Бежица времен Тенишевой по фотографиям Карла Фишра

Изучая историю Бежицы, которая в конце 19 века была рабочим поселком при Брянском рельсопрокатном заводе, мы узнали об одном интересном памятнике. Это большой фотоальбом с официальным названием: «Брянский рельсопрокатный, сталелитейный, железоделательный и механический завод. Основан в 1873 году. Станция Бежицкая Риго-Орловской железной дороги». Он является уникальным документом для брянских краеведов.

В фотоальбом входит 97 снимков, которые содержат виды старой Бежицы, её улиц, зданий, самого завода и его цехов. Причем сделаны они очень качественно и с технической, и с художественной стороны, что позволяет при внимательном рассмотрении и желательном при увеличении, заглянуть в уже ушедшее время, почувствовать его реальность, благодаря целому миру красивых и маленьких деталей. Эти фотографии были сделаны в 1895 году, в то самое время, когда в Бежице жила княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, 150-летие со дня рождения которой отмечалось в 2009 году. Поэтому фотоальбом можно смело назвать «Бежица времен Тенишевой».

Большие, примерно формата А3, листы сверху украшены двуглавым орлом, с двух сторон которого находится надпись полного наименования завода. По центру, окруженный белыми широкими полями, располагается сам снимок с лаконичной подписью, набранной своеобразным витиеватым шрифтом. Фотографии поражают четкостью деталей. Каждый снимок - это живой, насыщенный рассказ с интересным сюжетом.

Перед нами панорамный снимок Бежицы, выполненный с некоей очень высокой точки, с кратким названием «Вид завода №4». С высоты птичьего полета перед нами открывается вид на размеренно текущую Болву, за которой тонкой полосой виднеется посёлок Радица. Слева, обрамленный пространной площадью, возвышается величественный двухэтажный храм Преображения Господня. На переднем плане хозяйственные постройки, цеха, склады. К одному из них подогнан железнодорожный товарный состав. Рабочие заняты делом. Из трубы вырывается легкий белый дымок. Новые отлитые рельсы сложены аккуратно по длине. На заводе чисто и красиво. Утро. Больница. Операционная. Фигурная печь для обработки инструмента. Подвесная керосиновая лампа. На бутылочках лекарств можно прочесть даже некоторые надписи - «4% раствор борной кислоты». Заглянем в палату. Железные застеленные койки, на одной из них усатый улыбающийся пациент со сломан-

ной рукой, над другой табличка с надписью «Акимъ Фенаевъ. Пост: 4 августа 95г. Врач (подпись)». На тканом полотенце клеймо «ББ».

Пожарное депо. Телеги с ручными помпами, пустые оглобли, свежие следы деревянных колес на песке, блестящие каски пожарников.

Чертежная. Массивные высокие под потолок кульманы. На стене стенд с образцами метизов разной длины. Чернильные пятна на деревянном полу. В правом углу на стене икона Спасителя.

Иногда встречаются даже комические детали. Механическая сборочная. Под потолком на массивной кран-балке виден выполненный мелом дружеский бородатый шарж. А на грунтовой дороге перед церковно-приходской школой совсем свежий... лошадиный навоз.

На полях под каждой фотографией кратко сказано, что снимок сделан фотографом из Москвы Карлом Фишером.

Карл Андреевич Фишер был прусским подданным и являлся владельцем одного из крупнейших фотографических заведений в Москве «К.Фишер, бывшая Дьяговченко», располагавшимся по адресу Кузнечный мост, дом 11. Родился он в 1850 году, и в 1878 году в Оренбурге, в возрасте 28 лет начал свою профессиональную деятельность. А 1887 году стал работать в Москве, где вскоре приобрел себе большую известность. Багаж его фоторабот огромен: от репродукций известных картин и почтовых открыток до портретов высокопоставленных особ и деятелей искусства. Карлом Фишером и его работниками была создана богатейшая портретная галерея многих деятелей русской культуры рубежа XIX—XX веков. Среди них: артисты - М. Н. Ермолова, И. М. Москвин, В. Э. Мейерхольд; писатели - Л. Н. Толстой, Л. Н. Андреев, А. П. Чехов; художники - И. Е. Репин, В. И. Суриков, М. А. Врубель; композиторы - П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов и многие другие.

В 1892 году Фишер расширил ассортимент услуг, открыв при ателье художественную фототипию, цинкографию и фотолитографию «для всякого рода изданий». Ателье Фишера занималось не только портретной съёмкой, но и театральной, архитектурной, хроникальной. Кроме того Карл Фишер сотрудничал с Третьяковской галереей, где пользовался преимущественным правом на изготовление фотографий.

Приглашение в Бежицу фирмы такого крупного мастера было событием значительным и весьма недешевым. К сожалению, подробности этого визита нам пока не известны, нет о нем упоминания и в записях княгини Тенишевой. Однако, если взять в руки сам фотоальбом и полистать его пожелтевшие от времени страницы, то этот вопрос может показаться и не таким уж и значительным, ведь самое главное то, что эти замечательные и ценнейшие фотоснимки дошли до нас. Благодаря чему мы сейчас с вами можем запросто «пройтись» по улицам Бежицы времен княгини Тенишевой, а строки из её воспоминаний помогут нам в этом.

«Во время большого весеннего разлива рек мы совершили наше свадебное путешествие... В этом месте Брянского уезда Десна не судоходна, ходят только плоты, да из мальцевских заводов плывут вниз по течению баржи с посудой».

«Огромный одноэтажный дом с мезонином, с массой вычурной резьбы, с балконами, выступами и башнями, был окрашен в казенную серую краску... Мне был предоставлен большой парк, обнесенный высоким тыном, раскинутый на десяти десятинах когда-то знаменитых Брянских лесов, с толстыми, до небес высокими соснами».

«Через дорогу, как раз напротив нашего дома, начинался завод, ближайшей мастерской которого был мостовой корпус с 1500 рабочих, строящих огромные железнодорожные мосты и паровозные котлы и работавших в две смены. День и ночь оттуда неся неистовый грохот молотков заклепщиков котлов».

«Кроме того, по всем направлениям завода ходили «кукушки» - род небольших паровозов, обслуживающих мастерские, с непривычным острым свистком, оглушавших всех с утра до ночи».

«За год до моего замужества на заводе было построено механическое отделение, где работало две тысячи человек и делались локомотивы. В то время строилась Сибирская железная дорога, и для завода была прямая прибыль поставлять туда паровозы».

«Спустя месяц после нашего приезда на заводе произошло крупное событие: праздновался выход первого паровоза из мастерских. Перед церковью, переполненной рабочими, к этому дню была выстроена высокая платформа, возле которой стоял первенец механического отделения, громадный, красивый, с ярко начищенной медью паровоз... Началось молебствие и окропление святой водой паровоза, после чего он громкими свистками возвестил о первом своём шаге...».

«Условия жизни рабочей семьи в Бежице были тяжелые. Рабочие жили в огромных двухэтажных деревянных казармах, разделенных на множество мелких квартир, в которых помещались две, часто три семьи»

«В скором времени этот план стал приводиться в исполнение. Рабочим, каждому семейству, отрезалось по четверти десятины на двенадцать лет по пяти рублей в год, в арендное пользование. Пособие на постройку выдавалось от двухсот до пятисот рублей, в зависимости от рода продолжительности службы рабочего на заводе.

«Вначале понемногу, потом верстами потянулись домики с садами, огородами, обнесенные заборами. Было отрадно и успокоительно ехать этими просторными слободами».

«На месте никого прежде не радовавшего парка наконец выросло прекрасное каменное здание: «Училище ремесленных учеников имени кн. М.К. Тенешевой»...мы активно взялись за его устройство. Был выписан в большом количестве разнородный инструмент: слесарный, кузнечный, столярный, чер-

тежный. Установили столы, тиски и небольшую кузню. Таким образом, дело быстро наладилось.... Не могу описать, какое высоко, благодатное чувство породило во мне сознание выполненной задачи».

«Тогда я задумала народную столовую, в которой за малую плату рабочий получал бы здоровый, свежий стол, горячее кушанье, где бы мог обогреться и отдохнуть. Это мне вполне удалось.... В здании столовой была устроена хорошенькая сцена, а позади её несколько уборных. По воскресеньям там часто давались представления приезжими актерами, фокусниками, акробатами. Иногда также устраивались любительские спектакли».

«Мне захотелось сплотить это общество, упорядочить отношения, внести в него оживление.... Я надумала устроить для служащих клуб, и эта мысль была принята с восторгом всем заводским обществом.... Предшественник И. покинул завод ... и его поместительный дом, выстроенный с большим вкусом, чем наш, с большим садом, оставался после него незанятым и долго пустовал. Я уговорила мужа уступить мне этот дом для устройства в нем общественного собрания».

Утром в этот день было отслужено молебствие, а в девять вечера состоялся бал.... Тогда же, в тот вечер, было положено просить у меня портрет, который я им дала, и он до сих пор висит в зале клуба».

«... в ту пору одна лавка с красным товаром давала обществу чистой прибыли более двухсот тысяч рублей в год, не говоря уже о мясной, пивной, бакалейной и других. Я считала это чистейшим грабежом.... Задумала я потребительское общество: каждый рабочий получал бы здоровую, свежую провизию, доброкачественный товар, а в конце года на свой пай известный процент.... В конце концов я нашла выход из этого затруднительного положения, попросив мужа уступить все наши хозяйственные постройки при бежецкой даче. Таким образом, в одной половине каретного сарая поместилась мясная, в другой – мучная торговля, из конюшни вышла огромная бакалейная, а в большом флигеле расположились красные товары с готовым платьем».

«У меня радостно, чудно было на душе ... когда на другой день, провожая нас в Петербург, те же рабочие дружной толпой подкатили своими руками наш вагон и, тысячами сбежавшись на станцию, горячо, единодушно приветствовали нас восторженными, нескончаемыми криками. Радостно было смотреть им прямо в глаза, с сознанием выполненного долга, так радостно, что дух замирал, плакать хотелось...».

Вот мы с вами и прошли по старой Бежице времен Марии Тенишевой. Эта замечательная прогулка состоялась благодаря уникальным фотографиям, мастерски выполненными фотомастерской Карла Андреевича Фишера.

Те фотографии, что нам удалось сегодня увидеть, это лишь малая часть фотоальбома. А оставшиеся $\frac{3}{4}$, для нас так и остались «подводной частью айсберга». Бесспорно, нельзя в небольшой статье охватить всю коллекцию фотографий, к сожалению, большая их часть не опубликована по сей день. А те, что все же напечатаны, очень часто представляют собой сильно сжатые в размере и искаженные крупным растром иллюстрации, как правило, дающие

самое общее представление о снимке. А ведь вся прелесть этих фотографий, как мы могли заметить, в многочисленных и «сочных» деталях, которые видно только при большом размере снимка.

Хочется думать, что когда-нибудь, этот фотоальбом в своей полноте все же станет доступен всем любителям брянской старины.

А.В. Городков,
доктор с/х наук, профессор БГИТА,
председатель Брянского регионального отделения
Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

I.4. Усадьба Тенишевых в Хотылеве – памятник архитектуры и ландшафтного искусства конца XIX в.

Если внимательно посмотреть на карту Брянского края, то из глубины памяти можно вызвать светлые точки - древние и не очень давние очаги культуры. Это старинные усадьбы - ныне в большинстве своем исчезнувшие из жизни. Ранее они связывали Брянскую землю с общерусской культурой и искусством изумрудными нитями вдохновенного творчества. Ляличи и Понуровка, Гринево и Великая Топаль, Красный Рог и Баклань, Овстуг и Вщиж, Брасово и Ревны, и многие другие усадьбы своей жизнью и творчеством в них зарождавшимся, оставили след в истории культуры родины. Одной из младших усадеб этой плеяды является усадьба Тенишевых в Хотылеве, совсем недалеко от Брянска, раскинувшуюся зеленой лентой своего парка по берегу Десны.

Территория усадьбы связана с богатой и интересной историей села. Три столетия это была вотчина рода Тютчевых. В XIX веке усадьба перешла в собственность князя Тенишева.

Вячеслав Николаевич Тенишев был незаурядной фигурой в России последней четверти XIX века. Образованный, опытный и энергичный инженер, он совместно с П.И. Губониным и В.Ф. Голубевым учредили в июле 1873 года «Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода» (ныне Брянский машиностроительный завод). Его знания и энергия способствовали тому, что завод быстро вырос и уже к 1900 году занял второе, после Петербургского Путиловского завода, место в России по объему выпускаемой продукции. Вскоре В.Н. Тенишев стал крупнейшим Российским промышленником, субсидировавшим строительство первого в России завода автомобилей. Кроме практической инженерной работы Тенишев занимался научной деятельностью в области математики и, особенно, этнографии, выпустил ряд книг и был председателем организованного по его инициативе «этнографического бюро» - по сбору и изучению этнографических сведений о жизни и быте крестьян. Известна его попытка организации «Свободной школы» в Петербурге.

Жена хозяина усадьбы - Мария Клавдиевна Тенишева - была видной меценаткой и художницей-прикладником, собирательницей коллекции русского прикладного искусства. В.Н. Тенишев дал жене не только княжеский титул,

но и духовную опору, большое состояние и возможность реализовать себя в качестве ученой, просветительницы, художника и меценатки. Получив средства на осуществление задуманных ею проектов, Тенишева вскоре открыла ремесленную школу в Бежице и вложила большой труд в создание усадьбы в Хотылеве.

Парк и постройки усадьбы в нем, как в основном расположении, так и до мельчайших деталей, являются продуктом ее творческого труда.

«Все воображение, а главное энергия, которую я вложила в создание Хотылева и широкая деятельность моя в Бежице не могли уже более замереть во мне. Прилив здоровых сил снова и снова толкал меня к новому творчеству, к новому труду», - писала в своих «Впечатлениях моей жизни» Мария Клавдиевна Тенишева.

В столице, Хотылеве и в Талашкине М.К. Тенишева была окружена видными русскими художниками. Ее круг составляли С. Малютин, Н. Рерих, В. Серов, В. Поленов, М. Врубель, К. Коровин и другие. Некоторые из них посещали ее в Хотылеве и работали здесь. В Хотылеве М.А. Врубель написал своего знаменитого «Пана». По свидетельству Б.К. Яновского, «пейзаж на картине взят с натуры: это вид с террасы Хотылевского дворца на открывающиеся дали». В Хотылеве бывал и великий русский художник И.Е. Репин. Он написал здесь несколько этюдов и сделал ряд рисунков, ныне хранящихся в фондах Государственной Третьяковской галереи. Так же, как и Врубель, Репин не остался равнодушным к деснянской красоте, открывавшейся здесь взору. С И.Е. Репиным М.К. Тенишеву связывала многолетняя дружба. Великий художник был увлечен идеей М.К. Тенишевой об организации рисовальных школ для одаренных детей из народа, а также курсов для учителей рисования. К лучшим произведениям художника относятся многие портреты Тенишевой.

Усадебный парк заложен в начале XIX века и реконструирован при участии М. К. Тенишевой в 1890-х годах. Он невелик по площади, всего 9 гектаров. В плане представляет собой вытянутую вдоль берега фигуру, заключенную между застройкой села и Десной. Начинаясь у сельской площади, от стен бывшей Преображенской церкви, построенный Фаддеем Тютчевым в 1763 году, парк спускается по крутосклону берега к водному зеркалу Десны.

Натурные исследования парка, проведенные в 1960-70-х гг. заслуженным архитектором РФ В.Н. Городковым, позволили дать архитектурный анализ территории, выявить особенности и достоинства ландшафта, наметить пути его восстановления. В книге «Очерки архитектуры Брянского края» (2006) В.Н.Городков пишет: «...планировка парка смешанная и состоит из двух зон: регулярной и ландшафтной. Зоны определены рельефом местности. Верхняя зона, где располагается часть парка и остатки усадьбы, имеет регулярную планировку. Композицию парка «держит» поперечная аллея. Она связывает «Железные ворота» входа в парк с сельской площадью и берег Десны с некогда бывшей там пристанью катеров.

Перед усадебным домом поперечная аллея пересекается двумя продоль-

ными аллеями. Первая, длиною 350 метров, соединяет верхний парк с хозяйственным двором и фруктовым садом, расположенным в левой части усадьбы. Вторая, основная продольная аллея, пересекает перед фасадом всю территорию усадьбы, от западной окраины через фруктовый сад устремляясь к березовой роще и далее к полям. Двумя арочными романтическими мостиками она перекидывается через овраги, спускающиеся к реке.

Дом был открыт в сторону сельской площади парадным «зеленым залом» - окруженным стеной зелени, узким (ширина 25 метров) цветочным партером. Парковым фасадом дом смотрел на реку. Перед ним полукруглая площадка, от которой начинается гранитная лестница спуска к реке. В верхней части лестницы в грот. В него можно войти и отдохнуть в прохладе. Отсюда красивый вид на Десну.

Склон берега и нижняя прибрежная зона имеют ландшафтную планировку с небольшим числом троп и дорожкой вдоль берега реки. Здесь же располагался «рыбный пруд» (не сохранился). Его чаша находилась несколько выше уровня Десны. Дорожка соединяла пруд с поперечной аллеей и далее, в правой части парка, выходила на подъездную дорогу к мосту. Она дважды поперечными дорожками, ныряющими на дне оврагов под арки мостиков, соединялась с верхним парком.

Внимательно посмотрим на план парка и убедимся, что его композиция логично сочетает регулярные устройства с «натуральными», четкие прямые аллеи, «зеленые залы» и «кабинеты» - с прихотливо вьющимися дорожками, со свободной планировкой, приближенной к живой природе. Центр композиции - это упомянутый выше «зеленый зал» цветочного партера перед домом усадьбы. Слева от него, если смотреть от Железных ворот, поперечные аллеи, соединенные между собой тремя короткими прямыми аллеями, образуют еще три зеленых зала, обрамленных плотными рядами высоких лип. Здесь на лужайках размещались игровые и спортивные площадки: русская лапта, лаун-теннис, крокет и другие. Перед средним из этих залов находится открытая, на возвышении, поляна. На ней стоял «Летний дом». Справа от партера располагались службы и фруктовый сад.

Не считая нескольких хозяйственных построек бывшей усадьбы, на территории парка сохранились отдельные элементы парковой архитектуры: железные ворота, две гранитные лестницы веранд главного дома, гранитный (с гротом) лестничный спуск к реке, один арочный каменный мост через овраг. Характер их архитектуры общий с архитектурой дома.

Парк имеет разнообразное по видам растений озеленение. Раньше площадь цветочного партера перед домом обрамлялась рядами лиственниц, десятью туями (по пяти с каждой продольной стороны) и серебристыми елями. Ныне это экзотическое обрамление утрачено. По аллеям - однопородная посадка из лип. Ландшафтную часть парка украшают местные породы деревьев и кустарников: липа, клен остролистный, дуб черешчатый, тополи черный и берлинский, ольха, осина, береза, ель обыкновенная, сосна, лиственница, черемуха, сирень, бузина и другие. Встречаются экземпляры сосны кедровой

сибирской.

Хотылевский парк - это парк внешних видов. Регулярная часть его умеренно парадная и уютно замкнутая в прямоугольные зеленые стены аллей. Ландшафтная же часть во многих местах открывается разрывами и «окнами» в зелени на реку и заречье, направляя внимание зрителя на отдельные виды широкого деснянского пейзажа. С площадки «Летнего дома» открывается вид сверху на «рыбный пруд», нижний парк и на уходящую вдаль пойму с серебряным изгибом реки. Аллея лестницы торжественно показывает Десну «в упор» на коротком участке, вписанном в ажурную раму из ветвей деревьев, как бы приглашая приблизиться к ней. Поперечные дорожки, спускающиеся по логам, открывают новые и разные виды, обрамленные полукруглыми арками мостов, переброшенных над оврагами. Извивающаяся прибрежная дорожка на своих поворотах заставляет взглянуть вдоль Десны в голубую даль. Такое включение внешних видов в парк необыкновенно обогащает его содержание, как бы раздвигает его границы далеко, далеко.

«Все воображение, а главное энергия, которую я вложила в создание Хотылева и широкая деятельность моя в Бежице не могли уже более замереть во мне. Прилив здоровых сил снова и снова толкал меня к новому творчеству, к новому труду», - писала в своих «Впечатлениях моей жизни» Мария Клавдиевна Тенишева.

Результатом ее творческого труда было создание прекрасного уголка на Брянской земле. Что и было выполнено. Парк является весьма неплохим и единственным в области парком внешних видов. Расположенный на склонах берега, он сочетал в себе планировочные приемы далекой эпохи русского барокко и более близким нам свободно-ландшафтным характером, размещением дорог, площадок и озеленения».

К сожалению, современное состояние парка внушает тревогу за его будущую судьбу. Бессмысленно разрушается красивая лестница и другие парковые сооружения. Исчезают ценные деревья, заменяясь случайной порослью. В глубоких зарослях парка еще пленяет взор руина арочного кирпичного моста через овраг, завораживают взгляд путешественника огромные туи и липы, ажурная решетка главного паркового входа, но с трудом отыскивается место высохшего рыбного пруда, видны еще остатки некогда великолепного лестничного каскада к Десне...

Время вспомнить об усадебном парке пришло лишь в 1960-е годы, когда заслуженным архитектором России В.Н. Городковым впервые был обследован памятник ландшафтного искусства на берегу Десны, составлен его обмерный чертеж (см. книгу «Очерки архитектуры Брянского края») и ландшафтно-планировочное описание. В 1983 году В.Н. Городков опубликовал очерк, посвященный усадьбе, и вплоть до своего ухода из жизни постоянно выступал в защиту парка... Новых защитников и исследователей парк нашел уже в наши дни в лице студентов – будущих историков и специалистов природообустройства территорий. Усадебный парк в Хотылеве имеет большой образовательный потенциал. Здесь, в парке, студенты впервые знакомятся с

интересной ландшафтной идеей, блестяще реализованной в конце XIX века.

Поперек аллеи, примерно в середине ее, располагался усадебный дом, который являлся планировочным центром всей территории. Одноэтажный и нарядный, он был построен во второй половине XIX столетия в духе загородных итальянских вилл эпохи Возрождения (с налетом той провинциальной декоративности, которой отличались западноевропейские постройки третьей четверти XIX века и которая давала повод называть этот стиль «венским ренессансом»). Дом проектировал архитектор Н.Д. Прокофьев под непосредственным влиянием М.К. Тенишевой. М.К. Тенишева вспоминает: «При въезде в усадьбу стояла красивая белая каменная церковь елизаветовских времен. Чтобы сохранить гармонию, пришлось построить дом приблизительно в том же стиле». Николай Дмитриевич Прокофьев (1866-1913 гг.) в 1895 году окончил Императорскую Академию художеств с золотой медалью и получил звание классного художника первой степени по архитектуре. Это дало право быть отправленным за границу для усовершенствования в искусстве и изучения памятников архитектуры за счет казны («пенсионером», как говорили тогда). В результате двухлетней работы по обмерам Венецианского дворца дождей Прокофьев представил совету Академии блестяще выполненные чертежи, за которые был удостоен звания академика архитектуры. Еще раньше, с 1890 года, будучи студентом Академии художеств, Прокофьев работал на постройках Валаамского монастыря. Он самостоятельно произвел расчеты сводов и куполов Преображенского собора - главного здания монастырского ансамбля и представил их по курсу теории сводов. В результате этой работы им получено разрешение на проектирование и осуществление внутренней отделки собора. В 1897 году по проектам Прокофьева была построена в Тихвинском скиту церковь Тихвинской Богоматери на острове Вощаном, а в 1904 году на острове Святого Германа церковь Александра Невского. Н.Д. Прокофьев был членом общества акварелистов. Им создана серия акварелей посвященных Валааму. Ныне, построенные по проектам академика Прокофьева собор, храмы и другие сооружения на Валааме реставрируются, и Валаамскому ансамблю вновь придают былой блеск и величие. Хотылевский дом был сожжен во время войны.

Некогда над зеленым морем парка доминировал объем церкви Преображения Господня. Однако в 1934 году храм утратил свои изящные формы и долгое время находится в руинированном состоянии.

Храм каменный построен в 1759-1763 годах на месте деревянного предшественника «старанием и на средства помещика Фаддея Петровича Тютчева». Раньше храм имел два алтаря – один во имя Преображения Господня и другой в честь иконы Казанской Божией Матери. В 1895 году приделы соединены.

Стиль архитектуры этого редкого для нашего края памятника - Елизаветинского периода русского барокко - пышный, романтический и трогательный. Обилие пилястр, витиеватых обрамлений, раскреповок, многопрофильных карнизов, закругленных рустованных углов и криволинейных стен, игра све-

тотени в филенках и нишах придают памятнику большую пластичную нарядность и живописность, характерные для этого веселого и радостного стиля. Изысканный в пропорциях главный восьмерик храма был завершен купольной крышей. Четыре люкарны световых проемов, как ожерелье, обрамляли ее. Округло изогнутые грани крыши плавно переходили в основание еще одного светового барабана, стройного и изящного, устремленного вверх. Его четыре узких окна отвечали окнам люкарен. Он нес красивую, в форме вазы главу, на острие короткого шпиля увенчанную золоченым крестом. Таких же изящных форм была и колокольня, возвышавшаяся над западной частью церкви.

К настоящему времени прошли проверку некоторые современные функции старинных усадебных парков. Наиболее подходящими из них являются: использование парков в качестве музеев садово-паркового искусства, объектов рекреации, размещения в парках различных учреждений культуры, включение парков в систему туризма. Такое использование не противоречит архитектурно-планировочной структуре парков и при правильной организации способно продлить их активную, деятельную жизнь. Дорогие сердцу жителей Брянского края родовые места Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого воссозданы из небытия, в каком находились они как и Хотылево. По их примеру можно вызвать к современной жизни и усадьбу Хотылево - еще одно пристанище муз. Парк в Хотылеве, пожалуй, единственный пример в Брянском крае террасного прибрежного парка со своеобразной планировкой, активно включающей в свою композицию внешние виды отмеченных незаурядной красотой окрестностей. Надо его сохранить. Настоятельно необходимо сейчас строгое запрещение использования парка под застройку, а также срочно установить охранную зону парка как ценного памятника.

Рациональное использование исторического парка и воссоздание усадебного дома Тенишевых в Хотылеве может дать не только социальный, но и ощутимый экономический эффект. Кроме этого, исторические, и особенно, мемориальные парки способны оказывать культурно-эстетическое воздействие на человека, активно формировать его мировоззрение. И это трудно переоценить.

Д. Озер,
исследователь

1.8. С днем рождения, Мария Клавдиевна

В этом году мы отмечаем радостное событие: ровно 150 лет тому назад, 20 мая по старому, 1 июня 1858 года по новому стилю родилась Мария Клавдиевна Пятковская, будущая почетная гражданка Смоленска, княгиня Тенишева.

В честь выдающейся деятельницы русской культуры в нынешнем году в городах, связанных с ее именем, проводятся разные мероприятия. В Санкт-Петербурге этой весной прошла выставка «Собрание княгини М.К. Тенишевой. К 110-летию Русского музея». В июне открылись в Москве врата Государственного Исторического музея по случаю выставки «Княгиня М.К. Тенишева в зеркале Серебряного века». В северной столице представили вниманию посетителей коллекцию русского рисунка и акварели, которую Мария Клавдиевна принесла в дар Русскому музею императора Александра III в 1898 году. В Москве, как анонсировали на сайте ГИМа, показывают «...многогранную деятельность Тенишевой в контексте сложной, чрезвычайно интересной эпохи. Впервые будут максимально полно отражены этапы ее творческой, меценатской, организаторской, коллекционерской деятельности.» Во Флёнове к дню рождения установили скульптуру Марии Тенишевой.

Завершится цикл мероприятий в сентябре этого года в Брянске международной конференцией «М.К. Тенишева и ее время».

Тем более приятно, что в такие знаменательные дни мы можем дополнить и биографию Марии Клавдиевны новыми сведениями.

Ребенок

Как известно, в книге, «данн[ой] от С[анкт-]П[етер]бургской Духовной Консistorии причту Новосельцевской церкви на записку в оную родившихся, браком сочетавшихся и умерших в 1858 году» под номером 5 двадцатого мая «Коллежский Секретарь Клавдий Стефанов Пятковский и законная жена его Мария Александрова, оба первобрачные и православные» записали дочь Марию. В «Петербургском Некрополе», изданном Великим Князем Николаем Михайловичем в 1912 году, мы находим годы жизни родного отца Марии Клавдиевны.

Итак: Пятковский, Клавдий Степанович, родился 30 января 1818 года и скончался 23 мая 1867 года. Обстоятельства его смерти пока неизвестны. Он похоронен на Волковом православном кладбище в одной могиле, по всей вероятности, со своей матерью, Марией Павловной Пятковской, родившейся 23 января 1786 года, скончавшейся 2 августа 1848 года. К сожалению, о ее муже

конкретных сведений нет, всего лишь сообщается, что она «супруга чиновника 7-го класса».

Мать

Перемещаемся в 1877 год: 10 июля по старому стилю у Марии Клавдиевны и ее первого мужа Рафаила Николаевича Николаева родилась дочь Ольга Рафаиловна. Ольга позже выйдет замуж за барона Ивана Людвиговича фон дер Остен-Сакена (1872-1909). У них родилась дочь – внучка княгини Тенишевой – Ольга Ивановна 10 февраля 1903 года. Все эти даты указаны в личном деле Ивана Людвиговича, ушедшего по собственной воле из жизни, которое хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Супруга

О Рафаиле Николаевиче мы знаем пока только из тенишевских мемуаров, которые впервые вышли в свет во Франции в 1933 году под названием «Впечатления моей жизни». В выше упомянутом «Петербургском Некрополе» сообщается, что Николаев, Рафаил Николаевич, действительный статский советник, скончался 1 сентября 1899 года и похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Художник

Совершенно случайно во французской газете «Comoedia» за 30 августа 1913 года нашлась фотография иконы собственной работы эмалиера Тенишевой, которую она изготовила к трехсотлетию дома Романовых. Она изобразила на фоне Ипатьевского монастыря Михаила Федоровича, первого Романова, призванного на трон, Николая II и Царевича Алексея. Император Николай II и императрица Александра Федоровна приняли княгиню Тенишеву 12 июля 1913 года в Петергофе. Если мы раньше знали об этой работе Марии Клавдиевны только по ее эскизу, то теперь мы можем зримо представить это творение Тенишевой в исполненном варианте.

Эмигрант

Благодаря находкам исследователя жизни Николая Константиновича Рериха Ольги Ешаловой мы получили новые сведения о жизни Марии Клавдиевны и ее верной спутницы княгини Екатерины Константиновы Святополк-Четвертинской после 1916 года, которым заканчиваются тенишевские «Впечатления моей жизни». Из пока еще неопубликованной переписки Екатерины Константиновы следует, что обе княгини 21 марта 1917 года еще находились в Смоленске. Дальнейшие письма, датированные 29-ым ноября 1917 года и 5-ым августа 1918 года, были отправлены из Крыма, где княгини жили в Симеизе.

В ноябре княгиня Святополк-Четвертинская пишет: «Что вам сказать? Болеем душой за Кремль, за ризницу Патриаршую, за Чудов монаст. и проч. обиды. Бедная Россия, как печально она поняла свободу! Третьего дня рус-

ский миноносец пришёл в Ялту и ночью стрелял в город, а матросы ограбили магазины — Кажется, всюду хорошо! Что же вам писать — не знаю. В Смоленске грабежи и убийства. Все имения разграблены и сожжены. Из Талашкино кое-что перевезли, но ведь и в городе нет гарантии. Печально доживаем жизнь и нет просвета. С нами сюда приехал повар, а сегодня уехал, потому что его жену в Смоленске ограбили и ранили дочь в руку и живот. Здесь живёт семья Маковских и ещё некоторые знакомые. Нас много на даче всё страшно дорого, а денег из банка выдают мало. Ничего не поделаешь и ни на что больше не надеешься! Обнимаю вас сердечно за себя и за Княгиню.»

Письмо 1918 года заканчивается словами: «При первой возможности мы поедем в Москву, Смоленск и Петроград, а пока у моря ждем погоды. Очень, очень тяжело ...» Желанию Екатерины Константиновны не суждено было сбыться. После 26 марта 1919 года они навсегда покинули Россию.

Жизнь Марии Тенишевой во французской эмиграции ввиду фактического отсутствия каких-либо достоверных документов не изучена. О некоторых моментах этого периода Мария Клавдиевна написала Николаю Рериху. Приведем ее письмо от 25 июля 1921 из Парижа Николаю Константиновичу Рериху: «Добрейший Николай Константинович, Чем дальше идёт время, тем больше накопилось событий и разных переживаний, с которыми я, до сих пор, не была ещё в силах с Вами поделиться. (...) Про себя могу сказать, что только теперь я пришла к более или менее нормальному равновесию души, после длительной болезни, вызванной пережитыми событиями и неумолимыми ударами судьбы.

Меня наконец покинуло мучительное чувство ожидания — чуда, как будто должно было сразу, по волшебству, прекратиться убиение несчастной России! Не дождавшись этого чуда, осилив свою внутреннюю боль, во мне настала реакция, — знаете, что и к горю люди привыкают, — и меня потянуло к творчеству и работе. Но слово «потянуло» не надо брать в смысле отвлечённой душевной потребности, я и раньше прекрасно сознавала, что только труд, единственно упорный труд остался лишь в удел тем, кто хочет, из нас русских, ещё дышать и иметь право на жизнь.

Когда мы бежали из Крыма в 1919 году и прибыли во Францию, мы застали здесь ещё полную разруху, дезорганизованность после многолетней войны, и только теперь стало ощущаться, что жизнь этой страны начала входить в своё обыденное русло.

Представьте себе, что только после двухлетнего нашего пребывания здесь, появился газ прежнего качества, без которого мы, эмальеры, не могли приступить к настоящей работе, по причине гадкого качества угля, не дававшего достаточного жара и окончательно не выжигавшего эмаль. Таким образом протекли два года полного бездействия, но теперь я начала работать, успев наготовить за это время массу проектов.

Дело в том, что с войной и её последствиями Европа страшно обеднела, в особенности это чувствуется во Франции. Художники всех отраслей искусства не имеют больше никаких заработков, и в их рядах царит безнадежная

грусть. Вообще здесь полный застой в делах, никто *ничего* не покупает и не продаёт, магазины пустуют, даже антикварные не делают никаких сделок.

Пока я была в своём деле только любительницей, производя предметы по моей фантазии и не заботясь о том, останутся ли они у меня на руках или нет, в то время я была обеспеченным человеком, теперь же дело приняло совершенно другой оборот.

С каждой вещью, которую я предпринимаю, меня не должно уже больше покидать сознание, что это делается за счёт насущного куска хлеба. Следовательно, мне необходимо будет создать верный сбыт моим произведениям, что-нибудь серьёзное и постоянное.

Оставя в России, силою обстоятельств, всё, что мне было дорого, вместе с тем и мою редкую, можно сказать, единственную в своём роде коллекцию эмалевых произведений, представлявшую из себя полную историю этого дела в памятниках древности, я имела какое-то наитие захватить с собой и зашить в моё платье мои драгоценности, которые и составляют в данное время наши ресурсы.

Но всему бывает конец, и вот, чтобы не дожить до той минуты, когда в кармане не останется ни полушки, я обязана озаботиться о будущем. (...) Хорошо тем женщинам, у которых есть мужья, заботящиеся о семье, я же одна, да к тому же у меня на шее ещё моя пустенькая дочь, которой море по колено, а девочку её надо позаботиться поставить на ноги. (...) Живу теперь в мастерской, она Вам знакома, и хотя в ней тесновато нам всем, зато она дешевле квартиры. (...)

Жму дружески Вашу руку. Княгиня Мария Тенишева

P. S. Одновременно с этим письмом высылаю Вам сборник со снимками вещей моей работы. Они Вам все знакомы, жаль, что сюда не попали мои лучшие произведения: дверь, юбилейный образ, солонка с блюдом, «заклятое зверье», и другие, бывшие в Салоне 1914 года. Всё же и это может дать понятие о моей работе. (...)

Несмотря на тяжелейшие жизненные обстоятельства, Мария Тенишева сумела создать в пригороде Парижа “малое Талашкино”, где она обитала со своими близкими. Среди них её пожизненный друг Екатерина Святополк – Четвертинская. 1/14 апреля 1928 года, восемьдесят лет тому назад, Марии Клавдиевны не стало. Екатерина Константиновна пережила свою лучшую подругу на 14 лет. Она скончалась 7 апреля 1942 года в их совместном доме в Ля Сэль Сен Клу в возрасте 85 лет. На местном кладбище этого маленького французского городка они покоятся в одной могиле.

Вспоминаем княгиню Тенишеву, которая всю жизнь заботилась о судьбе своей Родины. С днем рождения Вас, Мария Клавдиевна!

РАЗДЕЛ 2. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЕНА М.К. ТЕНИШЕВОЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

И.А. Кеня,
председатель правления Фонда им. братьев Могилевцевых

2.1. Благотворительная деятельность брянских меценатов братьев Могилевцевых

Впервые фамилия Могилевцевых упоминается в Брянске в конце XVIII века. Василий Матвеевич Могилевцев был купцом 3-й гильдии, человеком уважаемым и авторитетным в обществе. Его дом располагался в центре города на улице Архангельской (Смоленская, Рождественская; ныне – бульвар Гагарина).

В отца пошли и сыновья. Николай Васильевич в 1838 году был избран гласным городской думы, а в 1856-ом году – брянским городским головой.

Именно Николай Васильевич в 1860 г. обратился в Городскую Думу с предложением открыть в Брянске для беднейших граждан городское женское училище. Благое намерение городского главы поддержали жители города, собрав 770 рублей серебром и приобретя деревянное здание для училища, а учителя мужского начального училища изъявили желание преподавать в нем безвозмездно. С 1863 года Н. В. Могилевцев возглавляет общественный банк, оставаясь благодетелем женского училища. Так что благотворительность и трепетное отношение к образованию было в роду Могилевцевых семейной традицией.

Другой сын – Семён – стал купцом 2-й гильдии. В его семье было девять детей: пять сыновей и четыре дочери. Наибольшей известности в Брянске достигли своей благотворительной деятельностью Семён, Павел и Николай Семёновичи Могилевцевы.

В начале XX века в Брянске, пожалуй, не было человека, который не слышал бы о братьях Могилевцевых. Такую известность они заслужили своей искренней любовью к родному городу.

В 1885 году после смерти Семёна Васильевича Могилевцева его сыновья решили объединиться и учредить «Товарищество Николая Семёновича Могилевцева с братьями». Всё имущество было оценено в 400.000 рублей, и оно составило капитал Товарищества, который братья разделили на восемь паев по 50 тысяч каждый.

Братья Николай, Семён и Павел вели совместное дело – занимались торговлей пенькой, маслом и лесом, владели четырьмя тысячами десятин

земли с лесом, имели лесопильный завод и четыре паровых лесопилен, а также имение «Балахоновка». Их торгово-промышленные дела шли успешно.

Свой первый лесопильный завод братья основали по улице Московской (ныне – Калинина), но вскоре мощностей завода уже не хватало и они построили напротив вокзала «Брянск-Орловский» свой второй завод. Лес по железной дороге отправляли в Орел и Нижний Новгород, а по Десне сплавливали в Киев. Кроме торговли лесом, братья имели в городе ещё жилых 10 домов, которые сдавали в наём.

В конце XIX-начале XX века внешний облик Брянска производил безрадостное впечатление. Вот что вспоминал В. Н. Розанов о Брянске: «Город был ужасающе беден и столь же ленив, город – старинный один из древнейших в России». В Брянске были, в основном, деревянные дома и несколько каменных зданий по Московской улице.

А вот у журналиста Немировича-Данченко было совсем другое впечатление: «Красиво и свободно раскинувшись на правом, высоком берегу Десны, утопая в зелени, весь залитый солнечным светом, Брянск выглядит нарядным, чистеньким и самодовольным». Но каким жестоким было разочарование при близком знакомстве с городом. Центр Брянска, сложившейся на низкой территории, весной и осенью буквально тонул в грязи. Четыре десятка уличных фонарей плохо служили своему назначению. Из-за отсутствия водопровода горожане пользовались водой из Десны.

Ещё в 1875 году значительная часть города сгорела, и тогда заговорили о строительстве водопровода, но денег на него не было. И только в 1894 году был построен арсенальный водопровод, однако это не решило проблему города. И наконец в 1905-ом братья Могилевцевы подарили брянцам водопровод и электроосвещение, подняв этим статус города и приблизив его к более цивилизованным и комфортным для жизни российским городам. И в этом была заслуга лучших его жителей.

Традиции меценатства на земле брянской существовали ещё до братьев Могилевцевых. Почётный смотритель училищ Яковлев построил городское училище, братья Бабковы – Троицкую церковь, купец Некрасов – Христорождественскую церковь, а купец Вязьмитин большие средства вложил в строительство Покровского собора.

Но столь много, сколько подарили городу братья Могилевцевы, не сделал никто другой. Они на свои средства построили для Брянска семь образовательных учреждений, две больницы, родильный приют, Спасо-Гробовскую церковь. Заслуги братьев перед Брянском были отмечены присвоением им звания почётных граждан города, а их портреты висели в здании городской думы. Слова на пьедестале памятника одному из братьев говорили о многом: «Благодарный город Брянск своему Почетному гражданину Павлу Семеновичу Могилевцеву».

Павел Семенович Могилевцев родился 7 июня 1844 г., образование, как многие выходцы из купеческой среды, получил домашнее. Был он человеком

глубоко верующим, избирался церковным старостой Спасо-Гробовской церкви. В традициях православия воспитывал и свою дочь Валентину.

В 1894 году Павел Семёнович был избран гласным городской думы и служил в этой общественной должности в течение 22-х лет. В 1902-1906 гг. он исполнял обязанности председательствующего в думе.

В 1903 году Павел Могилевцев был награждён за свою благотворительную деятельность золотой медалью, а затем орденом св. Анны 3-й степени. Орден вручался за подвиги, совершаемые на поприще государственной службы. Девизом ордена были слова – «Любящим правду, благочестие, верность». Семён Могилевцев тогда же получил орден св. Станислава 3-й степени. Этот орден являлся самым младшим по старшинству в числе государственных наград, предназначавшихся для отличия чиновников. Его девиз – «Вдохновлён наградой».

В 1905 по указу Правительствующего Сената от 11 марта 1905 г. купец Павел Могилевцев был возведен в потомственные почётные граждане. Это звание было высоким моральным поощрением для лиц купеческого сословия и передавалось потомкам награждённого. Именно такие люди с усердием, днём и ночью толкали «российскую телегу» на Олимп экономического процветания.

В 1909 году Павел Семёнович высказал пожелание пожертвовать своё имение в деревне Балахоновке, что в четырёх верстах от Брянска, для учреждения в нём сельскохозяйственной школы. К сожалению, этому плану не суждено было осуществиться. В октябре 1909-го жители Брянска проводили Павла Могилевцева в последний путь. Однако Семен Могилевцев, проживавший в Киеве, не только завершил все нереализованные планы своего брата, но и продолжал жертвовать средства на здравоохранение и образование.

Городская дума постановила: увековечить память Павла Семёновича Могилевцева, установив его бюст в Павловском сквере. Автором памятника стал скульптор из Керчи Тюев, а киевский купец С. Н. Островский выполнил этот заказ город. Оплатил же все работы Семён Могилевцев. Торжественное открытие памятника состоялось 29 июня 1915 года.

В 12 часов начался крестный ход от Покровского собора к Павловскому скверу. В многолюдной колонне шли гласные городской думы, преподаватели, гимназисты, учащиеся школ. На церемонии присутствовали родственники Павла Семеновича – жена Зинаида, дочь Валентина, её муж Лев Фогль и Семён Могилевцев.

Глубоко символично, что слова благодарности на памятнике подписывала трогательная фигура девочки-гимназистки. Это ещё раз свидетельствовало об огромном вкладе Павла Могилевцева в развитие образования в городе и о безмерной благодарности горожан.

Благотворительная деятельность братьев Могилевцевых была очень разноплановой, но базировалась на их личных основных жизненных принципах. Будучи здравомыслящими людьми, они прекрасно понимали, что для развития страны необходимы грамотные, хорошо образованные и здоровые

люди, поэтому так много средств вкладывали в образование и здравоохранение.

В 1898 году Могилевцевы построили здание церковно-приходской школы, которая располагалась рядом со Спасо-Гробовской церковью. В следующем году учредили в Брянском среднем техническом училище стипендию, пожертвовав на неё 4 тыс. рублей. В 1902 году открыли домовую церковь в техническом училище на Петропавловской улице. . На протяжении четырёх лет выделяли 4 тыс. руб. ежегодно для стипендий и помощи бедным ученикам. Всего техническому училищу меценаты пожертвовали 28 тыс. рублей.■

В 1905 братья Могилевцевы обратились в думу с просьбой ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии женского ремесленного училища, стоимость которого составила 25 тыс. рублей.

Для училища пожертвовали 2-этажное здание по улице Московской, передав его в дар городу. В банк положили 25 тыс. руб. неприкосновенного капитала, проценты с которого шли на содержание училищ. В училище учили ремеслам швеи, кухарки. Семён Семёнович лично разработал устав училища, которому в 1909 году присвоили имя Любви Александровны Могилевцевой – матери Семена и Павла.

В конце XIX века в Брянске существовала женская прогимназия. Со временем её помещения стали тесны, и в 1901 году город возбудил ходатайство перед Министерством народного просвещения и Брянским уездным земством о выделении средств на постройку собственного здания гимназии. Длительная переписка ни к чему не привела, и тогда братья Могилевцевы приобрели в лучшей части Брянска участок земли, где началось строительство трехэтажного каменного здания. Замыслы братьев Могилевцевых воплотил в прекрасное трёхэтажное красно-белое здание архитектор Н. А. Лебедев.

В 1907 году город принял здание женской гимназии, обошедшееся в 290 тыс. руб., в дар. Торжественное открытие учебного заведения состоялось 6 февраля. Начальницей гимназии стала Елена Шабанова, затем её сменила Зоя Слоновская, пользовавшаяся большим авторитетом у воспитанниц и их родителей. Брянская городская дума выразила Павлу и Семёну Могилевцевым благодарность за пожертвования и приняла решение: ходатайствовать о присвоении гимназии имени братьев Могилевцевых; избрать жертвователей почётными попечителями гимназии пожизненно и поместить их портреты перед актовым залом гимназии; учредить именные стипендии Павла и Семёна Могилевцевых.

Гласные городской думы обратились к Могилевцевым с такими словами: «Вы понесли немало трудов в заботах о развитии и лучшей постановке дела научного образования детей наших граждан. Вы открыли женское ремесленное училище, чем дали возможность в недалеком будущем развитию среди женского населения города профессиональных знаний. Постройкой здания для женской гимназии вы даёте возможность широко и правильно развиваться среднему образованию в родном городе. Столь большие заслуги Ваши побу-

ждают нас, гласных городского самоуправления, просить Вас принять от всех его жителей глубочайшую благодарность».

После образования в 1905 году Министерства торговли и промышленности в России стали появляться торговые школы. И в 1908-ом братья Могилевцевы подали в городскую думу заявление: «Жители среднего сословия г. Брянска, состоящие из мелких торговцев, приказчиков и мелких служащих, не могут удовлетворяться элементарным образованием своих детей, а за неимением достаточных средств не в состоянии обучать их, дети остаются без достаточного запаса знаний для самостоятельной жизни».

Имея возможность помочь городу, Могилевцевы предлагали городской думе возбудить ходатайство перед министерством торговли и промышленности об открытии в Брянске трёхклассной торговой школы, стоимость которой составляла 50 тыс. рублей, а на её содержание жертвовали ещё 25 тысяч. Торговую школу решили построить на Московской улице, на усадебном месте бывшего лесопильного завода, где когда-то стоял их семейный дом. Архитектор Лебедев в проект оформления здания школы заложил символы источников благополучия Могилевцевых. Прежде всего, это был трезубец бога морей и рек Нептуна, ведь путь по Десне был главным в сбыте их лесопильной продукции. В октябре 1909 года братья пожертвовали городу школу и присвоили ей имя отца – Семёна Васильевича Могилевцева. В торговой школе изучали Закон Божий, русский и немецкий языки, арифметику, историю, географию, рисование и специальные предметы – товароведение и каллиграфию.

В 1909 году городская дума обратилась с ходатайством в Министерство народного просвещения об открытии казённой мужской гимназии, где могли бы обучаться талантливые дети. Здание гимназии Павел и Семён Могилевцевы возвели на месте отцовской усадьбы напротив Павловского сквера. Внешний вид здания должен был особо подчеркнуть его предназначение – классическое образование для юношей. После смерти брата Павла Семён Семенович достроил здание гимназии, он же подобрал кандидатуры директора гимназии и учителей. По его рекомендации директором гимназии был назначен статский советник Н. П. Кузнецов, выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического института, опытный педагог с 19-летним стажем. После Н. П. Кузнецова обязанности директора гимназии исполнял статский советник С. А. Бакулин.

В октябре 1910 года в доме вдовы Зинаиды Фёдоровны Могилевцевой в присутствии брянского нотариуса П. П. Попова был подписан акт пожертвования городу усадебного места со зданием мужской гимназией. В следующем году ей присвоили имена Семёна и Павла Могилевцевых. А в сентябре 1913 года состоялось торжественное открытие гимназии, на котором присутствовали Семён Могилевцев, вдова Павла – Зинаида Фёдоровна и дочь Валентина, архитектор Лебедев, представители городской власти.

Другим направлением благотворительной деятельности Могилевцевых стало развитие медицины, выразившееся в строительстве и поддержке медицинских учреждений.

До 1890-х годов в Брянске не было ни одной городской больницы. В 1888 году братья подарили городу два только что выстроенных дома с десятиной земли и садом для устройства больницы по улице Горячковской (ныне С. Перовской). Открывшаяся в 1891 году больница на 40 мест была первым медицинским учреждением, где бедных граждан лечили бесплатно. В Попечительный совет больницы вошли: городской голова В. И. Сафонов, гласные думы Н. С. и П. С. Могилевцевы, купцы А. П. Комаров, А. Д. Комарев и Н. Ф. Комарев.

Поддержка городской думы подвигла братьев Могилевцевых на новую благотворительность. В апреле 1895 года Павел Семёнович пожертвовал городу на устройство каменного здания и содержание дома призрения детей и престарелых капитал в 10 тыс. рублей.■

В 1910 году Семён Могилевцев подарил женщинам города родильный приют. Это здание также несёт на себе почерк архитектора Н. Лебедева, выразившийся в сочетании красного и белого кирпича. Строительством приюта вместе с Н. Лебедевым руководил врач Н. Полянский. Он и должен был стать заведующим, но помешала его политическая неблагонадежность, участие в революционных событиях 1905 года. Поэтому заведующим приютом стал врач Н. Лавров.

В 1911 году Семен Могилевцев подарил городу монастырскую больницу. Общая сумма его вложений в медицину составила 86 тыс. рублей.

Будучи глубоко верующими людьми, братья заботились о вечных ценностях. Николай, Семен и Павел начали строительство Спасо-Гробовской церкви, которую вначале предполагалось назвать Николаевской. 23 июня 1899 года газета «Орловский вестник» сообщала, что «21 июня Преосвященный Никонор посетил Петропавловский монастырь, а также строящуюся на средства Н. С. Могилевцева церковь». После смерти Николая строительство церкви продолжил Павел, и длилось оно четыре года. Автором проекта был архитектор Н.А.Лебедев, спроектировавший церковь в новорусском стиле.

В связи с тем, что церковь была построена вместо существовавшей ранее Спасо-Гробовской церкви, в летописи которой упоминается, что означенный храм построен на гробах брянских владык Нектария и Нафаила, название оставили то же.

Ещё один вклад братьев Могилевцевых – благоустройство города. В 1904 году они обратились в городскую думу с заявлением следующего содержания: «Желая устроить за свой счет водопровод в г. Брянске, а также электрическое освещение на некоторых его улицах и предлагая эти сооружения в дар городу, как нашей Родине, мы, купцы Могилевцевы, покорнейше просим думу разрешить нам производство работ на городских улицах и площадях. Усадьба наша, на которой предположена к устройству центральная водопроводная и электрическая станция, будет передана нами в собственность Брянска безвозмездно».

И когда такое разрешение было получено, Павел Семёнович купил у А. К. Васильева усадьбу. Началось бурение скважины и на глубине 90 метров

оно дошло водоносного слоя. Напор воды достиг 2400 ведер в час, уровень воды не падал. Значит, проблема была разрешена. В районе скважины построили водонапорную башню и насосную станцию. Установили динамо-машину, которую Могилевцевы выписали из Англии. Первоначально длина водопровода планировалась 2,5 версты, а проложили 8 вёрст. В водопроводную сеть подключались пять центральных улиц города. 2 октября 1905 года водопровод, построенный братьями «Могилевцевыми», был торжественно передан городу. Одновременно строилась и электростанция, освещались 12 улиц. Общая стоимость двух сооружений составила 125 тыс. рублей.

За устройство и передачу городу водопровода и сети электроснабжения братья Могилевцевы получили звание почётных граждан города. Брянскому водопроводу присвоили имя братьев Могилевцевых.

«Столь большие заслуги Ваши побуждают нас, избранников города Брянска, просить Вас принять глубочайшую благодарность за понесенные Вами труды и за материальные жертвы в деле улучшения городской жизни, и побуждают избранников города выразить Вам глубочайшую благодарность при пожелании доброго здоровья на многие годы на радость нашему городу, имеющему таких доблестных сыновей нашего дорогого Отечества».

В феврале 1906 года была открыта вторая ветвь водопровода. В знак этого на территории Петропавловского монастыря было решено построить фонтан «Самсон», представлявший собой точную копию «Самсона» в Петергофе.

В 1909 году брянская городская управа подвела итог всему, что построили и подарили Могилевцевы родному городу Брянску. Оказалось, общая сумма пожертвований составила 1 млн. 28 тыс. рублей. Однако, жертвования продолжались и дальше.

Представители общественности, творческой интеллигенции Брянска неоднократно в прессе поднимали тему возрождения памяти известных брянских меценатов Павла и Семёна Могилевцевых. Однако, реальные шаги были сделаны лишь в 2003 году, когда ученики школы № 18 г Брянска разработали социальный проект «Память сердца», ставший победителем III Всероссийской акции «Я – гражданин России». В результате реализации этого проекта открыт первый в области школьный музей брянских меценатов братьев Могилевцевых, созданный на средства современных брянских меценатов: Н.Д.Руденка, Ю.П.Петрухина, А.Г.Титова, Ф.И.Хораблева. Школе № 18 присвоено имя братьев Могилевцевых.

Центр охраны памятников истории и культуры при поддержке творческой интеллигенции и современных меценатов установили в сентябре 2003 года на здании бывшей женской гимназии барельеф с именами ее создателей.

1 февраля 2007 года подведены итоги конкурса на восстановление памятника Павлу Могилевцеву, объявленного депутатом Брянской областной Думы Ю. П. Петрухиным. Победителями конкурса стали скульптор А. Ромашевский и архитектор Г. Ключкин.

27 февраля 2007 года в Брянске прошла международная конференция «Благотворительность: традиции и современность» в честь 100-летия женской гимназии – дара братьев Могилевцевых городу Брянску.

В декабре 2007 года в Брянске создан благотворительный Фонд имени братьев Могилевцевых, цель которого возрождение традиций благотворительности и возвращения из забвения имен меценатов прошлого.

Продолжая традиции знаменитых брянских меценатов начала XX века Фонд учредил именные стипендии. В 2008 году именными стипендиатами Фонда стали 20 представителей талантливой молодежи – победители Всероссийских, областных и городских олимпиад по истории, праву и обществознанию.

Фонд регулярно проводит заседания круглых столов по проблемам российской и региональной благотворительности, возрождению традиций меценатства, сохранению исторического облика г. Брянска.

О возрастающем в обществе интересе к благотворительности свидетельствуют конкурсы, проводимые благотворительным Фондом имени братьев Могилевцевых: конкурс исследовательских работ среди учащихся по истории брянской благотворительности, конкурс методических разработок уроков благотворительности, конкурс журналистов: «Благотворительность в СМИ», конкурс школьных музеев «Школьный музей – хранитель историко-культурного наследия земли брянской».

Книгоиздательская деятельность Фонда открывает новые неисследованные страницы жизни известных брянских меценатов: братьев Могилевцевых, княгини Тенишевой, а также архитектора Лебедева, что служит неоценимым подспорьем для всех любителей истории брянского края. Книги: «М.К. Тенишева и ее духовное наследие в брянском крае», «Архитектор Н.А. Лебедев и его творческое наследие в брянском крае», «Павел Могилевцев – благотворитель земли брянской» переданы Фондом в библиотеки школ города Брянска.

Новым направлением в работе Фонда им. братьев Могилевцевых стала организация выставок. Выставка «Красота земли брянской» пользовалась большим успехом у посетителей брянской областной библиотеки им. Ф.И. Тютчева, у студентов Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Фонд объявляет 2009 год – годом братьев Могилевцевых на Брянщине, в связи со столетней годовщиной со дня смерти П.С. Могилевцева.

Ставя задачу создать музей брянских меценатов, Фонд приглашает к сотрудничеству всех, кто заинтересован в возрождении традиций благотворительности земли брянской.

Л.И. Бахарева,
зам. председателя Саратовского регионального
Совета ВОО «ВООПИиК»,
член Общественной палаты Саратовской области,
заслуженный работник культуры РФ

2.2. Традиции российской благотворительности: история и современность

Благотворительность - это эффективный инструмент социальной политики России. Действительность развивающегося гражданского общества обеспечивается в партнерстве государства с системой общественных институтов: общественных организаций, органов местного самоуправления, церковью, профсоюзами, благотворительными организациями. Признавая благотворительность как важную составную часть социальной сферы, представляется необходимым рассмотреть ее в качестве самостоятельно развивающегося сегмента некоммерческого сектора в контексте происходящих в России изменений.

Государство целенаправленно создает благоприятные условия для осуществления благотворительной деятельности, сознавая, что официальная политика в социальной сфере не справится со всеми проблемами общества.

Общественно - благотворительные организации, владея социальной ситуацией на нижнем общинном уровне, гибко и оперативно сигнализируют государству о его «болевых точках». Общественно - благотворительные организации осуществляют давление на обеспеченную часть общества, привлекая пожертвования на реализуемые ими проекты, вовлекая добровольцев в общественную деятельность.

Исторически благотворительные организации успешно функционируют в обществах, где присутствует общественный ресурс, который можно использовать не на личные потребности, а на общественно - полезные нужды. Главным фактором благотворительности исследователи считают религиозные организации. Этому способствовали исторический фактор, духовные доктрины и потребности содержания приходов.

История благотворительности в России также берет начало с возникновением первых форм государственности. Во все времена она была сильно связана с царствующими особами, церковью. « С самого введения на Руси христианства, пастыри церкви, в своих поучениях, посланиях, частных беседах, постоянно напоминают пасомым об обязанности соединять молитву с милостыней, которая является очистительной жертвой, займом самого Бога в лице бедствующего человечества. «Помните и милуйте странных и убогих и

заклученных в темницах, и будьте милостивы к своим сиротам», - говорит в «Поучении к братии» Новгородский архиепископ Лука Жидята, живший в XI веке»[1, с.4]. Пастыри церкви в посланиях князьям, боярам, и целым обществам проводили идеи любви и сострадания к ближнему. Например, «Митрополит Макарий в послании царскому войску, находившему в Свияжске, напоминает о христианских обязанностях и убедительно просит «от своих праведных трудов милостыню приносить церковным служителям, также и нищим»[1,с.7]. Пастыри русской церкви примером собственной жизни подтверждали слова своей проповеди.

По свидетельству наших летописцев они всегда отличались «нищелюбием». Феодосии Печерский, по словам Нестора, «сотворил двор близ монастыря своего и церковь взгороди в нем Св. Стефана: ту же повелел прибывати нищим, слепым и хромым и трудоватым, от монастыря подавать им яже на потребу, от всего сущаго монастырского десятую часть даяше им»[1,с.8]. Московские патриархи ежегодно устраивали девять столов для «всяких чинов скудных людей». При патриарших выездах во время всей дороги раздавалась милостыня нищей братии. Расходные книги патриаршего приказа фиксировали количество человек, расходы ежедневной милостыне, кормовых денег для нищих. Кроме этого патриархи устраивали богадельни, странноприимные дома и больницы. Патриарх Иов при церкви Кира и Иоанна на Куличках основал богадельню для детей подкидышей.

Летопись сохранила множество свидетельств широкой благотворительности русских князей и княгинь. Своим нищелюбием отличался Владимир Мономах. Андрея Боголюбского летописец называет «кормителем убогим и всякому чину возлюбленным отцом». Щедрая раздача милостыни ознаменовывалась в дни бракосочетания князей и царей московских, при рождении их детей. В воскресенье и праздничные дни русские люди занимались делами милосердия и благотворительности.

В день Святой Пасхи русские цари посещали городские тюрьмы, больницы, богадельни и жаловали всех милостыней. В расходных записях Тайного приказа за 1669 года отмечено: «Февраля против 11 числа в ночи, за 2 часа до света, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович изволил ходить и жаловать своим государевым жалованием милостынею... Всего в этот день было роздано 1 495 руб. 2 алтына. Кроме того был устроен стол на нищую братию. Государь сам обедал за этим столом...» [1,с.15-16].

В горе русские люди также раздавали щедрую милостыню, о чем свидетельствуют иностранцы, посещающие Россию в разное время. Олеарий, посетив Россию в начале XVII в. оставил запись: «...когда умрет богатый, то в продолжении шести недель бедным ежедневно отпускается известное количество хлеба и денег». У наших предков был обычай отделять перед смертью некоторую часть имущества на благотворительность. Садко - богатый гость, чувствуя приближение смерти, пишет духовную и завещает одну часть имущества церкви Божией, другую - нищей братии, третью - молодой жене. В юри-

дических актах мы встречаем целый ряд завещаний, обязывающих наследников по смерти наследователя раздавать милостыню нищим» [1,с.19].

Сильным побуждением к раздаче милостыни было сокрушение о грехах, для искупления которых русские люди, не жалели средств. Затем, при поступлении в монастырь собственники раздавали нищим все свое имение: так поступил Исаакий Затворник, Федор Пещерский, Зосима Соловецкий и многие другие.

И так, характер древнерусской благотворительности в виде «ручной» милостыни, носившей в себе элементы случайности и неразборчивости, что способствовало развитию профессионального и притворного нищенства. Древнерусскую благотворительность английский писатель XVII века Фуллер охарактеризовал как и средневековую аббатство: «их гостеприимство было ложным милосердием», они «кормили тех бедных, которых сами же создавали» [2,с.4].

Петру Великому досталось тяжелое наследство: сильно распространенное нищенство и неправильно поставленная благотворительность, развивающаяся в одном направлении. С беспощадной жестокостью, неизвестной до того времени русскому законодательству, начинают вводить репрессивные меры: указ от 30 ноября 1691 года девятнадцатилетнего Петра предписывал строго наказывать за «притворное лукавство» в «нищенском образе». Прошение милостыни и подача таковой была запрещена.

Согласно указу от 1718 года, милостыню надлежало пересылать в богадельни, а за подачу милостыни налагался денежный штраф. С.-Петербургскому генерал-полицмейстеру от 25 мая 1718 года предписывалось трудоспособных нищих определять в работу. Главую XX регламента или устава главного магистрата от 1721 года указывалась обязанность администрации здоровых нищих, привыкших к лени и праздной жизни посылать на работы, «гошпиталям быть ради призрения сирых, убогих, больных и увечных» [2,с.6].

Распоряжения Петра Великого в корне изменили весь строй прежней благотворительности из узкой сферы религиозной добродетели в более широкие рамки политико-экономической отрасли. Репрессивные меры направлены были лишь в сторону профессионального нищенства. Благотворительность в смысле христианской, нравственной добродетели им развивается как социальной обязанности благотворительной помощи действительно нуждающимся. Для выяснения размера действительной нищеты Петр Великий пунктом 4-м главы XXV устава главного магистрата от 1720 года требовал занесения в «формуляр города» число больных, убогих, дряхлых и сирот, которые «не могут питаться» и способа их презрения [2,с.9].

Особо стоит остановиться на попечении Петра I о незаконнорожденных детях. Как свободный гражданин, государь желал ввести их на правах полноценных членов в состав русского общества. 31 января 1712 года им предписано было по всем губерниям учредить «прокормление младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убийства» [2,с.10]. Учреждение воспитательных домов, конечно, следует рассматривать

как важную благотворительную меру, преследующую цель общественно-государственную по прекращению детоубийства в государственно-общественных интересах.

При двойственном взгляде на благотворительность как на христианскую обязанность и как на государственно-общественный долг, деятельность Петра Великого противоречива и одновременно взаимно дополняет друг друга. Петр Великий как добросердечный человек вводит презрение незаконнорожденных детей, возлагает на монастыри призрение воинов и устройство больниц. С другой стороны запрещает «ручную» милостыню, определяет наказание за «лукавое» нищенство и вводит трудовую повинность.

Не взирая на частую, после кончины Петра Великого, смену на троне царствующих лиц, направление благотворительно-законодательной деятельности сохранилось. Благотворительность развивалась, почти исключительно в устройстве богаделен. В Петербурге предписано в 1733 г. учредить 17 новых богаделен для размещения жаждущих в поисках работы в младую столицу Петербург, который обрастал армией нищих.

Архивные документы подтверждают, что богадельни к середине XVIII были довольно многочисленны и постепенно распространяются в небольшие города провинции. Основываются близ церкви, являясь одним из видов церковной благотворительности.

Особое внимание правительства привлекал вопрос о призрении воинских чинов. «Императрица Елизавета Петровна придала новое направление призрению воинских чинов. Именным указом от 10 января 1758 г. предписывалось «отставных... для лучшего их за службу и раны содержания, сыскать в Казани и или близ онаго, какое здание каменное найти может... и вновь построить...то уже к монастырям не определять отставных». Таким образом, было положено начало инвалидным домам, как специальным воинским благотворительным учреждениям» [2,с. 30].

Так постепенно вопрос о благотворительности освобождался от влияния церкви и вошел в круг общественно - государственных задач. Согласиться, что это способствовало улучшению благотворительного дела вне христианского церковного влияния - подвергается и в наше время глубокому сомнению.

«Со времен Петра I за полезную благотворительную деятельность производились награждения орденскими знаками, которые одновременно обязывали к благотворительности. Орден святой Екатерины, пожалованный в 1714г. обязывал освободить одного христианина из плена варваров, выкупив его на свои деньги. Выкуп пленных входил в круг благотворительных задач древнерусского общества, в котором существовали особенные «полоняночные деньги». Орден святой Анны, который учрежден русским государем в 1742 г., может быть дарован только за пользу благотворительной деятельности» [2,с.35].

Екатерина II, как истинная преемница Петра I, успешно продолжила государственную политику развития благотворительности во благо общества. Ею издаются указы от 1762, 1764, 1772 г.г. в целях запрещения нищенства как явления. Учреждаются работные дома для «праздношатающихся». «В Москве под работный дом для мужчин был назначен «состоящий за Сухаревой башней бывший карантинный дом», где «призреваемые ленивцы могли употребляться к работам» по пиленю дикого камня на казенные строения», а под работный дом для женщин - Андреевский монастырь, где женщины привлекались к «прядельным работам; ежедневная рабочая плата была определена - 3 коп.» [3, с.6].

Подобные рабочие дома устраивались во многих губерниях. Являясь убежденной сторонницей трудовой помощи, Екатерина II стремилась внедрить новый вид помощи - общественно - благотворительные работы.

В законодательных распоряжениях Екатерина II ярко прослеживается желание введения в сознание населения взгляд на необходимость оказания помощи посредством труда, т.е. применять благотворительную помощь условно в виде общественно - полезного труда. В условиях общественных или климатических бедствий применять благотворительную помощь в форме трудовой помощи оказалось очень перспективной формой благотворительности по настоящее время.

Екатерина II однозначно превзошла Петра Великого в перспективах развития благотворительности, учредив от 07 ноября 1755 года указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи». Двадцать пятая глава этого исторического указа посвящена положению «о приказе общественного призрения и его должности».

Приказ общественного призрения учреждался под председательством местного губернатора с участием уездного дворянства, городского главы и всей инфраструктуры социальной сферы. Приказы подчинялись непосредственно Императрице. На первоначальный денежный фонд каждому приказу отпущено из губернских сумм по 5 000 руб., которые разрешалось отдавать в ссуду под залог недвижимого имущества той же губернии на срок не более года и в размере от 500 до 1 000 рублей «в одни руки».

Приказ общественного призрения заслуживает самого положительного внимания и одобрения. Приказ общественного призрения был учрежден в сорока губерниях из пятидесяти существующих на то время. Это была попытка вывести Россию из «профессиональной нищеты» в «профессиональную благотворительность».

Достоинства законодательного мероприятия Екатерины II:

- Гуманное отношение к гражданам, которые нуждаются в благотворительной помощи для всех слоев населения;

- Система отличалась стройной системой сетью благотворительных учреждений;

- Отсутствие централизованного начала, что могло способствовать к возникновению соревнования одних губернских властей с другими и тем способствовало эффективному развитию дела благотворительности;

- К участию в благотворении были привлечены лица местной власти, обеспеченные, что не требовало расходов на содержание управленческого аппарата и служило залогом более обеспеченного расходования и хранения благотворительных денежных сумм;

- Разрешение благотворительную деятельность разумно совмещать с финансовыми операциями по поземельному кредиту давало возможность осуществить общественную благотворительность, требующую достаточно значительных денежных средств, без особых материальных средств со стороны правительства.

Недостатки приказа общественного презрения:

- Отсутствие центрального органа, указы могли идти в разброд и обмен информацией, достижениями затруднителен;

- Неимение контролирующих, инструктирующих органов для вводимой системы;

- Властные лица, входившие в состав приказа, невольно вносили в живое дело благотворения элемент бюрократизма, всегда несколько мертвого и склонного к канцелярскому формализму;

- Состав приказов имел строго светский характер, без привлечения духовных лиц;

- Воссоединения двух родов благотворительности: церковной и светской не предусматривалось;

- Не привлечен к деятельности неслужилый элемент из авторитетных местных общественных деятелей на поприще благотворительности;

- Ограничение времени заседания приказа приблизительно тремя месяцами в году, естественно тормозило дело;

- Прием под залог поземельной собственности для чиновника, уделявшего делу благотворительности лишь свой служебный досуг, невольно обречены обратить дело призрения не в профессиональное, а в любительское.

Принимая во внимание существующие противоположные мнения, следует признать приказ общественного презрения как акт большой государственной важности. Если общественное презрение не расцвело пышным цветом в России, подобно Англии - стране общественной благотворительности, то на это были серьезные объективные причины.

Однозначно, одним из главных положительных результатов приказа общественного презрения - это открытие вкладов и активный рост капитала общественных банков: «... во 1803г. капиталы и вклады приказа общественного презрения составляли около 9 млн. руб., 1810г. - 18млн. руб., 1820г. - 36 млн. руб., 1830г. - 82 млн. руб., а в 1839г. - 98млн. руб., помощью общественного презрения пользовались 123т. человек» [3,с.17].

В качестве примера можно привести, что в Саратове действовал общественный банк, в котором 12% всех вкладов представляли так называемые вечные вклады, проценты от которых выплачивались в пользу городской управы на благотворительные цели, в пользу церквей, учебных, лечебных и иных заведений. Одним из самых крупных благотворителей в Саратове был известный художник А.П. Боголюбов, на средства которого открыт впервые в России общедоступный музей. Им был учрежден вечный вклад в сумме 106 тыс. руб. на содержание Боголюбовского рисовального училища для одаренных детей всех сословий.

Благотворительные пожертвования в целом по городу в сравнении с его бюджетом составляли ощутимую величину - более 30%.

В 1839г. Сафонов С. - исследователь деятельности приказов общественного презрения выделил три категории благотворительных учреждений: учреждения воспитательные и учебные, учреждения врачебные и учреждения исправительные, отнеся к последним «работные и смиренные дома». На каждой группе заведений Екатерина II оставила весьма крупный след. [4,с.9] Исследователи истории русской медицины имеют мнение, что до XVI века медицинская помощь осуществлялась православными монастырями, больницами при них. Екатерина II учредила целый ряд благотворительно-медицинских учреждений: 1772г. - открытие родильного дома; 1770г. - учреждение госпиталя в Оренбурге; 1781г. - купля домов для больницы на левом берегу Невы; 1783г. - открытие больницы в Новгороде, Твери. Благотворительно - медицинская деятельность Екатерина II отличалась по истине крупными государственными расходами. [3,с.34]

Благотворительно законодательная деятельность Екатерина II была замечательной в том, что инициатива почти всех благотворительных мероприятий исходили от неё самой.

Особую роль в развитии благотворительности сыграла императрица Мария Федоровна, вторая супруга Павла I. Она возглавила созданное ей воспитательные дома, коммерческое училище в Москве, учредила несколько женских институтов в столице и провинции, положила начало бесплатному образованию женщин в России. К середине XIX века 46 женских институтов существовало на средства казны и благотворительные пожертвования. Её именем названо «Ведомство учреждений императрицы Марии». Она же содействовала созданию в России «Филантропического общества» (1802), которое в 1816 году было переименовано в «Человеколюбивое общество», созданию «Императорского женского патриотического общества» (1812). Её усилиями было создано попечительство «Инвалидный капитал», газета «Русский инвалид».

Члены императорской семьи формировали моду на благотворительность и поощряли все ее проявления со стороны дворянства и купечества. В **1881 году** создано «Попечительство о слепых» императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. В **1895 году** - «Попечительство о домах трудолюбия и работных домах Великой княгини Елизаветы Федоровны».

В 1898 году образовалось «Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухих», вдовствующей супруги императора Александра III. Сформировалась традиция создания благотворительных обществ женами губернаторов и генерал губернаторов. В 1867г. по инициативе М.С. Сабининой образовалось «Общество попечения о раненых и больных воинов»; в 1879 оно было переименовано в «Российское общество Красного Креста». Необходимо упомянуть о казенном «Попечительстве о народной трезвости», в которое входило в 1899 году 784 столовых с библиотеками, 2 000 чайных, 192 библиотеки, 600 певческих хоров и оркестров, 183 постоянных сцены и театра. Все это свидетельствует о том, что благотворительная деятельность российской аристократии отнюдь не была салонной филантропией, а составляла активно действующую общественную жизнь страны [5.с3].

Благотворительность Русской Православной Церкви с XVIII Века состояла в основном в обеспечении начального образования детей своих приходов, которых к 1905 году в России действовало 48 375. Святейший Синод поддерживал около 44000 церковно-приходских школ, проявляя заботу о детях и их образовании. В 1706 году митрополит Иов учредил первый в России приют для незаконнорожденных «засорных» детей.

Во второй половине XIX века стала развиваться земская благотворительность. К 1890 году земства расходовали на нее 10% своего бюджета, а в целом по Российской империи 3 млн. рублей в год, не считая затрат на медицинскую помощь, что было весьма значительной суммой. Они создавали профессиональные школы, строили помещения для бездомных с раздачей пищи - «питательные станции», странноприимные дома для переселенцев и др.

Подлинный расцвет филантропии во второй половине XIX века был связан с частной благотворительностью купечества и нарождающегося нового класса российских предпринимателей. Начало ей было положено еще во второй половине XVIII века, когда императрица Екатерина II в 1781 году разрешила частным лицам со своего изволения открывать благотворительные заведения.

Быстрое развитие промышленности и торговли естественно сопровождается множеством социальных проблем с одной стороны, а с другой, позволяло наиболее энергичной части общества - классу предпринимателей проявить свои нравственные качества. Если в начале XIX века среди жертвователей преобладали аристократы, то во второй половине века стали преобладать имена предпринимателей, память о которых сохранилась и сегодня: Морозовская детская больница, Бахрушинская больница и другие.

Предприниматели крупных провинциальных промышленных центров стремились быстро и эффективно решать социальные проблемы путем продуманного целенаправленного попечительства. При Прохоровской трехгородной мануфактуре были созданы родильный дом, ясли, детский сад, школа, библиотека, баня, больница. Уже к 1890 году благотворительность предпринимателей стала преобладающей – 75% средств на благотворительную дея-

тельность били частными, а 25% выделены казной, земствами, городскими властями, церковью.

К началу первой мировой войны в России насчитывалось 10 тысяч благотворительных обществ и учреждений. В 1910 году состоялся первый всероссийский Съезд русских деятелей по общественному и частному предпринятию, а в 1914-ом – второй.

В 1995 году принят Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». С началом перестройки благотворительность признана как важная часть общественного участия.

В сентябре 2001 года состоялось Первое Всероссийское совещание участников благотворительной деятельности «Пути развития благотворительности как важного элемента формирующегося в России гражданского общества».

Принята Концепция благотворительной деятельности в Российской Федерации, подготовленная Союзом благотворительных организаций России (СБОР) и представленная его президентом – капитаном I-го ранга П. А. Ищенко. Председатель Попечительского Совета Союза – супруга президента РФ – Л. А. Путина.

Стартовала «Национальная программа развития благотворительности в России на период 2001-2010 г.г.». Концепция и Программа предусматривают создание единой общественно-государственной системы благотворительной деятельности:

- Координационный благотворительный Совет при Президенте РФ;
- Единый официальный Реестр благотворительных фондов и организаций;
- Национальный благотворительный Банк;
- Национальный благотворительный Фонд;
- Общероссийский Информационный Банк благотворительных потребностей.

Программы - проекты:

- Учебные заведения для подготовки специалистов в области благотворительной деятельности;
- Учредить ежегодную награду за особые заслуги в деле благотворительности;
- Разработать систему льгот для предприятий и организаций, перечисляющих денежные средства на благотворительные программы и проекты.
- Церковно-государственный сайт «Российский клуб православных меценатов».

Создание федеральной структуры благотворительного движения преследует цель повышения престижа и авторитета благотворителей, развития социального партнерства всех структур общества.

Однако в системе государственного управления сохраняется приверженность административным и авторитарным формам управления. Государ-

ство выступает главным конкурентом в привлечении средств на решение общественных проблем.

У государства слабо прослеживается мотивация развития российских национальных традиций благотворительности, которые основаны на духовной жизни, чувства религиозного нравственного долга. Благотворение - благотворительность следует понимать в самом широком смысле как милосердие, действенная любовь, добрые дела - дела от имени Веры и во имя Любви. Делайте добро и зло не постигнет Вас.

Современная благотворительность нам предлагается как социальная помощь, норма общежития.

Традиции российской благотворительности служат духовно — социальным механизмом в регулировании отношений между личностью и обществом, обеспечивая каждому человеку личную защищенность, Веру в себя и в свои силы, а обществу - органическую солидарность всех граждан России, т.е. качественное и творческое содержание жизни, роста духовного и материального благосостояния россиян.

Библиографический список.

1. Петров Л. Благотворительность в древней России, серия «История благотворительности» Института проблем гражданского общества, М., 2001- 24с.

2. Соколовский М.Н. Петр Великий как благотворитель, серия «История благотворительности» Института проблем гражданского общества, М., 2001- 40с.

3. Соколовский М.Н. Екатерина Великая как благотворительница, серия «История благотворительности» Института проблем гражданского общества, М., 2001- 44с.

4. Сафронов С. Приказы общественного презрения в России, Сын Отечества, 1839, II.

5. «Вестник благотворительности», журнал, 2000г. №12.

2.3. Брянские благотворители в Орловской губернии

Орловский край многим обязан брянским благотворителям. Сегодня Орёл и Брянск - центры двух соседних областей, но, как известно, с конца XVIII до начала XX века брянские земли входили в состав Орловской губернии. Тогда было естественным, что многие брянские помещики не жалели денег на благотворительные акции в губернском центре - городе Орле.

Известным брянским меценатом был Михаил Петрович Бахтин. (1768-1838 г.г.)

Ещё в начале XIX века император Александр I обратился к российскому дворянству и ко всем состоятельным людям, чтобы они помогли пожертвованиями делу подготовки офицеров для армии. В ответ на этот призыв орловский и брянский помещик, представитель старинного дворянского рода, отставной полковник М. П. Бахтин в 1833 году решил значительную часть своего огромного состояния употребить на строительство кадетского корпуса в Орле, где он долго жил. Свой проект он представил императору Николаю I, предложив щедрое пожертвование. Император собственноручно ответил ему, поблагодарил и уведомлял, что приношение принято, назначен комитет по постройке корпуса, который будет именоваться корпусом «Бахтина». М.П.Бахтину был прислан орден Святого Владимира II степени и приказ о зачислении его в кавалерию в звании генерал-майора.

В честь М. П. Бахтина в 1836 году Государственным Монетным Двором в Санкт-Петербурге была выпущена золотая памятная медаль. На одной стороне ее - рельефный портрет Бахтина в генеральских эполетах, на другой надпись - «За благотворение юношеству». В том же году была выпущена медаль с такой же надписью в честь Н. Д. Черткова, пожертвовавшего средства на строительство корпуса в Воронеже. До них крупные пожертвования сделали: граф Аракчеев, Дурново, Старосельский, Пефт, граф Румянцев, князь Чернышев, но только Бахтин и Чертков удостоились памятной медали.

В документе, изданным военным министерством 16 декабря 1835 года говорилось: «Министр внутренних дел доводит до высочайшего сведения, что отставной полковник, ныне генерал-майор Михайло Бахтин, не имея потомства, просил принять от него на учреждение в городе Орле кадетского корпуса капитала 1.500.000 рублей и благоприобретенного имения 2.700 душ. Государь император, приемля с особой высочайшей признательностью такое пожертвование господина Бахтина, высочайше соизволил на учреждение в г. Орле кадетского корпуса, назначив оный корпус Бахтина. И повелел: к корпусу сему причислить Курскую, Орловскую и Рязанскую губернии, с их капиталами, отчислив по общему расписанию первую - от Полтавского, а послед-

нюю от Тульского губернских корпусов...; составить проект помещения для сего корпуса, вообще на 400 человек...» [1].

Архитектурный комплекс создавался по проекту, единому для всех корпусов. Торжественная закладка основного здания состоялась 19 августа 1837 года в присутствии наследника-цесаревича, будущего императора Александра II, совершавшего путешествие по России. Церемония сопровождалась молебном и городским праздником.

Для наблюдения за строительством была создана комиссия, во главе с инженером - полковником М. М. Вендорфом, прибывшим из Воронежа, где он участвовал в строительстве аналогичного корпуса. В комиссию входил и сам М.П.Бахтин, продолжавший делать пожертвования и поставлявший стройматериалы из своих имений. Стройка имела огромный масштаб. Одновременно на возведении зданий работало несколько сотен рабочих. Из разных концов губернии привозили лес, песок, глину, камень, воду, кирпич, применялись кованые корабельные гвозди, огромные бревна, дорогой мрамор. Но до окончания строительства Бахтин не дожил пяти лет.

Четырехэтажное здание основного учебного корпуса, самое большое в дореволюционном Орле, в плане представляло букву «Н». Архитекторы Родомский, а затем И. Ф. Тибо-Бриньоль многое сделали для улучшения его облика. Здание было построено в стиле классицизма, его объем был решен симметрично, с двумя далеко вынесенными ризалитами-крыльями. Центральная часть имела выступающий портик, на фронтоне - рельефную позолоченную надпись: «Орловский Бахтина кадетский корпус», а над ней изображение двуглавого орла. Перед зданием размещался большой городской плац. Здесь проходили все орловские торжественные шествия и парады. По центральной оси, через плац, стоял губернский Петропавловский собор.

В 1842 году император Николай I, посещая город Орел, осмотрел построенное вчерне сооружение, повелев обсадить липовыми аллеями здание и плац. В мае 1843 года последовало высочайшее повеление об учреждении Орловского-Бахтина кадетского корпуса и об открытии его 6 декабря того же года.

На покрытие расходов по сооружению корпусных зданий обращено было из капитала Бахтина 422 тысячи и из пожертвований Орловского и Рязанского дворянства - 90 тысяч рублей серебром, на тот же предмет отпущено до 255 тысяч рублей серебром из сумм, назначенных по государственной росписи по распоряжению царя. Средства на ежегодное содержание ОБКК получались из доходов с пожертвований Бахтина и дворянства приписанных к корпусу губерний, из платы за пансионеров и из сумм, поступающих от правительства.

Среди бывших воспитанников ОБКК были прославленные имена: писатель С. М. Степняк-Кравчинский, академик Б.С.Стечкин, музыкант-этнограф А. В. Затаевич. Среди преподавателей ОБКК также выделялись: братья Тарачковы, художник А.А.Лаврентьев, священник Остромысленский [2].

В музее корпуса, созданном с первых лет его существования, хранились

серебряные молоток, блюдо и мастерок, использованные при закладке здания. Здесь были трофеи Турецкой войны - шесть стволов турецких орудий, заделанных в крыльцо главного входа. На стенах коридоров и залов имелись многочисленные памятные доски с фамилиями отличившихся в учебе и героически погибших в боях воспитанников. Особым почетом пользовались парадные портреты М.П.Бахтина, императоров Николая I, Александра II и бронзовый бюст М.М. Вендорфа, размещенные в актовом зале.

В период реформ Александра II корпус стал военной гимназией. После революции, перед Великой Отечественной войной в бывшем корпусе размещалась бронетанковая школа. К сожалению, в 1943 г. главное здание было разрушено.

Однако от комплекса осталось несколько сооружений. Это, в первую очередь, двухэтажная постройка бывшего директорского дома, который, по оценкам специалистов, является лучшим в Орле образцом казённого здания в стиле позднего классицизма.

Другим видным меценатом был брат последнего царя и брянский помещик Великий Князь Михаил Александрович Романов.

Ему принадлежало имение в Севском уезде, на дороге Севск — Карачев. Первоначально усадьба существовала в старинном селе Брасово, которым в 1741 г. стал владеть С.Ф. Апраксин. В 1796 г. здесь был построен дворец, посажен сад, появилась церковь. Но после подавления в 1797 году восстания Чернодыра, в которое было вовлечено и село Апраксино, С.С. Апраксин, по преданию, посчитал оскорблением именовать своих крепостных апраксинцами и перенёс центр усадьбы в соседнее село Локоть[3].

В последней четверти XIX в. Брасовский стан был продан орловским губернским предводителем дворянства, действительным статским советником и камергером В.В. Апраксиным в Департамент уделов за 4,3 миллиона рублей. С 1870-х гг. усадьба находилась во владении Великого Князя Георгия Александровича Романова (1871-99), среднего сына Александра III. При нём, в 1870-90-х гг. в Локте создается большой усадебный комплекс, превращенный в образцовое имение [4].

Обширная хозяйственная часть включала конный завод, маслобойню, два винокуренных завода, восемь мельниц, лесопильни в разных местах обширной лесной дачи и льнообделочную мастерскую. В Локте было построено несколько многоэтажных зданий, проложен водопровод. Однако в июле 1899 года, 28 -летнего умирающего Великого Князя Георгия нашли рядом с перевернутым мотоциклом недалеко от его дома на Кавказе, где он жил, более чахоткой.

Его имение получил в наследство младший сын императора - Великий Князь Михаил Александрович, ставший и наследником российского престола, до рождения в 1904 г. царевича Алексея, а затем имевший титул правителя России.

Он деятельно занялся усадьбой. Здесь в 1903 г. были сооружены два новых служебных здания конного двора, как указывает дата во фронте одного

из корпусов. К рубежу XIX-XX вв. относится строительство заводоуправления. В соседнем Брасове также продолжается строительство. Перестраивается каретник, строится и кузница. В Брасово у Михаила было свыше 100 000 десятин земли с лесными угодьями и десятью хуторами. Кроме перечисленных производств действовали три кирпичных и известковый заводы, мастерские, молочный скотный двор. В 1914 г. в Локте стал работать чугунолитейный завод.

Были и немалые расходы, особая статья которых шла на благотворительность. При имени находились богадельня и детский приют, две амбулатории для больных с бесплатными лекарствами. Великим Князем совершались ежегодные пожертвования на 19 церквей, монастырь, школы. За счет Великого Князя бесплатно отапливались церкви, дом священнослужителей, школы, дом вдов, сирот, малоимущих.

26 августа 1903 г. Великий Князь, уже как орловский помещик, участвовал в открытии организованной орловским земством сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. На ней были представлены великолепные брасовские павильоны, а сам Михаил Александрович, «блистая молодостью» (ему было 25 лет), приехал в Орел поддержать «хозяйственные начинания» орловцев. В этот свой первый приезд он покорила орловцев своим неподдельным интересом к жизни города и горожан, встретился с представителями всех сословий - от крестьян до духовенства.

В этнографическом отделе выставки Михаил общался с орловской интеллигенцией — членами Орловской Ученой архивной комиссии. Он взял комиссию под свое покровительство, а в книге отзывов музея, открытого при Комиссии 7 (19) декабря 1897 года, оставил свою подпись (Книга хранится в Орловском краеведческом музее).

Объектом особых забот Михаила был дворянский пансионат — приют для детей-сирот и «убежище» для престарелых, расположенные в доме на углу улиц Кромской и 3-й Посадской. Эти учреждения открывались и содержались в основном на пожертвования Михаила (в документах он назван «главным жертвователем»), а теперь ему выпала возможность побывать в доме и познакомиться с его обитателями. Михаил обошел все корпуса, учебные классы, спальня комнаты, лечебное отделение, душевно поговорил со всеми [5].

26 августа 1903г. Михаил на один день снова приехал в Орёл. В Орёл Михаил вернулся через несколько лет уже на постоянное жительство. 16 мая 1909 года Николай Второй назначил брата командиром 17 гусарского Черниговского полка расквартированного в городе Орле [6].

Орловцы устроили Михаилу торжественную встречу. Приезд царских особ в город влёл хлопоты по наведению порядка. Городская Управа искала средства на мощение и освещение улиц, полиция следила за содержанием улиц и площадей в «надлежащей исправности» [7].

13 ноября в канун тезоименитства Михаила (22 ноября) исполняющий должность городского головы, потомственный Почётный гражданин Гайдуков

обратился в Думу с докладом, в котором предложил ей принять решение о присвоении Михаилу звания Почетного гражданина города Орла. Гайдуков напомнил о том, что Михаил уже бывал в Орле и оказал городу и его жителям милости: «В делах города уже есть достаточно к тому следов: сырые и бедные жители города Орла не отвергнуты, не оттолкнуты князем, но наоборот, приняты к его высоким всемилостивым заботам» [8].

По докладу Гайдукова Дума приняла решение и обратилась к Михаилу с просьбой: «В ознаменование пребывания Вашего Императорского Высочества в городе Орле и в память о сердечных отношениях, проявленных Вашим Высочеством с первого же времени прибытия в город Орел к жителям его и особенно к бедному классу населения, Орловская городская Дума в заседании своем единогласно постановила: просить Ваше Императорское Высочество сделать городу Орлу честь принятием звания Почетного гражданина города Орла» [9].

Тогда Великий Князь находился в опале. Его любовь к жене своего сослуживца Вульфберга, дочери присяжного поверенного Шереметьевского Натальи Сергеевны вызвала гнев императора, Михаил был лишен титула правителя России и устранился из Петербурга.

Узнав о решении Думы, Михаил в послании благодарил орловцев. Он писал губернатору Андреевскому: «Прошу передать жителям Орла мою сердечную признательность за их добрые чувства, меня искренне тронувшие».

Вскоре Орловский губернатор сообщал в Орловскую Городскую управу: «Главное Управление по делам местного хозяйства 24 сего декабря (1909 г. авт.) за № 9246 уведомило меня, что Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Внутренних дел, в 20 день сего декабря, Всемилоостивейше соизволил на присвоение Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу звания Почётного гражданина города Орла, согласно ходатайству о том местного городского управления» [10].

На это сообщение Орловская городская дума постановила: «Уведомление о Высочайшем соизволении Государя Императора на присвоение Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу звания Почётного гражданина города Орла принять с чувством живейшей радости и всеподданнейшей благодарности» [11].

Документы Черниговского полка сохранили приказы Михаила, касающиеся повышения грамотности солдат, их нравственного воспитания. Если у служащих рождались сыновья, их чаще всего нарекали Михаилом. В приказах чаще встречаются благодарности за службу, чем наказания за провинности.

В 1911 году Михаил выехал в Европу вместе с Натальей Сергеевной и сумел тайно обвенчаться с ней. И после этого Великий князь частенько бывал в Орловской губернии. Не случайно, Наталья Сергеевна в 1915 г. получила титул графини Брасовой - по названию Брянского имения.

С имением оказалось связано имя популярного русского художника Станислава Юлиановича Жуковского (1875-1944), видного пейзажиста, уче-

ника И.И. Левитана, который неоднократно приезжал сюда, подолгу работал над созданием пейзажных картин, пользуясь благотворительностью Великого Князя. Среди полотен Жуковского видное место занимали интерьеры имения Брасово [12].

Картину "Тирольский бык", серию "конных портретов" создал в этих местах также известный художник Н. Е. Сверчков.

На примере этих двух имён видно, как история российской благотворительности тесно связывает давно уже самостоятельные регионы -Орловскую и Брянскую области.

Библиографический список.

1 ГАОО, ф. 725, оп. 56, д. 2949

2 Петрованова Н.О. История основания ОБКК. // К истории Орловского Бахтина кадетского корпуса. Сб. статей.,- Орёл, 2002, сс8-17

3 Соколов Я. Седая брянская старина., Брянск., 2000, С. 95-100.

4 Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область., М. 1998., СС. 186-195.

5 Пребывание Его Императорского Высочества Государя Наследника и Великого Князя Михаила Александровича в г. Орле 26 августа 1903 г. Составил Н. С. Попов. г. Орёл. Типография губернского правления. 1903.

6 ГАОО Ф. 593, Оп. 1., Д. 1110, Л 3-3 об., 6

7 ГАОО, ф. 593, Оп. 1., Д. 1110, ЛЛ. 3, 5, 25, 28, 30.

8 Там же, Д. 1111 Чествование дня тезоименитства Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича, командира 17 гусарского Черниговского полка и о принятии Его Императорским Высочеством звания Почётного гражданина города Орла ЛЛ. 1-2.

9 Там же, Л. 5.

10 Там же, Л. 6.

11 Там же, Л. 7.

12 Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область., М. 1998., СС. 186-195

В.А. Бычева,
зам. председателя президиума совета
Ленинградского областного отделения
Всероссийской общественной организации «ВООПИиК»

2.4. Александр Бурцев – коллекционер и меценат

Имя Александра Евгеньевича Бурцева, известного петербургского библиофила, коллекционера, этнографа и издателя принадлежит к тем именам, которые были на долгое время незаслуженно забыты в нашей стране.

Объясняется это во многом теми обстоятельствами, которые выпали на долю творческих людей в связи с событиями 1917 года. А. Е. Бурцев – купец 1 гильдии, потомственный почётный гражданин являлся представителем одного из крупнейших финансовых предприятий в Петербурге – «Банкирской конторы братьев Бурцевых», образованной в 1903 году.

Всепоглощающая любовь к книге помогла А. Е. Бурцеву собрать прекрасную коллекцию – «Бурцевиану», как называли её поставщики. Его личное собрание состояло из редкостных и интересных книг и альманахов XVIII-XIX вв. и, кроме того, рукописей – от древних манускриптов до автографов писателей, композиторов и общественных деятелей с XVII до начала XX вв.

Александр Евгеньевич коллекционировал также гравюры, литографии, рисунки, картины масляной живописи.

А. Е. Бурцев родился в дер. Огарёво Вологодской губернии в 1862 году в крестьянской семье, учился в церковно-приходской школе, проявляя хорошие способности.

В 1880 году молодой человек уехал в Санкт-Петербург, где поступил на службу к купцу И. П. Боченцову, занимавшегося покупкой и продажей процентных бумаг, т.е. в меняльную лавку.

Здесь впечатлительный юноша впервые познакомился со старыми и редкими книгами, рукописями, антикварными вещами и увлёкся ими. Уже позднее А. Е. Бурцев совместно со старшим братом Павлом Евгеньевичем открывают собственный антикварный магазин.

Привлекают Александра Евгеньевича и этнографические интересы. В 1892 - 1893 годах он предпринимает ряд путешествий по Русскому северу. Цель путешествий - разыскать и купить у местных жителей художественные предметы крестьянского быта, а также записать народные сказки, легенды, загадки, исторические песни. Из этих путешествий А. Бурцев привёз разнообразный фольклорный материал, обработал его и составил ряд сборников по этнографии: «Народный быт Великого Севера», «Нравы и обычаи» и др.

В 1910-1911 гг. было выпущено «Полное собрание этнографических трудов А. Е. Бурцева» в 11 томах.

В 1894 году А. Е. Бурцев женился на дочери Выборгского купца Параскеве Дамиановне Маркеловой. С этого момента начинается так называемый «финляндский след» в его биографии.

В это время он уже обладает значительными средствами. Бурцев посещает мастерские художников, покупает картины, рисунки, гравюры. В букинистических магазинах он приобретает старинные рукописи, книги, автографы. Начинается создание «Бурцевианы».

В это же время Александр Евгеньевич начинает заниматься литературной работой. Собрание редких книг и рукописей растёт, растёт и коллекционерский опыт. А. Е. Бурцев пополняет, совершенствует свои библиофильские и книговедческие знания, вникает в смысл и цели собирательства. В 1897 году А. Е. Бурцев составил и издал в пяти томах «Описание редких российских книг». Было описано 1078 книг.

В дальнейшем издательско-библиографическая деятельность продолжается, а своеобразным итоговым изданием стало осуществлённое в 1908 году «Полное собрание библиографических трудов А. Е. Бурцева», в которое вошло 5000 описаний и 2500 портретов и рисунков.

Последующие библиографические издания Бурцева носили характер журналов, альманахов, сборников.

Интересен «Мой журнал для немногих, или библиографическое обозрение редких художественных памятников русского искусства, скульптуры, старой и современной живописи, отечественной палеографии и других исторических произведений». Журнал издавался небольшим тиражом, примерно, по 150 экз. Всего вышло 38 выпусков. Он издавался в 1912-1914 годах. Этот журнал даёт сегодняшнему исследователю или просто любознательному читателю неисчерпаемый материал. Каждый том включал статьи и десятки репродукций произведений тех мастеров, работы которых хранились в коллекции. Иногда целый номер прекрасного изданного журнала посвящался творчеству одного автора, например, И. Горюшкина-Сорокопудова, А. Афанасьева, Б. Григорьева и других.

Необходимо также отметить, что Бурцев дважды полностью перепечатал радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву».

Библиофильско-библиографические труды А. Е. Бурцева за два десятилетия составили 111 томов и выпусков. Все они хранятся в отделе рукописей и редких книг в Российской национальной библиотеке. Продолжению издательско-библиографической деятельности помешала первая мировая война.

А.Е. Бурцев собрал также большую и высокоценную коллекцию картин русских художников. В коллекции насчитывалось более 150 полотен художников-живописцев и около 1500 графических произведений. Среди них работы В. Боровиковского, К. Брюллова, В.Маковского, Г. Мясоедова и других знаменитых художников.

Заветной мечтой А.Е. Бурцева было создание на основе его богатейших коллекций Музея русского искусства и литературы.

Для этой цели в 1912-1913 годах архитектор И. П. Володихин возвёл многоэтажный в стиле модерн дом, облицованный серым гранитом и богато декорированный. Часть внутренних помещений была оборудована под выставочные залы. В них владелец стал устраивать периодические выставки картин и рисунков из своего собрания. Настоящий адрес здания – Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 10. В нём сейчас располагается Большой театр кукол.

Постепенно Александр Евгеньевич Бурцев стал известнейшим в России собирателем и знатоком русской живописи и графики конца XIX- начала XX вв. Он был уважаем также всеми библиофилами.

С Бурцевым были хорошо знакомы А.М. Горький, А.В. Луначарский, В.Д. Бонч-Бруевич, Демьян Бедный, К.И. Чуковский и многие другие деятели науки, литературы и искусства.

Если воспроизвести некоторые черты истинного портрета петербургского библиофила и коллекционера, то можно отметить на основе многих материалов, что Александр Евгеньевич был подлинным гуманистом по складу характера и убеждениям. Он старался употреблять имевшиеся в его распоряжении значительные средства на добрые дела. Он не гнался за колоссальными барышами и был уважаем всеми, кто имел с ним дело.

А.Е. Бурцев предоставлял на льготных условиях выставочные залы своего нового особняка молодым художникам, систематически покупал их работы.

Так, когда художник С.Ю. Судейкин решил поехать за границу, он обратился к Бурцеву с предложением продать ему все этюды и картины, которые у него накопились в мастерской, и Бурцев, не глядя, уплатил ему 2 тысячи рублей. На эти деньги художник смог уехать за границу.

А.Е. Бурцев много помогал и другим молодым художникам, например, Б.Григорьеву. Тем самым Александр Евгеньевич выполнял очень полезную культурную миссию – он давал художникам возможность не продавать их основные картины на рынок, т.е. в магазины, а только на выставки. Подчас А.Е.Бурцев покупал вещи и ненужные ему, но чтобы не отказать продающему и помочь ему.

А.Е. Бурцев числился попечителем Общества призрения нищих. Как уже указывалось выше, в 1903г. была учреждена «Банкирская контора братьев Бурцевых». Братья делали щедрые пожертвования на украшение Адмиралтейского собора, «Обществу доставления дешёвых квартир и другого пособия нуждающимся жителям г. Санкт-Петербурга».

Первая мировая война сделала коллекционирование непростым делом. Связи с Европой почти прекратились, произведения искусства обесценились, а цены на продукты непрерывно росли. И всё же Александр Евгеньевич продолжает заниматься собирательством. И это в то время, когда было неизвестно, что готовит грядущий день.

Революция сокрушила всё и вся. Старший и младший братья А. Е. Бурцева - Павел и Василий Евгеньевичи Бурцевы эмигрировали в Финляндию.

Александр Евгеньевич Бурцев, преданный своему любимому делу, остался в России. Его основная цель – сохранить замечательные коллекции, но это ему, конечно, не удаётся сделать. Обстоятельства вынуждают его большую часть своего архива продать Пушкинскому дому и Публичной библиотеке.

Картины и этюды Рериха, Судейкина и других видных художников пришлось сдавать на различные аукционы, т.к. в 1929 г. А.Е.Бурцев был лишён избирательных прав как бывший домовладелец. Став так называемым «лишенцем», А. Е. Бурцев и его семья не имели права получать даже продовольственные карточки, введённые в то время.

Неоднократные ходатайства видных деятелей науки и культуры перед В. Д. Бонч-Бруевичем о восстановлении в правах А. Е. Бурцева с указанием на то, что авторская и издательская работа которого в области русской литературы и искусства хорошо известна, долгое время ни к чему не приводили. И только в 1933 году ходатайство А.Е.Бурцева о восстановлении в избирательных правах было удовлетворено.

Казалось бы, что так государство признало значимость трудов А. Е. Бурцева, их общественно-полезный характер. К большому сожалению, это только казалось. С марта 1935 г. началась трагическая страница жизни семьи Бурцевых, и никто уже не мог им помочь. В их квартире был произведён обыск агентами НКВД, опечатана комната, в которой находились письма и автографы писателей и деятелей науки и искусства. Кроме этого, была арестована жена А. Бурцева, изъято столовое серебро и некоторые другие ценные вещи. 27 марта 1935 года семья А.Е. Бурцева была выслана в г. Астрахань сроком на 5 лет.

Основной причиной отправки в ссылку было то, что они стали жертвами операции НКВД «Бывшие люди». Жена А.Е. Бурцева, Параскева Дамиановна, обвинялась в связи с белой эмиграцией из-за нескольких поездок в Финляндию, где у неё ещё с дореволюционных времён оставались сёстры и братья.

Поэтому по материалам операции «Бывшие люди» в ссылку отправлялась именно Параскева Дамиановна с семьёй.

Среди немногих вещей А. Бурцев повёз с собой в Астрахань остатки своего собрания автографов. Он хранил это собрание как зеницу ока до самой своей кончины.

В Астрахани, несмотря на очень трудные условия жизни, подорванное здоровье, А.Е. Бурцев много работает, ведёт переписку.

Однако в феврале 1938 года А.Е. Бурцев и П.Д. Бурцева были арестованы и обвинены в поддержании тесных связей с финской разведкой и в антисоветской пропаганде. При аресте были изъяты все книги А.Е. Бурцева и оставшееся столовое серебро.

29 октября 1938 года Бурцевы были расстреляны, полностью реабилитированы в 1963 году.

Оставшиеся на попечении Ольги Александровны Бурцевой (дочери А. Е. Бурцева) письма и автографы, которые удалось сохранить, также претерпели ряд ударов судьбы (теперь уже шла вторая мировая война), пока не достигли Центрального государственного архива литературы и искусства.

В заключение хотелось бы привести слова В.А. Петрицкого, являющегося одним из исследователей трудов А.Е. Бурцева, из его статьи «История одного заблуждения. Петербургский библиофил А.Е. Бурцев (1863-1938)».

«Если учесть, что в 20-е гг. большая часть собрания рукописей и автографов А.Е. Бурцева поступила в Пушкинский Дом и в Ленинградскую Публичную библиотеку, а позднее некоторая часть – в Московский литературный музей, и приплюсовать к поступившим в государственные хранилища ещё полторы тысячи ценнейших рукописей, мы вынуждены будем прийти к выводу:

Александр Евгеньевич Бурцев создал крупнейшее в истории отечественного библиофильства собрание рукописей и автографов и сохранил его для потомков».

Библиографический список

1. Б.В. Ананьин. Банкирские дома в России 1860-1914гг. Ордена трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение. Ленинград. 1991.
2. Б.Г. Красильников. Библиофил и его семья – жертвы операции НКВД «Бывшие люди». Невский библиофил. Альманах. Выпуск десятый. Санкт-Петербург. Издательство «Сударыня». 2005.
3. П.Н. Мартынов. Полвека в мире книги. Издательство «Наука». Ленинградское отделение. 1969.
4. В.А. Петрицкий. История одного заблуждения. Петербургский библиофил А.Е.Бурцев (1863-1938). Русская демократическая книга. Книжное дело Петербурга-Петрограда Ленинграда. Министерство культуры РСФСР. Ленинградский ордена Дружбы народов государственный институт культуры им. Н.К.Крупской. Ленинград. 1983.
5. Ф. Шилов. Записки старого книжника. Государственное издательство «Искусство». Москва. 1959.
6. А.С. Марков. Он был расстрелян как финляндский шпион. Газета «Волга». 9 июля 2003.

Н.И. Гаврилова,
кандидат исторических наук,
доцент Иркутского государственного технического университета

2.5. Массовые благотворительные акции в городах Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв.: основные тенденции развития

Развернувшееся исследование истории благотворительности требует всестороннего анализа данного явления. Важной гранью темы выступает изучение массовых благотворительных акций к. XIX – н. XX вв. как одного из ярких проявлений роста общественных инициатив. Филантропическая деятельность являлась неотъемлемой частью быта дореволюционного города, имевшей тенденцию к дальнейшему расширению и развитию различных видов. Стремление к созданию независимых общественных организаций и к деятельности в них, а также на поприще благотворительности, становилось значительным общественным явлением. В к. XIX в. благотворительность была достаточно глубоко внедрена в общественный быт городов Иркутской губернии. Наиболее ярко она заявила о себе в практике частных пожертвований, создания благотворительных обществ. Определенный опыт был приобретен в организации и проведении разнообразных по тематике, масштабам и формам осуществления благотворительных акций.

Сборы по общероссийским акциям были особенно распространены в городах Иркутской губернии в 1860-80-е гг. (до 5 и более подписок в год). Традиционными являлись пожертвования на нужды православных церквей, строительство памятников, в фонд помощи пострадавшим от стихийных бедствий, сборы в период войн, инициаторами которых выступали правительство, частные лица и общественные организации. Сумма взноса чаще всего составляла несколько копеек, что потенциально создавало возможность участия в подобных акциях широких слоев городских обывателей. Тем не менее, реальное число жертвователей оказывалось невелико, как и суммы сборов, воспринимавшиеся в качестве обременительных и не имеющих прямого отношения к жизни горожанина и его окружению, а потому не актуальные. Большой популярностью пользовались пожертвования на «богоугодные дела». Заметное место в составе жертвователей занимало мелкое, реже - среднее чиновничество, обязанное принимать участие в подобных акциях по роду службы. В начале XX в. в Иркутске определенный резонанс вызвали общероссийские сборы добровольных пожертвований на сооружение памятника Г.И.Невельскому в Николаевске-на-Амуре (1908 г.) и голодающим в Уфе (1911 г.).

Большее оживление в общественный быт вносили внутригородские благотворительные акции, количество которых к н. XX в. возрастало. Макси-

мальное для Иркутской губернии разнообразие форм благотворительных акций зафиксировано в общественном быту иркутян.

Наиболее часто в к. XIX в. организаторы сборов прибегали к благотворительным базарам и лотереям-аллегри, сопутствовавшим вечерам и балам, гуляниям в городских садах, получившим широкое распространение еще в 60-80-е гг. XIX в. В н. XX в. практика проведения лотерей-аллегри сохраняется, как и традиционная «обстановка» их проведения. В этот период лотереи-аллегри чаще всего организовывались во вновь открывшимся Александровском сквере и Общественном собрании Иркутска. Однако, несмотря на увеличение числа общественных организаций, которым было дозволено устраивать лотереи-аллегри (в частности, подобное право в 1903 г. получили пожарные общества), активность использования данной формы сбора пожертвований несколько снижается, хотя она остается жизнеспособной. Последние лотереи-аллегри прошли в Иркутске в августе 1919 г. в рамках «Дня рабочего дворца» [1]. К 1910-м гг. достаточно редкой «технологией» становятся благотворительные «подписки во время торжественных обедов», к которым часто прибегали во II половине XIX в. в Иркутске и малых городах губернии. Из подобных акций можно отметить лишь торжественный обед на 150 кувертов в честь 50-летнего юбилея принятия священного сана архиепископом Тихоном (Иркутск, 1903 г.), участниками которого по подписке было собрано 2,5 тыс.руб. на стипендию имени архипастыря при одном из учебных заведений столицы Восточной Сибири.

В то же время вне торжественной обстановки «обедов» «подписки» от имени губернской или городской администрации, общественных объединений, как форма сбора благотворительных средств, сохраняются. В конце XIX в. одна из наиболее крупных «подписок» прошла в Иркутске по инициативе Комитета помощи погорельцам (1879 г.). Уже к 1 сентября 1879 г. только иркутским купечеством было собрано 125 тыс. руб. К рубежу XX в. система «приглашений к пожертвованиям» со стороны местной администрации и городской думы была отлажена. На приглашение генерал-губернатора А.Д.Горемыкина внести благотворительные взносы на строительство каменного театра (1898 г.) в Иркутске за короткий срок крупнейшими представителями купечества Иркутской губернии было собрано 141,6 тыс.руб. Кампания 1901 г. по сбору пожертвований на сооружение памятника Александру III была организована еще тщательнее [2].

Имели место подписки, проходящие в тесном кругу лиц, как правило, интеллигенции, связанных общими взглядами и интересами. В 1893 г. по случаю кончины И.Д.Черского его вдове Марфе Павловне «лица, желавшие выразить ...сочувствие», организовали подписку, собрав 756 руб. [3]. Успех во многом зависел от признания горожанами важности и целесообразности предлагаемого благотворительного сбора. Существенную роль играл и авторитет лица, собирающего деньги. Так, подписка в начале 1880-х гг. на возведение Казанской церкви в Рабочем предместье иркутскими купцами А.М.Сибиряковым и Д.Д.Демидовым имела успех: необходимость строительства церкви назрела и воспринималась горожанами благосклонно. В то же время сборы в поль-

зу переселенцев (1883 г.) гласным иркутской Думы чиновником Н.К.Стриханским дали лишь 921 рубль.

На «второй план» в н. XX в. отходит и такая форма благотворительных акций как «пожертвования взамен визитов» перед Пасхой, Рождеством, Новым годом, получившая достаточно широкое бытование в Иркутске в 1880-е гг. Подобные «пожертвования» затрагивали лишь верхушку общества, тех, кто согласно социальному статусу совершал «праздничные визиты» вышестоящим по социальной лестнице лицам.

В то же время на всем протяжении рассматриваемого периода сохраняется традиция проведения спектаклей и концертов с благотворительной целью, прочно закрепившаяся в Иркутске уже к середине XIX в. С 1880-х гг. появляется практика благотворительных сборов с выручки от цирковых представлений и художественных выставок.

В целом, в 70-90-е гг. XIX в. с благотворительными актами прямо или косвенно была связана значительная доля (14-50%) культурно-досуговых и общественных мероприятий Иркутска. Причем, в 1880-х гг. почти каждое второе событие сочеталось с благотворительной акцией, что соответствовало общему оживлению общественной жизни Сибири в этот период. К 1900 г. доля благотворительных акций уменьшилось до 14,2% при постоянно возрастающем числе культурно-досуговых и общественных мероприятий. В н. XX в. этот «разрыв» продолжает увеличиваться: лишь единичным спектаклям, концертам, выставкам или лекциям, главным образом, организованным одним из местных филантропических или просветительских обществ, сопутствовали благотворительные сборы. Традиционным местом их проведения становится Общественное собрание Иркутска.

К к. XIX в. распространяется система частных прошений, вырабатываются основные ролевые позиции просителя и дарителя. В восприятии городского обывателя жертвователем представлялся лишь носителем многомиллионного состояния, а его личность отходила на второй план. Яркий образчик тому – письма разных лиц к купчихе 1 гильдии А.М.Сибиряковой [4]. Весьма показательна и характеристика иркутского золотопромышленника И.М.Сибирякова. О нем писали: «В нем видели человека, обладающего значительными средствами, но забывали, что и он человек, у которого есть духовный мир, есть сердце, словом позабывали в нем человека... видели в нем только симпатичного филантропа, рука которого не оскудевает»[5]. В то же время, чрезмерная щедрость вызывала непонимание, вплоть до осуждения. Крупные пожертвования того же И.М.Сибирякова были расценены обществом как умопомешательство.

Следует отметить использование такой формы сбора благотворительных средств как «кружечные сборы». Используемая на всем протяжении XIX в. православной церковью и являющаяся для нее традиционной данная «технология» на рубеже XIX-XX вв. начинает особо активно применяться благотворительными и просветительскими объединениями Иркутска. Широкое распространение кружечный сбор получает во время Русско-японской и I Мировой войн. Так, в 1904 г. в Иркутске были открыты в нескольких местах города ящики с надписью: «Не пожалейте, господа, опустить в этот ящик папирос или табак»

для воинов на Дальнем Востоке» [6]. Крупные кружечные сборы проходили в Иркутске в 1914-1917 гг. в пользу русских воинов и населения, пострадавшего от войны. В 1914 г. кружечный сбор на Забайкальской железной дороге дал 7,5 тыс.руб. [7], а в 1915 г. в пользу беженцев и разоренного войной населения прошел кружечный и фургонный сборы вещей [8]; устраивался подворный кружечный сбор. Один из последних кружечных сборов состоялся в сентябре 1918 г. во время объявленного по Иркутской губернии дня «Крестьянского дела» (сбор на нужды крестьянских организаций).

Отличительной особенностью благотворительных акций н. XX в. стала их символизация и многократность. Ярким воплощением новых традиций явился «День Белого цветка». В 1910 г. была образована Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом, годовщину основания которой решено было ознаменовать устройством «туберкулезного дня», получившего название «Дня Белого цветка». Первый такой день во многих городах России прошел в 1911 г. В Петербурге он состоялся 20 апреля, в Иркутске – 21 сентября и на протяжении последующих семи лет вплоть по 1918 года ежегодно отмечался в апреле. По общероссийским данным, «валовой доход от первого «туберкулезного дня» в России достиг свыше полумиллиона рублей». «Празднование «Дня» начиналось с шествия по главным улицами, обставлено было с большей или меньшей пышностью... Днем и вечером устраивались гуляния...» [9]. Торжественно проходил этот день и в Иркутске. В 1911 г. пожертвования составили свыше 10,6 тыс.руб., участников же сбора насчитывалось более 300 человек [10]. Данная акция нашла живой отклик у иркутян: в 1912 г. было создано Общество для борьбы с туберкулезом, в 1914 г. вышел первый номер газеты «День Белого цветка», распространяемый в Иркутской губернии. Благодаря деятельности общества и освещению проблемы на страницах специального издания, акция «Дня Белого цветка» завоевала в Иркутске популярность. Возможно, она дала своеобразный толчок к организации других подобных акций. С 1910-х гг. в Иркутске стали проходить организованные различными благотворительными обществами «День солдатского погона», «День сибирского стрелка», «День ополченского креста», «День Ермака Тимофеевича», «День незабудки», «Вербные базары»; организуется продажа флажков в пользу детских приютов и Красного Креста. Начиная с 1909 г. на протяжении 9 лет (до 1918 г. с небольшими перерывами) проводятся вечера-сборы от родительских комитетов в пользу недостаточных учащихся.

Количество, массовость и разнообразие благотворительных акций в городах Иркутской губернии возросло в период Русско-японской и I Мировой войн. Пиками активности стали 1904 г. и 1914-1915 гг. В частности, в 1915 г. различные благотворительные акции фиксируются каждый месяц и чаще.

В уездных городах Иркутской губернии одной из наиболее распространенных форм благотворительных акций в к. XIX – н. XX вв. выступали подписки. Так, в Киренске в течение 1870-90-х гг. сбор средств проводился на учреждение и содержание женских и уездного училища. Суммы составляли от ста до нескольких тысяч рублей. Восьмидесятые годы стали переломными в

развитии массовой благотворительной деятельности в уездных городах. Активизация общественной инициативы в этот период послужила толчком к созданию библиотек, любительских театров, организация и деятельность которых были тесно сопряжены с филантропическими акциями. В Киренске по инициативе исправника Петрова прошли подписки на открытие библиотеки (1882 г., участие приняло 29 человек, собрано около 600 руб.). Организовывались детские праздники (очень часто – новогодние елки), поддерживалась практика передачи благотворительных сборов в Иркутск, в местные отделения обществ. Лотереи-аллегри, благотворительные базары, концерты, пожертвования взамен визитов, музыкально-литературные вечера значительного распространения не получили.

В н. XX в. организация благотворительных акций аккумулируется инициативными группами различных благотворительных и просветительных обществ, во главе которых стояли, главным образом, мелкое чиновничество, служащие, интеллигенция. Роль сословных обществ, торгово-промышленной элиты города в инициировании благотворительных акций заметно падает. В то же время следует отметить возрастающую активность профессиональных и национальных объединений. Так, в 1914-1916 г. благотворительные акции в Иркутске в пользу русских воинов, семей запасных, населения, пострадавшего от военных действий, были организованы объединениями иркутских извозчиков, медицинских работников, парикмахеров города, домашней прислуги, Союзом домовладельцев, общебурятским комитетом, колонией итальянских подданных и др.

В целом, в к. XIX – н XX вв. зафиксирован численный рост и ширящееся разнообразие благотворительных акций в городах Иркутской губернии. Анализ показал, что развитие филантропии здесь шло в русле общероссийских тенденций. Наиболее ярко они обнаружили себя в Иркутске.

Библиографический список

1. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. – Иркутск: Вост.-Сиб.кн.изд-во, 1994. – С.364.
2. Подробнее см.: ГАИО, ф.110, оп.1, д.1; ф.70, оп.3, д.170.
3. Романов Н.С. Летопись г.Иркутска за 1881-1901 годы. – Иркутск: Вост.-Сиб.кн.изд-во, 1993. – С.285.
4. РГИА, ф.1102, оп.3, д.552.
5. РГИА, ф.1102, оп.3, д.553, лл. 35, 48.
6. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. – С.41.
7. Там же. – С. 196.
8. Там же. – С.204, 210.
9. Благотворительность и милосердие: Историко-документальное издание. – СПб.: Лики России, 2000. – С. 30.
10. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. – С.160.

Т.В. Супроненко,
старший преподаватель филиала Белгородского государственного технологи-
ческого университета имени В. Г. Шухова

2.6. Благотворительная деятельность С.И. Мальцова

С.И. Мальцов, известный Российский промышленник, намного лет опередил своих современников. У большинства из них вызывало удивление самоотверженность человека, ушедшего в глухую деревню работать с народом вместо того, что бы, владея миллионами, предаваться прелестям столичной жизни.

Нередко люди его происхождения смотрели на Мальцова как на социалиста, то как на фантазера, то как на самодура. Межецкий, много лет работавший с Мальцовым, назвал его «истинным тружеником на пользу земли русской... - этот человек был воплощением труда, и причем труда не из узких видов личного прирбытка, а исключительно для широкого понимания общественной пользы». Интересы дела, Родины всегда были выше его личных.

С 1849 г., добровольно прервав свою придворную блестящую карьеру, он посвящает свою жизнь развитию разнообразного промышленного производства, на обустройство края, на создание нормальных условий для работы и жизни жителям промышленного округа. В период расцвета площадь, располагавшейся в Орловской, Смоленской, Калужской губерниях территории составляла 6000 кв. км, простираясь с севера на юг на 120 км, с запада на восток на 80 км. В Брянском, Жиздринском, Рославльском уездах было до 30 предприятий, на которых работало до 14 тысяч мастеровых и 18 тысяч вспомогательных рабочих. В общей сложности судьба 100 тысяч человек зависела напрямую от процветания края.

Благодаря неутомимой деятельности Мальцова, его промышленный край был единственным в своем роде, и результаты проводимой им политики для улучшения жизни жителей края были недостижимы не только для фабричных округов России, но и для Западной Европы того времени. Не случайно известный путешественник Немерович-Данченко назвал увиденное «Америкой в России» и восторженно описывал, все увиденное на Мальцовской земле. На его заводах заработная плата превосходила среднюю потребность рабочей семьи. Рабочий день составлял 10-12 часов (в то время как на других предприятиях доходила до 14-16 часов).

На трудных работах был установлен 8-ми часовой рабочий день. Такого не было в то время даже за границей.

Большинство мастеровых жили в добротных домах из 3-4 комнат. Дом строился в рассрочку, причем, по очень низкой цене, а затем, как правило, долг, достигавший порою 500 рублей списывался со счета виде награды рабочему за самоотверженный труд. При домах отводился с приусадебный уча-

сток земли в 800-1000 сажений. Нарезался выгон для скота. Топливом рабочие обеспечивались бесплатно. Зарплата, выдавалась зачастую не деньгами, а продуктами. Выпускались и собственные деньги, которые даже ходили за пределами Мальцовского округа.

По своей одежде мастеровые резко отличались от крестьян, у большинства были сапоги и часы. Дочери и жены по праздникам могли себе позволить шелковые наряды. Все это по тем временам считалось роскошью. После отмены крепостного права, Мальцов наделили земельными участками своих рабочих, увеличил число льгот.

Особое внимание уделялось грамотности. Во всех заводских округах были открыты благоустроенные школы, где обучались сотни учащихся. Дятьковская размещалась в трехэтажном здании, где занимала 2 этажа. Курс обучения был трехгодичным, близким к образцовому трехклассному училищу. Здесь же преподавалось черчение и рисование в объеме курса реального училища. В школе обучались дети обоего пола. Для каждого класса имелось обширное помещение, была отдельная комната для рисования и пения. С детьми вели занятия три учителя и учительница с помощницей, а также особые учителя пения, рисования, законоучения. Учитель получал хорошее жалование 20-30 рублей в месяц, некоторые пользовались бесплатным столом и квартирой, два раза в год получали подарки. При школе имелась большая библиотека, где кроме книг для чтения учителям и ученикам выдавались популярные сочинения по технологии. Выписывались четыре педагогических журнала. В школе обучались 260 мальчиков и 85 девочек. В 1878 г. при школах были открыты рисовальные классы для взрослых рабочих и детей, которые не могли посещать училища.

Уделялось внимание и профессиональной подготовке. В Людиново было открыто техническое училище с пятилетним сроком обучения, прозванное местным «университетом». Образование было бесплатным, но сдавались вступительные экзамены. Так же в Людинове было создано народное училище, которое разделялось на мужское и женское. Обучались там 340 мальчиков и 130 девочек.

Особе место в благотворительной деятельности Мальцова занимает организация бесплатной медицинской помощи. В Людиново и Дятькове были построены больницы, снабженные всем необходимым. Дятьковская больница, построенная Мальцовым, просуществовала до 30-х годов 20 века. Отдельные больничные строения и сейчас используются под жилье дятьковчанами. Больница располагалась в трехэтажном здании, в ней было 50 кроватей. При необходимости можно было развернуть 150. Был врач, несколько фельдшеров, акушерка. При небольших заводах состояли фельдшера, в обязанности которых оказывать медицинскую помощь на дому. Содержание больницы обходилось в 35-40 тысяч рублей в год. Существовала и больничная касса из которой выдавалось содержание рабочим потерявшим трудоспособность. Имена врачей А.П. Дорославина, В.И. Гедройц были известны не только за пределами округа, но и за рубежом.

С.И. Мальцов по собственному почину создал в районе систему общественного призрения. Он устраивал богадельни для одиноких и престарелых людей, установил пенсии для нетрудоспособных мастеровых, вдов, сирот. В случае смерти рабочего его семья переходила на попечение Мальцова. Каждая вдова получала полное содержание от конторы. Для семейных вдов, в случае необходимости строились отдельные дома. На случай нужд рабочим отпускался скот на льготных условиях, выдавались деньги на экстренные надобности: свадьбы, похороны.

Большое внимание Мальцов уделял благоустройству района. Кирпичные, смолокурные, лесопильные, пивоваренные заводы, писчебумажная фабрика, столярная мастерская практически не приносили прибыли, но производили нужные для населения дешевые и качественные товары.

Между главными населенными пунктами: Песочня, Любохна, Людиново, Дятьково была проложена шоссейная дорога с организованным почтовым сообщением, станциями, экипажами. Был собственный телеграф (267 верст), телефон (303 версты), гидротехнические сооружения. Была построена узкоколейная железная дорога 290 версты из собственного материала с помощью собственных специалистов.

Особое отношение у Мальцова было к религии, которую он считал нравственной основой человека. Мальцовские храмы, особенно Дятьковский, был лучшим в епархии. К сожалению детища Мальцова, уникального Дятьковского храма, который современники называли «восьмым чудом света», белокаменной, с чудесным хрустальным иконостасом, паникадилами, подсвечниками, к сожалению уже нет 80 лет.

Во время деятельности Мальцова в округе не было голода, который свирепствовал в России. Он выступил с проектом от избавления жителей от этого бедствия. Интересно, что по мнению некоторых специалистов, этот проект актуален и на сегодня, цены на сельхозпродукцию поддерживаются способом, сходным с его способом.

Комиссия, присланная правительством для проверки деятельности Мальцовского округа, писала: «Ни одна сторона рабочего быта не была оставлена без внимания, были сами собой достигнуты те результаты и осуществлены те реформы, к которым стремится новейшая социалистическая экономия. Все это могло считаться преувеличением или тенденциозным описанием, но в действительности мы констатируем те факты, которые проверены по документам и из расспросов самих рабочих».

Даже в своем завещании Сергей Иванович не обошел вниманием важные для него при жизни моменты социального обустройства района.

На поддержания храмов он завещал:

«...Дятьковскому, Людиновскому, Сукремльскому, Любохонскому, Сергеево-Радицкому, песоченскому по 1000 рублей, Ивотскому, Чернятинскому, Слободищенскому, Пупковскому, Стелянно-Радицкому, Улемьскому, Кургановскому, Погостскому, Бухальскому, Маклакосскому, Белобережскому и Оптиной пустыни, Алупской по 500 рублей...»

Для распространения грамотности и просвещения все оставшиеся суммы Мальцов завещал отдал в собственность Орловской губернии Брянского уезда, Калужской губернии Жиздринского уезда, Смоленской губернии Рославльского уезда, в состав которых входили деревни, фабрики, заводы, принадлежащие Мальцову.

Только в декабре 1896 г. Жиздринское градское общество «проникнутое чувством величайшей благодарности к Сергею Ивановичу Мальцову за «неисчислимыя благодеяния человечеству, требующему его помощи», поднесло ему в дар адрес с просьбой принять на себя звание почетного гражданина г. Жиздры.

4 июля 1869 г. император Александр II дал высочайшее соизволение на присвоение звания почетного гражданина г. Жиздры С. И. Мальцову. Это единственно задокументированный факт прижизненного признания заслуг Мальцова в экономическом, культурном и социальном развитии региона. А созданному с разрешения губернатора Орловской губернии А. Н. Трубникова в селе Дятькова Брянского уезда. 12 января 1898 г. Благотворительному обществу было присвоено имя С. И. Мальцова. Его имя так же было увековечено в названии Акционерных обществ Мальцовских заводов (1894), Мальцовского портландцемента (1899).

Библиографический список

1. Хохлов В.Г., Никуткина Т.В. Духовное завещание С.И. Мальцова С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района: Сборник материалов. - Брянск,1998.-ч.2.-С.29-32 .
2. Хохлов В.Г. Кошелева Т.В. Роль С.И. Мальцова в становлении и развитии фабрично-заводской медицины в Мальцовском округе. Культура. Искусство. Персоналии: Песоченский историко-археологический сборник.- Киров,1997.-Вып.3.-Ч.1.-С.114-118.
3. Хохлов В.Г., Серегина Т.В. Храмы Дятьковского района История и культура: Песоченский историко-археологический сборник.-Киров,2000.-Вып 4.-ч.2.-С.107-109.

Н.Н. Нифагина,
к.ф.н., зав. лаб. телевидения и ТСО
Брянской государственной инженерно-технологической академии

2.7. Ф.И. Тютчев – современник М.К. Тенишевой

Немногое, что связывает Ф.Ф. Тютчева (1860 – 1916), незаконнорожденного сына великого поэта Ф.И. Тютчева с М.К. Тенишевой (1858 – 1928), это то, что они были современниками. Они жили и творили в очень сложный и, можно сказать, в трагический период русской истории. У Ф. Тютчева, как и у М. Тенишевой, было нерадостное детство. В 10-летнем возрасте Федор Федорович остался круглым сиротой. Мария Клавдиевна, рано потерявшая отца чувствовала себя нелюбимой в семье с суровой матерью, которую «боялась и трепетала перед ней». Но тяжелое детство не озлобило их, не испортило их характеры. Оба любили и понимали искусство, но, главное, что связывало их – это любовь к России, к простому русскому народу.

Мария Клавдиевна, будучи молодой девушкой, всегда говорила: «Я хотела бы быть очень богатой, для того, чтобы создать что-нибудь для пользы человечества. <...> Я отдала бы свои средства на крупное дело по образованию народа, создала бы что-нибудь полезное, прочное»[1]. Во втором браке (муж ее В. Н. Тенишев был крупнейшим российским промышленником), у Марии Клавдиевны появилась возможность осуществить свою мечту и в полной мере проявить свои таланты в сохранении культурного наследия русского народа. И где бы она ни жила, в Италии или Франции, в Смоленском или Брянском крае, в Москве или Петербурге, везде она отдавала все свое время, умение, талант, деньги пропаганде российской культуры.

Забываясь об образовании детей, быте простых русских людей, она только в Брянске открыла ремесленное училище, народную столовую, продовольственную лавку, шесть благоустроенных школ; она организовала в Бежице (сейчас один из районов Брянска) театр и т.д.

Она оставила нам в наследство три известных коллекции русской и зарубежной графики, стала основоположником и создательницей Смоленского музея. Отдаваясь со страстью меценатству и благотворительности, Мария Клавдиевна занималась и научной деятельностью. Диссертация «Эмаль и инкрустация» была защищена с золотой медалью в 1916 году в Московском археологическом институте.

Спасаясь от революции вынужденная жить во Франции, в г. Вакрессон, Тенишева и там превратила свою виллу, по словам Н.Рериха, в «Малое Талашкино» – место встречи и общения эмигрантов.

Где бы она ни жила, ее сердце всегда принадлежало России. «Любя страстно природу, я в душе всегда была чисто русским человеком. Все, что

касалось моей старины, меня глубоко трогало и волновало», – писала Тенишева в своих воспоминаниях [1].

Несколько по другому сложилась судьба военного русского бытописателя Федора Федоровича Тютчева, пока, к сожалению, малознакомого широкому кругу современных читателей.

Не имея средств к существованию, Ф.Ф. Тютчев вынужден был посвятить свою жизнь служению двум богам: Марсу и Аполлону. Военный писатель и боевой офицер он был участником 3-х войн: русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой. Свободное от походов время, он посвящал литературному труду и активно сотрудничал с целым рядом петербургских и московских газет и журналов в конце XIX начале XX века.

Современники Федора Федоровича отмечали, что в последние годы его творчества «в изящной словесности на темы военного быта он не имел себе соперников по силе высказанного таланта», унаследовав от отца «безупречный русский язык, беспретенциозность, красоту, пластичность изображения и редкую простоту замысла рассказа <...> Это была крупная величина в наше безвременье среди русской беллетристики <...> В литературе не только военной, но и во всей русской художественной литературе он оставил видный, талантливый след» [2].

Федор Федорович Тютчев родился 11 октября 1860 года в Женеве. Матерью будущего писателя была Елена Александровна Денисьева. Жизнь сурово обошлась с этой длившейся полтора десятилетия любовью Ф.И. Тютчева. В августе 1864 года, в возрасте всего тридцати восьми лет, не вынеся жизненных невзгод, от чахотки умирает Елена Александровна. Федор Иванович сразу постарел на несколько лет, еще больше замкнулся в себе. В октябре 1864 года с чувством позднего раскаяния он пишет А. И. Георгиевскому, мужу родной сестры Денисьевой: «Память её – это чувство голода в голодном, ненасытимо голодном. Не живется, мой друг Александр Иванович, не живется... Гноится рана, не заживает... Будь это малодушие, будь это бессилие, мне все равно. Только при ней и для нее я был личностью, только в её любви, в её беспредельной ко мне любви, я признавал себя... Теперь я что-то бессмысленно живущее, какое-то живое, мучительное ничтожество...» [3].

Дочери Тютчева приняли участие в судьбе оставшихся без матери троих детей и вели активную переписку с Дарьей Ивановной Сушковой, сестрой поэта. «Анна пишет также и о детях и спрашивает, как лучше всего поступить с ними. Дарья думает, что лучше всего было бы поместить их в какой-нибудь хороший пансион в Швейцарии, где девочка получит здоровое воспитание, а мальчик будет подготовлен к тому, чтобы в дальнейшем зарабатывать средства к существованию. Мне кажется, что это было бы лучше всего, но признаюсь тебе, что мне ужасно жаль бедняжку тетушку, у которой пришлось бы забрать детей. Думаю, что, во всяком случае следовало бы дать ей несколько недель отсрочки, а тогда уже подумать о будущем детей, которые в ее руках могут только испортиться», – пишет Е.Ф. Тютчева Дарье Ивановне Сушковой 31 августа 1864 г [4].

Возможно, если бы так они поступили, то все трое детей были бы живы. Зная характер брата, Дарья Ивановна не была уверена в постоянной заботе Федора Ивановича о детях, и свои сомнения высказывает Е.Ф. Тютчевой: «Я верю его раскаянию, его отчаянию, но при этом я, увя, убеждена, что он же первый будет пренебрегать этими тремя детьми, забывая о них» [4].

Екатерина Федоровна полностью разделяет мнение Дарьи Ивановны по поводу обучения детей: «Я совершенно с тобой согласна, что они нуждаются в здоровом и закаляющем воспитании, как для тела, так и для души. <...> Если девочка останется в Петербурге, она всегда будет связана со средой, от которой ее следует оберегать, как от яда» [4].

В результате, дети не были отправлены за границу. Сестрам и самому Тютчеву не хотелось огорчать, прежде всего «бедную старушку» (А.Д. Денисьеву), и тринадцатилетняя Елена была пристроена в пансион m-lle Труба, как и просила, умирая, Елена Александровна. В мае следующего года – в один и тот же день, от той же болезни, что и их мать, умирают дочь Елена и годовалый сын Николай.

Обвиняя себя в смерти Елены Денисьевой и 2-х детей, Федор Иванович был весьма озабочен судьбой единственного оставшегося в живых сына Федора. 4/16 сентября 1868 года Екатерина Федоровна пишет сестре Дарье: «Он говорил со мной о бедняжке Феде, который все еще живет у Анны Дмитриевны, и я обещала принять в нем участие. Он так благодарил меня за это, уверяя, что я сняла камень с его души, позволив ему надеяться, что после его смерти этот мальчик не будет брошен» [5].

Живой, любознательный, Федор Тютчев рос сначала в Петербурге на руках старой няни и тётки его матери А. Д. Денисьевой, которую страстно любил и звал «бабушкой» (о чем писатель потом штрихами напишет в своем первом романе «Кто прав?»). Вскоре, по настоянию отца, Федора отправляют в Москву, к старшей дочери поэта А. Ф. Аксаковой-Тютчевой, не имевшей своих детей.

Отец не баловал сына вниманием. Как вспоминал Федор Федорович: «С моего отъезда в Москву в 1870 году и до смерти Ф[едора] И[вановича] (1873) я видел его два раза. В первый раз в Лицее цесаревича Николая в Москве, куда он прехал ко мне, а второй незадолго до его смерти в Петербурге» [6]. Сколько боли и горечи, пережитых подростком и не забытых позже, скрывается за этой фразой. Но, несмотря на столь редкие встречи, Федор продолжал горячо любить отца, гордиться им, беречь семейные реликвии, особенно те, которые относились к его матери, которую Федор Федорович всю жизнь боготворил. Именно Ф. Ф. Тютчеву мы обязаны сохранением и первой публикацией большей части стихотворений поэта, относящихся к его любовному Денисьевскому циклу.

Окончив лицей, в 1877 году Федор Федорович был отослан родственниками для получения образования в Германию. Год проучился в русской группе. Но, видимо, и там что-то не получалось. И в юноше, почти мальчике с хрупким здоровьем, ранимым самолюбием, проснулся дух противоречия. Это

были годы волнений среди немецкой молодежи, боровшейся за свои права. Движимый общим порывом, к одному из нелегальных студенческих кружков примкнул и русский студент Федор Тютчев. Видимо, не без помощи полиции, весть об этом вскоре дошла до Москвы. «Из Феде не сделать ни ученого, ни дельного человека, – писал по этому поводу И.С. Аксаков в Прагу архиерею русской православной церкви И.И. Лебедеву, – но можно пожелать ему, надо надеется, не стать бездельником или негодяем» [7].

По просьбе мужа Анны Федоровны, И.С. Аксакова, за юношей отправляется А.А. Лебедев и вскоре Федор Тютчев оказывается в Праге, где его еще год в семье священника будут воспитывать в духе послушания и прилежания. Так и закончились студенческие годы Ф.Ф. Тютчева. К сожалению, жизнь его в Лейпциге мало известна. «Он сам не любил об этом вспоминать, так как, будучи впоследствии военным, естественно считал свои юношеские увлечения несколько предосудительными. Но, во всяком случае, время его пребывания среди революционной молодежи Лейпцига наложило на него отпечаток, и он всю свою жизнь сохранял либеральный образ жизни, не будучи в силах мириться со многими порядками, царившими у нас в царской России», – отметила младшая дочь Ф.Ф. Тютчева, Надежда [8].

В 17 лет, по своему физическому развитию казавшийся 14-летним, Федор, между тем, стремится в Петербург под опеку бабушки, А.Д. Денисьевой, уже дряхлой, доживающей последние годы. Но уж туда-то Аксаков как раз и не хотел его допустить. Он боялся, что, оказавшись в Петербурге, Федор опять попадет в «гнусную среду своей бабушки», избаловавшей и испортившей его в детстве, «снова свяжется со всякими старыми девицами, приятельницами Денисьевой, весьма враждебно расположенными к законной семье покойного Федора Ивановича и к нам с женою в особенности...» И все же, даже предубежденный к юноше Аксаков справедливо замечал, что, возможно, «из него выйдет поэт, сочинитель, но разочарованный...» [7].

В июне 1879 года Федор Федорович вступает вольноопределяющимся в Первый Московский лейб-драгунский Его Величества полк, а 1 сентября того же года был зачислен в Тверское кавалерийское юнкерское училище. Как имеющий среднее образование, он был зачислен в старший класс училища, что сулило ему всего год обучения и производство в офицеры. Воспоминания о пребывании в стенах училища сложились в повесть «По жребию» (из былых времен кавалерийского училища), вышедшая в свет в 1906 году.

Знаменательно, что начало военной службы, стало и началом его литературного творчества. Юнкер Тютчев много читал и занимался самообразованием. После окончания училища, с появлением в печати его первых стихотворений и небольших рассказов появилось и желание серьезно заняться литературным трудом. Вскоре Тютчев прерывает, казалось бы, удачно начатую карьеру, аттестуется на прапорщика и в ноябре 1881 года увольняется в запас.

Большая часть произведений Тютчева была написана в своеобразной пограничной полосе развития русской литературы, когда для нее кончалась

эпоха безраздельного торжества старого критического реализма и начиналась эпоха русского модернизма в форме декаданса, символизма и т.д. На этом фоне особенно явственно проступает эстетическая свежесть повествования Ф. Ф. Тютчева. Рассказы, а позднее повести и романы живо и правдоподобно отражали жизнь русской армии, и это сразу наталкивало на мысль, что написал их человек хорошо знающий военную службу.

Судя по количеству стихов, написанных Федором Федоровичем Тютчевым в свои двадцать с небольшим лет, казалось, что вот и рождается новый поэт, достойный стать наследником своего великого отца. Стихи, на первых порах его жизни большей частью, касались сугубо личного – любви:

Когда угрюмой ночи тьма
Наляжет грозной пеленою,
И в море, пробудясь от сна,
Заговорит волна с волною, -
Когда всклокоченным хребтом
Сердитый вал о брег заплещет,
И в этом сумраке густом
Моряк отважный затрепещет,
И вихрем схваченный кругом
От берега в море понесется,
Тогда забывшее о нем
Твое пусть сердце встрепенется;
И, верь, что путь укажут вдруг
Ему во мраке бурной ночи
Твой вздох, желанный, добрый друг,
Твои заплаканные очи...

Т.

Стихотворение было написано в одном из имений многочисленных тёток Тютчевых, в заштатном городке Скопине Рязанской губернии. Что там делал юный поэт, неизвестно, но ведь в двадцать лет безнадежно влюблялся и его отец. Опубликовано 1/13 апреля 1883 года в газете «Свет», стихотворение посвящалось некой «В...». Федор Федорович связывал свои дальнейшие планы с возможностью службы в каком-нибудь печатном органе. Вскоре он получает предложение от издателя организуемой в Петербурге газеты «Свет» и дает согласие работать в ней секретарем. К напряженной работе его обязывала и семья. В 1882 году Федор Федорович женился. В своем первом автобиографическом романе он называет жену Мари.

5 апреля 1884 года у Тютчевых родилась первая дочь, названная отцом в честь своей горячо любимой матери Еленой, а через два года, 10 июля, вторая дочь – Надежда. Материальное положение семьи усугублялось еще и тем, что Федор Федорович однажды отдал в долг весь свой капитал в 9000 рублей, но так и не смог получить его обратно, – бывший приятель жестоко обманул его.

Тютчева, по старой дружбе с его отцом, поддерживали известные поэты Я.П. Полонский и А.Н. Майков. Яков Петрович даже пытался устроить Тютчева на должность в Общество взаимного поземельного кредита на жалование в 33 рубля в месяц. Но служба мелким чиновником для вкусившего плоды некоторой известности литератора уже не устраивала Федора Федоровича.

Почти пятилетие напряженной работы в газете «Свет» не принесло молодому журналисту удовлетворения. Работа в редакции газеты была каторжной. Тютчев сильно уставал. Серые громады Петербурга давили своей тяжестью. О такой жизни им написано не одно стихотворение.

Город мрачный, но сердцу родной,
Как ты мне ненавистен порой!
Как нередко тебя проклиная,
Обессилен неравной борьбой,
И как страстно, глубоко страдаю, -
Как томлюсь, как душой изнываю,
Мой тюремщик, в разлуке с тобой!..[9]

Но с другой стороны, его Петербург – это источник «святого» вдохновения.

Ветер веет по дубраве,
Тихо листья шелестят,
И спокойно, величаво
Звезды на небе блещут.

Вся природа, как царица
Очарованная спит,
И покой ее ревниво
Старец-месяц сторожит [9].

Это стихотворение Федора Федоровича напоминает стихотворение его великого отца Ф.И. Тютчева. «Это умение передавать несколькими чертами всю целостность впечатления, всю реальность образа требует художественного таланта высшей пробы», – писал И.С. Аксаков об Ф.И. Тютчеве [10]. Талант, присущий отцу, принадлежит и сыну.

Как и в поэзии Федора Ивановича, так и в поэзии его сына бросается в глаза «совершенное отсутствие грубого эротического содержания». Его стихи нравственны и духовны. Его чувства всегда правдивы, искренни и светлы. Религиозный, как и его мать Е.А. Денисьева, Тютчев свято верит в справедливость Божественного учителя («Суд», «Мученики»). В лирике Тютчева нет любовных вздыханий и автобиографических подробностей.

Темы в газете мельчали, все более проникались черносотенным духом, времени же для серьезной работы не оставалось. Все это и обусловило решение Тютчева вновь поступить на военную службу. К тому же внезапно об-

острилась легочная болезнь жены, и врачи настоятельно советовали сменить сырой петербургский климат.

19 сентября 1887 года Тютчев поступил на службу во 2-ой резервный пехотный батальон, но литературу не бросает. Формирование мировоззрения Ф. Тютчева происходило в тяжелый для России период. Война с Турцией унесла тысячи жизней солдат и стихи Тютчева, написанные им на известные картины В.В. Верещагина, возбуждают такое же тяжелое чувство, как и картины живописца. На картине Верещагина «На Шипке все спокойно» изображаются последовательные эпизоды замерзания на Шипке забытого начальством русского часового. Как пишет сам живописец В.В. Стасову 17 октября 1877 года «Название картины носит иронический характер и заимствовано из репортажа генерала Ф.Ф. Радецкого, который 1877 году сообщал о полном благополучии вверенного ему войска, в то же время как от морозов гибли тысячи солдат» [11].

В книге «Сочинения Ф.Ф. Тютчева», вышедшей в 1888 г. в Петербурге, было представлено многое написанное им в молодые годы. В сборник вошли три десятка стихотворений, историческая повесть «Кровавые дни» из времен военных поселений в России, большой психологический рассказ «Денщик» больше похожий на хорошую повесть и другие рассказы.

Критик В.Р. Зотов (псевдоним В.З.) в отзыве на книгу «Сочинения Ф.Ф. Тютчева» отмечает, что в литературе появился «писатель, еще молодой, но, несомненно, даровитый. Стихи его, правда, не «тютчевские», им недостает образности, и блестящей фактуры, но в них есть мысли, содержание, чем не всегда могут похвастаться современные поэты» [12].

Больше к поэзии Тютчев практически не возвращался. Если писал стихи, то только к юбилейным датам и к началу 1890 годов Тютчев подошел уже не как поэт, а как сложившийся прозаик. Он был человеком военным, прослужившим в армии практически всю сознательную жизнь. Поэтому понятен его интерес именно к военной тематике, которую писатель на собственном опыте изучил превосходно. Военная служба дала начинающему бытописателю немало новых, прекрасных тем, полных специфических особенностей пограничной жизни. Его «Денщик» обратил на себя внимание, потом повести «Бунт военных поселенцев» и «Кровавые дни» упрочили за ним звание талантливый бытописателя. «Мрачная эпоха этих поселений не раз служила предметом и серьезных исследований и романтических рассказов, но автор умел найти в старом сюжете много новых интересных сторон и подробностей», – пишет в критической статье Владимир Зотов [12].

Уже в первой сцене повести «Кровавые дни» полоумный смотритель-дворянин приказывает посреди улицы жечь воз с сушеной рыбой, чтобы не распространялась холера. Понятно, что поступки таких начальников, проникнутых духом аракчеевщины, могли поднять бунт между военными поселенцами, на которых обрушилась еще и холера. Недаром эпитафией к повести Тютчев выбрал слова Пушкина: «Не дай Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Характеры действующих лиц в повести очерчены

рельефно и верны психологически. Таковы: доктор Федор Федорович Смолев, которого бунтовщики заставляют выпить лекарства его аптеки и, наконец, склянку с сулемой, и его дочь красавица Леля; благородный, честный и храбрый офицер Михаил Михайлович Лунев, негодяй поручик Соловьев. Бунтовщики, как лавина, прокатились по селениям, сметая на своем пути всё и вся, жестоко и бессмысленно карая безвинных людей. После 16-ти дней бунта наступили дни возмездия: после жесточайшего наказания кнутом бунтовщики были сосланы на вечную каторгу.

В 1889 г. Тютчев поступает в Пограничную стражу с тем, чтобы уехать из Петербурга, т.к. его жена заболела чахоткой. Тютчев, переаттестованный в корнеты, начинает службу на границе с Пруссией, в Ченстоховской бригаде. Но только чуть больше года смогла прожить в болотистой местности слабая здоровьем жена. В 1889 году она скончалась, оставив отца 29-летним вдовцом с двумя дочерьми 3-х и 5-ти лет. Мучимый угрызениями совести, чувствуя себя причиной смерти горячо любимой жены, Тютчев в память о ней, как крик собственной совести, пишет автобиографический роман «Кто прав?».

Со своими родственниками по отцу Федор Федорович почти не встречался. И только одна из дочерей Федора Ивановича Дарья Федоровна, бывшая фрейлина при дворе Александра II и затем Александра III приняла участие в судьбе его детей. Она впоследствии устроила Елену и Надежду Тютчевых в институт. За Елену Федоровну платила сама, а Надежду Федоровну устроила на казенный счет.

С января 1891 г. Тютчев служит в Бессарабии, сначала в Скулянах, потом в Войнештах, где начинает командовать отрядом. Затем перебирается в Бронештский отряд и заканчивает службу на Западе в управлении Бессарабского таможенного округа. Именно в те годы и родился в нем настоящий русский бытописатель. Экзотикой пропитаны его произведения, написанные им в период пребывания на границе с Румынией. Один за другим появляются рассказы из жизни таможенников и пограничников. И опять главными героями его произведений являются молодые, как и он сам, младшие офицеры. Случаи, нередко трагические, ложатся в основу сюжетов писателя. В печати появляется роман «Злая сила», рассказы «Комары», «Один день на поле сражения» и другие произведения.

Все эти произведения посвящены вечно опасной жизни на границе, хитростям, нередко переходящим в жестокость, к которым прибегают контрабандисты при переправе за кордон краденого, мастерству и мужеству пограничников при их задержании.

Публикация своих произведений для писателей — «второго плана», к которым принадлежал и Ф.Ф. Тютчев, была сопряжена с определенными трудностями. Это вынуждало их сообща печататься в дешевых сборниках, в небольших книжках в серии «Для школ и грамотного народа». Так, у Тютчева в 1899, начале 1900-х годов в издательстве И.Ф. Жиркова неоднократно выходили рассказы из солдатского быта, которые пользовались популярностью и

были любимым чтением солдат, поднимали чувство долга и любви к родине. Это: "Один день на поле сражения" (3 издания), "Товарищ", "Жучка", "Сапожник и музыкант"(4 издания), "Герои долга", «Рядовой Саватьев» (5 изданий) и другие. Интересно, что в этой же серии помещали свои произведения С.Т. Семенов, Н.А. Рубакин, И.А. Белоусов и другие писатели-разночинцы.

Даже в романтических сюжетах, которые читаются с захватывающим интересом, автор умеет найти много нового и неожиданного. Характеры действующих лиц очерчены рельефно и психологически верно. Неожиданные повороты сюжета, патриотизм и любовь к России солдат и офицеров, доблесть маленьких чинов, быт простого народа, рассуждения о войне, и, наконец, любовные истории – читаются с интересом и сочувствием к судьбе героев.

В 1893 г. Федор Федорович снова в Петербурге. Приезд в столицу позволил заняться личной жизнью, обнять совсем повзрослевших детей. И главное, за прошедшее десятилетие накопилось много произведений, которые Тютчев пытается пристроить по редакциям. Наконец был опубликован автобиографический роман «Кто прав?». В романе и возраст ранней женитьбы (22 года), и отец героя романа, камергер, действительный тайный советник, и любимая няня, и старшая сестра, умершая от чахотки на 14-м году и еще немало таких мелочных, казалось бы совпадений, которые, если действительно знать биографию автора романа, так и «выпирали» из повествования. Очень правдиво описана смерть жены героя в глубоком захолустье и её похороны. И хотя в фактической биографии Федора Федоровича об этом нигде не упомянуто, едва ли сомневаешься, что так именно и происходило с ним самим. Роман написан в восьмидесятых годах XIX века, когда общий дух безысходности, упадничества широко проник в слои русской интеллигенции. Герою романа чаще всего недостает воспитанности, сдержанности в поступках, самообладания. Часто он просто не хочет проявить уступчивости в отношениях с женой, легко поддается низменным побуждениям. И закономерный исход всего повествования – смерть молодой женщины, раннее сиротство двух малолетних девочек и позднее раскаяние их отца, кончившего жизнь самоубийством.

В сущности, Ф.Ф. Тютчев рассматривает в своем романе одно из проявлений той человеческой в с е д о з в о л е н н о с т и, которая неизбежно должна была привести героя к нравственному падению, а его жену к ранней кончине.

Роман читается легко, с интересом, при этом наводит на серьезные размышления. Как отмечает Г.В. Чагин, «По остроте постановке нравственных проблем он нисколько не уступает, а, может быть, превосходит некоторые современные повести на аналогичную тему» [13]. Тютчев читал авторский экземпляр его уже на новом месте службы – в Бессарабии. Тоска, беспокойство на душе гонят его все дальше. И новый рапорт о переводе удовлетворяется.

В 1894 – 1899 годах он успешно командует Зорским, Джульфинским, Азинским, Шахтактинским, Киврагским и другими отрядами. Начиная с ап-

реля 1898 года, Федор Федорович за боевые отличия награждается орденами. Это: Георгиевское оружие и ордена – Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом (кстати, дающим право на потомственное дворянство), Св. Анны 2-ой степени с мечами, Св. Станислава 2-ой степени с мечами, Св. Анны 4-ой степени надписью «За храбрость». Кроме того имел – Св. Анны и Св. Станислава 3-ей степени и несколько медалей.

В самом начале 1900-х годов ротмистр Тютчев прикомандировывается к штабу Отдельного корпуса Пограничной службы, где ему, в частности, вменяется в обязанность написания истории отдельных пограничных подразделений – одного из славных родов российских войск.

Здесь он занялся опять литературой, пользуясь материалом, собранным им во время пребывания на границе.

В один из приездов в Петербург, Федор Федорович женится во второй раз. Пристроив детей у родственников, Тютчев с женой, купеческой дочерью Анной Александровной Абросимовой, уезжает на Кавказ, на турецкую границу, в Эриванскую бригаду, где проживает безвыездно 7 лет. На Кавказе он собирает материал для своего большого романа из времен покорения Кавказа «На скалах и долинах Дагестана». В это же время им написаны повести «На линии вечных снегов», «Во тьме ночной», «Беглец», рассказы «Герои долга», «Гюрза», «Атаман» и многие другие.

Начало XIX века Тютчев встречает активной творческой работой. В 1901 году в журнале «Исторический вестник» печатается один из его этапных рассказов «На линии вечных снегов». Здесь он достоверно описал тяжелую службу русского пограничника. Несведущему читателю, кроме, пожалуй, кадровых военных, сюжет рассказа может показаться выдумкой, за которой стоит неизбежный вопрос: а нужна ли такая служба, зачастую связанная с неизбежными человеческими потерями, со страданиями родных и близких пограничников? А с другой стороны, это ведь настоящая мужская профессия – родину защищать!

Читая написанной Ф.Ф. Тютчевым, невольно поражаешься его всестороннему знанию темы, всех мельчайших деталей быта плохо изученных тогда многочисленных народностей Кавказа, их обычаев, национальных черт, наклонностей, разнообразия характеров. Но мы уже говорили, что автор был на Кавказе не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником совершавшихся событий. Ф.Ф.Тютчев в своих повествованиях беспристрастен и всегда с уважением относится как к русскому пограничнику, так и к горцу.

В 1902 году Тютчев публикует первый «кавказский» роман из пограничной жизни «Беглец». В его основе лежит судьба человека, покинувшего свою родину, которого даже через много лет постигает справедливая кара за совершенное когда-то злодеяние. Нуждаясь в деньгах и стараясь ускорить процесс выхода романа в свет, Тютчев готов даже продать рукопись в полную собственность издательства, о чем говорит расписка, выданная П.П. Сойкину.

«Я, нижеподписавшийся, продал свою рукопись, содержащую рассказы, под заглавием «Беглец» Петру Петровичу Сойкину в полную его собственность с правом напечатания ее в издаваемых им журналах или приложениях к ним, а также отдельным изданием. Ротмистр Тютчев» [14].

Служба в Закавказье, на границе с Турцией и Ираном послужила темой для его второго романа "На скалах и долинах Дагестана" (1903 г). Сама обстановка нового места службы, никогда раньше не виданные горные хребты, глубокие долины, с ревом мчащиеся со скал реки, независимые, гордые, еще не так давно враждовавшие между собой и с русскими войсками народности Кавказа, предания о тех временах, с интересом и восхищением были встречены Тютчевым. Роман получился почти целиком исторический. О событиях, происходящих в нем, о борьбе с Шамилем автор мог узнать только от армейских ветеранов да по историческим документам, которые ему, видимо, пришлось изучать. Но и здесь он недалек от истины в изображении происходящих событий, их он описывает по личным впечатлениям от стычек, в которых непосредственно был участником. А герои романа – это по-прежнему сослуживцы Ф. Ф. Тютчева, начальники и подчиненные пограничного офицера, несущие охранительную службу на дальних рубежах России.

Отдельно от всех произведений Ф.Ф. Тютчева стоит небольшой, но, тем не менее, очень важный для читателей и биографов поэта очерк его об отце «Ф.И. Тютчев» (материалы к его биографии). Публикация появилась в 1903 году в «Историческом вестнике». Хотя на него потом и ссылались часто все последующие биографы Федора Ивановича, сам очерк, вплоть до 1985 года, ни разу не переиздавался. В отличие от Аксакова и Брюсова, главных биографов поэта того времени, Федор Федорович дал свою, выстраданную им трактовку жизни отца.

«Федор Иванович умудрился всю жизнь свою оставаться независимым, произвольным, и, что называется, вполне сам себе властелином, – писал сын, – он не перед кем не заискивал, со всеми был ровен, прост и самобытен. Чуждый какого бы то ни было расчета, никогда не думающий ни о какой карьере, Федор Иванович искренне не видел разницы между людьми. Для него род человеческий делился на две половины – на людей интересных и людей скучных...» [15].

Появление русских пограничных постов на Кавказе явилось поводом и для изучения этнических особенностей Кавказа, его нравов, обычаев и традиций. Завязывались дружеские отношения между русскими офицерами и интеллигентной прослойкой Востока, но когда дело касалось религиозных убеждений и всего связанного с этим вопросом, здесь начиналась непонимание и непримиримая вражда. Повесть из жизни на персидской окраине «Луч божьего света в пустыне глухой» была напечатана в издательстве П.П. Сойкина в 1904 г.

Очень трудно было совмещать службу в армии и писательскую деятельность. Начавшаяся русско-японская война как бы вдохнула в 40-летнего ротмистра новые силы. Будучи большим патриотом, он обращается с

рапортом о переводе его в Дальневосточную армию. Вскоре приказом от 17 февраля 1904 года Тютчев переводится в Первый Аргунский полк Забайкальского казачьего войска и переименуется в есаулы.

Всю военную службу Тютчев не переставал сотрудничать со многими периодическими изданиями – «Русским вестником», «Историческим вестником», «Военным сборником», журналами «Природа и люди», «Разведчик», «Нива», «Живописное обозрение» и другими, многими петербургскими и московскими газетами. Его рассказы, короткие зарисовки, репортажи с воинских учений и театров военных действий ожидалось с интересом. Вот и на этот раз он ехал на Дальний Восток с удостоверением специального корреспондента газеты «Новое время», в которой с апреля появятся его правдивые корреспонденции, под псевдонимом «Эфтэ».

«Я еду корреспондентом от “Нового времени”, – пишет он А.Е. Зарину 15 февраля 1904 года, – получил корреспондентскую карточку и аванс. <...> Еду я 22 февраля в 9 ч. вечера по Николаевской дороге. <...> Буду очень рад, если Вы урвете минутку и приедете на вокзал», – и здесь же шутливо добавляет в постскриптуме: «Если убьют я надеюсь Вы не откажитесь написать в газетах некролог. Я беру в том от вас слово» [16].

Его военные корреспонденции – то не сухие канцелярские отчеты с места военных действий, а живые захватывающие рассказы о трудностях войны, где часто героем его произведений становится простой русский солдат. С середины апреля 1904 года есаул Тютчев находится в отряде генерала Мищенко. Знакомство с генералом Мищенко произвело на Тютчева огромное впечатление. Как военный офицер он ценил его за храбрость, желание служить родине, а не искать выгоды на войне.

На боевых позициях, во главе сотни казаков Аргунского полка Тютчев участвует в разведках боем, не раз показывая образцы личной храбрости.

Особенно удается одна из таких боевых вылазок. Во главе добровольцев из Читинского полка под прикрытием двух рот Омского полка вывозит из-под самого носа противника большую группу раненных воинов, уже потерявших всякую надежду на спасение.

Командование отмечает боевого офицера, солдаты уважают, любят своего командира, без страха следуют за ним в самые опасные вылазки. Тютчева вскоре переводят в штаб главнокомандующего, но и там, используя любую возможность, он стремится не пропустить ни одного сражения.

Храбрый, скромный, боевой офицер Тютчев с достоинством делал свое трудное дело. «В одной из разведок, – по воспоминаниям его дочери Надежды Федоровны, – ему пришлось ранней весной переплывать верхом горную речку, он сильно простудился и заболел, но эвакуироваться не захотел, и, оправившись после болезни, остался в штабе генерала Куропаткина. Только после заключения перемирия, он вернулся в Россию и был послан на казенный счет, лечиться на юг Франции, в Канны (у него открылся туберкулез легких)» [17].

Через полгода Тютчев получает возможность по болезни побывать в отпуске. Вновь был знакомый до мелочей Петербург, несколько недель наслаждения домашним уютом, встречами с родными... А потом снова был Дальний Восток. В середине июля командирован опять в Отдельный корпус Пограничной службы с переименованием в подполковники.

Вновь потянулись на первый взгляд обычные будни границы. Тютчев опять на западных рубежах России, командует Скулянским, а потом Цаганским пограничными отрядами. В конце 1906 г. ему поручают писать историю Таурогенской пограничной бригады, для чего переводят в её штаб начальником отдела. Тютчев добросовестно трудится и собирает большой материал о подвиге Архипа Осипова в 1840 году, в честь которого деревня Вуланская, по просьбе жителей, в 1889 году была переименована в Архипо-Осиповку. Четыре последующих года он много занимается литературной работой, несмотря на недовольствие своего начальства, заканчивает две повести из военного быта минувшей войны [18].

Готов и исторический рассказ «На призыв сердца», который Тютчев хотел бы опубликовать в «Историческом вестнике». В письме к Б.Б. Глинскому Тютчев просит его посодействовать помещению рассказа в журнале: «Если мой рассказ, к моему огромному удовольствию удостоится принятию в “Историческом Вестнике”, то я заранее предоставляю редакции полное право на всякого рода исправления, сокращения, за что вперед приношу свою признательность», – пишет Федор Федорович и в постскриптуме добавляет, – «Почти все эпизоды, как, например, сцены при отступлении от Мукдена – истинные факты. Вообще, эта повесть не плод фантазии, а почти исторический документ» [18]. В основе рассказа лежит исторический факт, взволновавший многих в армии. Здесь вымышлены только имена. Рассказ публикуется в «Военном сборнике».

В 1911г. он перевелся в черноморскую бригаду, в Новороссийск, где он работал над последним своим романом «Финал или увертюра», который был почти готов и с публикацией которого Федор Федорович многого для себя ожидал.

«Удачный выход книги, будет иметь решающее для меня значение, выйти ли мне в отставку, или еще тянуть опостылевшую до последней степени неблагоприятную и постыльную должность пограничного офицера, где на каждом шагу унижается самым грубым образом мое человеческое достоинство» – писал он Е.А. Ляцкому, редактору журнала «Современник» [20].

Начало Первой мировой войны и последовавшую за ней мобилизацию Федор Федорович встретил, находясь в отпуске в Архангельске у родственников своей второй жены.

При мобилизации Федор Федорович получает назначение командиром эксплуатационного батальона в г. Карс. Служба в захудалом провинциальном Карсе, который он буквально возненавидел, оказалась скучной и однообразной. Тютчев бомбардирует штаб Армии телеграммами о переводе его в действующую армию и его просьбу удовлетворяют. Заручившись поддержкой ко-

мандования, знавшего его по прежней войне, он назначается командиром батальона в 36-й Орловский пехотный полк и уже в декабре 1914 г. ведет свой батальон в штыковые атаки. За особо тяжелый бой 8 декабря 1914 г., в котором его батальон успешно атаковал неприятельские позиции и захватил много пленных, подполковник Тютчев награждается почетным георгиевским оружием. Вскоре за проведенную боевую операцию в июне того же года он был удостоен чина полковника. За свой подвиг при взятии австрийских окопов под Бржестокком, Федор Федорович награждается Георгиевским крестом.

Весной 1914 г. в «Военном сборнике» начали печатать роман Ф.Тютчева «Финал или увертюра». Выпустив три номера, редакция прекратила его печатанье под предлогом, что началась война, и стало очень трудно с бумагой. Роман большой и его пришлось бы растянуть на очень большое количество времени, т.к. в каждом номере уделялось беллетристике всего несколько листов. Но была и другая причина. Роман по тем временам считался очень либеральным, а во время войны, для военного журнала он был не совсем подходящий. Роман так и остался в рукописи. Экземпляр рукописи был подарен дочерью Ф.Ф.Тютчева музею-усадьбе «Овстуг». Перепечатывая роман с рукописи, ясно видно, насколько возросло мастерство Федора Федоровича. Здесь открывается еще одна грань его таланта и этим романом Тютчев заявляет себя как социальный писатель, который вместе с главным героем романа Щербо-Долянским, возвращаясь из Мукдена в Петербург, наблюдает состояние предреволюционной России. Устами героя он дает оценку отношения не только к войне, но и зарождающейся революции высшего командного состава, офицеров, запасных и солдат. В письме к Ляцкому Тютчев пишет, что в этом романе хотел показать «насколько неудачная война, в связи с нелепо-эгоистическим направлением высшей военной иерархии революционизировала военную молодежь» и, в конце письма он добавляет «перед выходом в отставку мне до чрезвычайности важно выступить в серьезном журнале с крупной вещью; от этого зависит вопрос скорейшего моего избавления от служебного ярма» [20]. По насыщенности и динамичности повествования, по социальной значимости роман Тютчева «Финал или увертюра» можно поставить в ряд с романами Э.Хемингуэя. К сожалению, в связи со смертью автора, роман не окончен, хотя существует 530 страниц рукописи.

С февраля 1915 г. как пограничный офицер, Тютчев переводится в Сводный конный пограничный полк заместителем командира, участвует во главе его в знаменитых атаках русской кавалерии, наводящих ужас на противника. В мае 1915 года в бою у местечка Бергамет немецким снарядом, разорвавшимся поблизости, Тютчев был контужен в левую часть головы и левую ногу, но он так и не отправился в госпиталь, продолжал руководить боем.

Все чаще Тютчев прибегал к лечению, не помогли и трехмесячный отпуск, и назначение на более легкую тыловую должность. Все-таки он по-прежнему добивается отправки на фронт, мечтая, если и умереть, то, как подобает воину – в седле, в одной из кавалерийских атак. Его любимой пого-

воркой всегда были строки из стихотворения Гёте: *Mut verloren - alles verloren* (Потерял мужество – потерял все). Но к тому времени, из-за сильной усталости, силы его стали сдавать и, как писала его дочь Надежда, «именно это "мут" было потеряно», и сразу же угасла и его жизненная энергия. Контузия давала себя сильно чувствовать, и после долгого недомогания Тютчев был принужден эвакуироваться в Петроград, где после трехмесячного отпуска, несколько не поправившейся, 18 января 1916 года он уехал из Петрограда на фронт, надеясь, что в одном из боев он будет убит. Он назначается командиром 317 Дрисского пехотного полка, но через два дня, 9 февраля 1916 года по дороге в полк, в полевом военном госпитале в городке Бердичеве Федор Федорович внезапно скончался от старых ран. Врачи были прямо поражены, насколько у него был изношен весь организм, в особенности сердце, и как он мог столько времени переносить все трудности боевой походной жизни.

Почти все газеты и журналы, где он сотрудничал, откликнулись на его смерть некрологами, а «Военный сборник» выпустил некролог отдельной брошюрой.

Служба Ф.Ф. Тютчева длилась 35 лет, 1 месяц, 9 дней, в том числе 2 года 9 месяцев 18 дней походы, отдельная служба в чинах: 27 лет, 5 месяцев, 2 дня (штабным офицером 11 лет, 3 месяца, 11 дней).

Друзья и родственники перевезли тело его в Петроград и похоронили на Волковом кладбище, рядом с могилами матери Е. А. Денисьевой, сестры, брата и А.Д. Денисьевой. Еще в начале 1930-х годов могилу его обрамляла красивая чугунная решетка, которая уже в сороковых годах, вместе с памятником Е.А. Денисьевой была разрушена. Можно добавить, что в 1980-х годах ленинградцами был восстановлен общий памятник на могиле Тютчевых-Денисьевых, установлена памятная доска. Анна Александровна Тютчева (2-я жена) скончалась в 1924 году, а дочери Федора Федоровича – в 1960-х годах.

В одном из некрологов вместе с военными заслугами полковника Ф. Ф. Тютчева отмечались и его литературные успехи: «Предметом покойного писателя была изящная словесность на темы из военного быта. И, надобно сказать правду, он не имел себе соперников на этом поприще в последние годы (1912 – 1916) – по силе высказанного таланта. От отца, известного поэта, он наследовал, бесспорно, свой талант: безупречный русский язык, красоту, пластичность изображения и редкую простоту замысла... Это была крупная величина в нашем безвременье среди русской беллетристики... Текущая война потеряла в Федоре Федоровиче одного из правдивых и чутких своих изобразителей. В литературе не только военной, но и во всей общей русской художественной литературе он оставил видный, талантливый след» [21].

Роман «Кто прав» и несколько рассказов и повестей Ф.Ф. Тютчева (составитель Г.В. Чагин), были переизданы в 1985 году. В 1990 году в издательстве «Мир приключений» вышел сборник Ф.Ф. Тютчев с романами «Кто прав?» и «Беглец» (составители Г.В. Чагин и С.С. Москаленко), но остальные его произведения так и остались малоизвестны современному читателю.

Человек необычайной храбрости и, по словам солдат «со всех сторон хороший», он и в своих произведениях и в военных корреспонденциях сохранил чистоту, правдивость и необыкновенную любовь к простому русскому солдату.

В настоящее время, Тютчева отнесли бы к категории авторов детективных рассказов, но в его сюжетах нет ничего придуманного. Сама жизнь бьет на страницах его произведений. Честность, порядочность, любовь к родине, искреннее раскаяние отличает его героев. Иногда в старых, затасканных сюжетах, он находит такой поворот событий, что невозможно оторваться пока не закроешь последнюю страницу. Заслуга Ф.Ф. Тютчева состоит в том, что он поддержал в литературе и обогатил тему русской армии. Раскрыл характер крестьянина, одетого в солдатскую шинель.

Огромный пласт его творчества остался неизвестным широкому кругу современного читателя. Его последний роман, который он считал делом всей своей жизни, так и остался в рукописи. Остались в рукописи его дневники, которые он добросовестно вел на протяжении многих лет (РГАЛИ), письма (ИРЛИ), которые представляют не меньшую ценность, чем его творчество. В данной статье хотелось познакомить читателей, хотя бы в общих чертах, с жизнью и творчеством этого талантливого военного бытописателя.

Библиографический список

1. *М.К. Тенишева*. Мои воспоминания. – М., 1954. – С. 51.
2. *Шаманский А.* Ф.Ф. Тютчев (некролог) // Военный сборник № 3. СПб.1916. – С. 169.
3. Письма к московским публицистам. А.И. Георгиевскому. // Литературное наследство Ф.И. Тютчева. Кн. 1. . – С. 382.
4. Тютчев в дневниках и воспоминаниях современников. // ЛН. Кн. 2. – М., 1989.
5. Из дневника М.Ф. Тютчевой. // ЛН. Кн. 2.
6. *Тютчев Ф.Ф.* Федор Иванович Тютчев (Материалы к его биографии). – СПб.: «Исторический вестник год 24», 1903, июль, т. ХСШ.
7. Цит. по: Федор Тютчев // *С. Москаленко, Г. Чагин*. Русский военный бытописатель Федор Федорович Тютчев. – М., 1990.
8. *Тютчева Н.Ф.* Биографический очерк. – М.: РГАЛИ, ф. 505. оп.1, ед. хр. 198.
9. Сочинения Ф. Ф. Тютчева. – М. 1888.
10. *Аксаков И.С.* Федор Иванович Тютчев (Биографический очерк) / Ф.И. Тютчев: pro et contra. – СПб., 2005.
11. *Верецагин В.В.* Избранные письма. – М.: Изобразительное искусство. – С. 236.
12. *Зотов В.Р.* Сочинения Ф.Ф. Тютчева. // Исторический вестник, ноябрь 1888. – С.495 – 496.
13. *Чагин Г.В.* Тютчевы. Предания русского семейства. – СПб., 2003. – С. 348.
14. ИРЛИ. Ф. 468 (письмо Ф.Ф. Тютчева – Н. Штейнбергу). оп. 1. ед. хр. 196.
- 15.Цит. по: Тютчев Ф.И. Краткая летопись жизни и творчества. М.: Русский миръ. 2004. – С. 236
16. ИРЛИ.. Ф. 123 (Архив А.Е. Зарина), оп. 2, ед. хр. 221.
- 17.РГАЛИ. Ф. 505, оп. 1, ед.хр. 198. *Тютчева Н.Ф.* Биографический очерк о Ф.Ф. Тютчеве.

18. На призыв сердца. Повесть. Военный сборник, № 5 - 8. 1912; Сила любви. Повесть. Военный сборник, № 5 – 10. 1914,
19. РГАЛИ. Ф.163. оп. 1, ед. хр. 285.
20. ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2, ед. хр. 512. Архив Е.А. Ляцкого.
21. *Шеманский А.* Некролог сотрудника редакции «Военного сборника». – СПб.: Военный сборник № 2. 1916. – С. 168 –170.

Н.В. Гуданова

учитель истории и обществознания
школы № 10 г. Брянска

2.8. Изучение деятельности брянских меценатов, как средство нравственного воспитания учащихся на уроках краеведения.

«Меня влечет куда-то... До боли хочется в чем-то проявить себя, посвятить себя всю какому-нибудь благородному делу. Я хотела бы быть богатой, очень богатой для того, чтобы создать что-нибудь для пользы человечества. Мне кажется, я дала бы свои средства на крупное дело по образованию народа, создала бы что-нибудь полезное, прочное» — такие слова записывает в своем дневнике юная Мария.

Мария Клавдиевна Тенишева и ее время...

Когда читаешь эти слова, то вдруг замечаешь, что испытываешь поразительные чувства удивления и восхищения. Удивления – потому, что трудно представить и понять, как фактически в одно и то же время на брянской земле, в общем то, захолустном городишке жили, бывали, работали, такие люди, как братья Могилевцевы, княгиня Тенишева, Губонин, Вязьмитин... А почему восхищения? Да потому, что люди эти были такими разными, совсем не безупречными, богатыми. Казалось, должны были быть довольными и счастливыми в своем богатстве, эгоистичными, но, вот ведь стремятся «создать что-то для пользы человечества». Почему? Вот с этого удивления, с этого «почему» и начинается познание, познание не только эпохи рубежа 19-20 веков на Брянщине на уроке краеведения, но и познания нынешней эпохи, сравнения прошлого с минувшим, нравственных основ личности «того» предпринимателя и нынешнего, а в конечном итоге, познания самого себя путем ответа на простой вопрос: «А как поступил бы я?» В этой связи знакомство с жизнью и деятельностью брянских меценатов значимо необычайно! Для нравственного воспитания молодого человека эти примеры просто уникальны.

Само слово «благотворитель», фактически исчезнувшее из повседневного обихода, уже таит в себе глубокий нравственный смысл. С беседы по вопросу, что оно означает, я начинаю разговор с учениками. Ребята задумываются, а потом кто-то произносит простую фразу: «Творящий благо». И вот это «творить благо», сказанное в тишине, уже затрагивает душевные чувства, не оставляет равнодушных. В словаре Ожегова мы читаем: «Благотворительность- оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости». Вот еще одно мощное по своей духовной сути слово - «милость». А потом мы узнаем, что в России со времен Екатерины II такую

деятельность называли «призрение», от «призреть», т.е. «обратить свой взор с вниманием, участием, сочувствием, дать кому-нибудь приют, пропитание».

А потом звучит вопрос: «А нужно ли нам, живущим в стремительном XXI веке, знать и говорить о благотворительности?» С этого момента начинается не только процесс получения новых знаний об исторических личностях, но и формирование моральных качеств.

Что такое добро и зло? Что есть истина? Зачем человек приходит в этот мир? В чем смысл человеческого существования? Да и имеется ли он вообще, этот смысл? Каково место человека в мире? Что должен и что может сделать каждый в своей жизни? Нам все кажется, что если и не мы первые задумывались над подобными вечными вопросами, то уж во всяком случае наше время как-то по - особому их поставило и нам следует найти свои особенные ответы на них. Наверное, всегда и всем так казалось. Каждая эпоха ощущала себя переломной...

Россия в конце XIX - начале XX века вступала в совершенно иную полосу развития, что-то надломилось, а куда повернет – кто знает. Старое исчезало, новое еще не народилось. И вот в эту переломную эпоху появились на земле брянской благотворители.

Меценатство, как хорошо известно, на русской земле имело глубокие корни. Безусловно, ученикам полезно об этом знать, и я обязательно предлагаю ребятам привести примеры из истории благотворительности в разные исторические эпохи. Владимир Святой, Владимир Мономах, первые Романовы, Петр I, Екатерина II, императоры и императрицы XIX века... Дела полезные, а в этих делах и правители поступают достойно. «Но правители – это одно, им нужно заботиться о людях, иначе будет бунт, на троне не удержишься», - так рассуждает школьник. И вот тогда речь и заходит о людях более простого происхождения. На рубеже XIX – XX веков именно они, выходцы чаще всего из крепостных крестьян, становятся купцами, «денежными воротилами», предпринимателями, новыми миллионерами. Купцы обзаводились промышленными предприятиями, брали большие подряды на строительство железных дорог, включались в банковскую деятельность, скупали дворянские усадьбы и угодья. Богатства их росли очень быстро.

Братья Павел и Семен Могилевцевы, как известно, тоже происхождения невысокого – предок из купцов 3 гильдии. Безусловно, трудом, смекалкой, деловой хваткой, в течение XIX века семья наживала свое состояние. И, узнав о доходах Могилевцевых, о том, какой немалой собственностью владели, ребята делают вывод о достаточно большом богатстве купцов. Известный русский историк М.Н. Погодин в своем выступлении в Москве в 1856 г. говорил о купечестве: "...оно служит верно Отечеству своими трудами... Если бы счесть все их пожертвования за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, которой должна бы поклониться Европа". Тут же возникает вопрос: «Почему же не жили только для себя?». Предположений много. Некоторые из них было высказаны ученицей,

собиравшей материал для реферата по теме «Русское купечество на рубеже веков».

Одним из мотивов, побуждавших богатых купцов жертвовать свои средства на те или иные цели является чувство вины. Обладание богатством одними, когда другие живут в нищете, с этой точки зрения становилось социально незаслуженным, неправомерным, по крайней мере, с моральной позиции. В особенности это касается торгового капитала, который рассматривался как результат вынужденного, но выгодного обмана. Приобретенное торговлей богатство воспринималось как чрезмерное и чрезмерно легко добываемое, особенно на фоне других источников его получения. Купец как бы получает деньги ни за что и ниоткуда. Он не пашет и не сеет, государеву службу не исполняет. Это создает ситуацию нравственного долга перед обществом, выполнение которого оправдывает торговую и деловую деятельность и снимает с купца и предпринимателя моральную вину перед знатными и бедными за "незаслуженное" богатство. Именно этим можно объяснить расходование российскими меценатами денег на богоугодные заведения, на строительство церквей, монастырей и т.п. Постройка Спасо-Гробовской церкви братьями Могилевцевыми яркий тому пример. Цель меценатства в данном случае - снятие вины, самооправдание как перед людьми, миром, так и перед Богом за излишнюю материальность устремлений.

Кроме того, многие меценаты, будучи людьми религиозными, рассматривали свою деятельность как своего рода миссию, возложенную на них Богом. В этом случае получается, что Бог как бы дал им богатство в пользование и потребует по нему отчета. А благотворительность, являющаяся, по сути, выражением добра, угодна Богу. Можно ли с этим согласиться? Испытывали ли Могилевцевы подобное чувство вины? Но даже если и так, но и в этом случае, меценатство - общепользная трата частных средств и, одновременно, своеобразная искупительная жертва Богу, которая должна обеспечить спасение души.

То, что возникла дискуссия – уже полезно. Приходим к выводу, что сейчас трудно судить, но скорее всего, это все же зов совести, а не чувство вины. Могилевцевы, конечно, были глубоко верующими людьми, и понимали, что делают богоугодное дело, ведь быть милостивым – это одна из христианских добродетелей. Но это не умаляет нравственной значимости их деятельности. Многие промышленники посредством благотворительности приобретали как в своих кругах, так и в обществе широкую известность и хорошую репутацию. Десятки, сотни тысяч и даже миллионы рублей, истраченные на благие цели были крепким свидетельством процветания дела. Замечательной чертой предпринимателей прошлого было отношение к объекту своей благотворительности. Строя новое заведение, они считали его как бы еще одним цехом собственной фабрики, учитывая при этом отсутствие будущей прибыли. А в самом строительстве принимали непосредственное участие – находили проектировщиков, покупали

оборудование, обустроивали внутренние помещения. После открытия учреждения промышленники пожизненно входили в его попечительский совет, чувствуя свою ответственность за жизнь нового детища. Также поступали и Могилевцевы, и Тенишева, и Губонин.

Другое предположение о мотивах меценатства состоит в том, что, благотворительная деятельность может, расцениваться как форма сохранения для потомков доброго имени и славы. Цели становятся более эгоистическими, но все равно сохраняют моральную мотивацию. Разве это неправильно – забота о собственной репутации, о том, какую славу и память ты оставишь о себе? В идеале каждый предприниматель и сейчас должен понимать, что миллионы в могилу он с собой не унесет и, совершая благотворительные поступки, он улучшает отношения с теми людьми, для которых он делает добро, а, предпринимая крупные благотворительные акции, он достигает бессмертия, поскольку будет жить вечно в тех социально- значимых постройках, памятниках искусства и культуры, которым он предоставил возможность практической реализации.

Но почему тогда в наши дни лишь небольшое количество людей действительно богатых это делает? Почему для большинства приятнее кичиться своим богатством, упиваться возможностью тратить огромные средства на себя, покупая множество дорогих вещей, без которых можно было бы обойтись, но «положение обязывает»? И дурная слава не останавливает, да и не считают они такую славу дурной. Им чаще наплевать, что скажет об этом простой учитель или ему подобный «средний» представитель народа. Гораздо страшнее для них одеваться, есть, пить, жить, отдыхать «не по статусу». Ответ один – Могилевцевы имеют нравственное преимущество, поэтому даже через долгие годы забвения мы их помним и благодарим. Даже простой перечень того, что было сделано Павлом и Семеном Могилевцевым для города поражает школьника, который специально не интересуется этой темой, рассуждая примерно так: «Ну подумаешь, школа или больница...» Но когда узнают, что разных школ – семь, больниц – три, красавица Спасо-Гробовская церковь, водопровод, электроосвещение, фонтан, именные стипендии ученикам, и все это сделала только одна семья, то, безусловно, проникаются уважением и почтением, еще раз понимая, вот это и есть добрые порядочные поступки, это гуманно, справедливо и хорошо бы, чтобы и сейчас такие люди были. Тогда и слова гласных брянского городского самоуправления звучат особенно значимо и для современного школьника более понятно: «Столь большие заслуги побуждают нас...просить Вас принять от всех жителей глубочайшую благодарность».

П.И.Губонин освободился от крепостной неволи только в 1858 году, а уже в 1873 году получил высочайшее разрешение на учреждение «Общества Брянского рельсопрокатного и железодельного и механического завода», основной капитал которого составлял 400 тысяч рублей. И при этом богач, «железнодорожный и нефтяной магнат», был старостой храма святой

Параскевы в Москве на Пятницкой улице, Петропавловского и Казанского соборов в Петербурге, участвовал в постройке Храма Христа Спасителя, учреждал технические училища, занимался курортоустройством. Предприимчивость, деловая хватка, иногда, хитрость, порой скупость, но девизом Губонина было: «Не себе, а Родине!» Есть над чем задуматься и с кем сравнить. Когда звучит на уроке, что купец Н.А.Вязьмитин большие средства пожертвовал на постройку брянского Покровского собора, то ребята спрашивают: «А есть ли сейчас те, кто готов пожертвовать свои деньги на будущую постройку Покровского собора в нашем городе?» Я отвечаю: «Есть. Это, возможно, в недалеком будущем, вы».

Благотворительностью в России на рубеже веков продолжали заниматься и дворяне, хотя они уступили пальму первенства купечеству. Положение дворянства было неоднозначным, одни сохранили и свои статусные позиции, и капиталы, другие разорялись, не могли приспособиться к новым условиям.

Трагично положение мыслящих: они больше понимают, острее чувствуют, дальше видят. Так было всегда и везде, но особенно худо выходило в России. Еще Пушкин с горечью восклицал: «Черт догадал меня родиться в России с умом и талантом! Весело, нечего сказать!» Да что там Пушкин... Окончив курс, вдохновленный идеями служить Родине, мыслями о необходимости отдать долг народу, облагодетельствовать и спасти его, приезжал молодой врач (архитектор и т. д.) в деревню или уездный городишко а там... Кругом нищета, ругань, пьянство, бездорожье, взятки, разврат... Никому ничего не надо. Бьется человек, бьется да к тридцати годам начинает тихо спиваться от безнадежности и тоски.

Как пишет Ф Сологуб:

В поле не видно ни зги
Кто-то зовет – помоги!
Что я могу?
Сам я и беден и мал
Сам я смертельно устал
Как помогу?

Было и так. Но в этой связи ребятам полезно привести пример еще одного современника Могилевцевых на брянской земле. Это - выходец из семьи священника, человек талантливый и образованный, архитектор Н.А.Лебедев. Могилевцевы и Лебедев связаны неразрывно, а свидетельства их плодотворной совместной работы на благо Брянска – здания города, до сих пор украшающие город.

Невозможно умалить и пример княгини М.К. Тенишевой для нравственного воспитания школьников. Особенно он ярок и значим для девочек. Ведь не секрет, что современные СМИ, массовая культура растиражировали образ жены современного «олигарха», которая заботится только о себе, своей красоте, в лучшем случае, о собственной семье. Поэтому, когда речь заходит

о Бежице, о заводе, где работают и сегодня большинство родителей учеников нашей школы, это вызывает неподдельный интерес.

Отрывок из воспоминаний Тенишевой дает представление о том неприятном впечатлении, которое произвела на нее Бежица, дом, в котором предстояло жить, и люди, среди которых приходилось общаться.

«Через дорогу, как раз против нашего дома, начинался завод, ближайшей мастерской которого был мостовой корпус с 1500 рабочих, строящих огромные железнодорожные мосты и паровозные котлы и работавших в дне смены. День и ночь оттуда неслась неистовый грохот молотков заклепщиков котлов. Непривычные мне условия жизни, новизна обстановки окончательно спутали мои привычки. Спать под неумолчный стук работ я никак не ухитрилась, и уже в шестом часу утра, с звучным и протяжным гудком заводской трубы, призывавшей дневную смену на работу, я вставала, торопливо одевалась и тут же видела, что торопиться было некуда. Кроме того, по всем направлениям завода ходили "кукушки" - род небольших паровозов, обслуживавших мастерские, с непривычным острым свистком, оглушавшим всех с утра до ночи.

Мне было скучно. В сотый раз за день колеся по парку бесцельно, с тоской на душе, я задавала себе вопрос: "Что же это такое?"... А вот и первая встреча с администрацией завода – элитой общества: «...как хозяйка, я приготовилась к встрече, приказала накрыть чайный стол со множеством печений и варений.

Ровно в девять часов открылась дверь, и в гостиную гурьбой вошла толпа длинных, тощих, маленьких, больших и пузатых приглашенных. Не теряя времени, они все разом, точно по команде, уселись за большой стол, заранее приготовленный. Началась игра. До меня долетали слова: "десять... семь... угол...". Потом шла расплата крупными деньгами. Оставшись одна, я вволю предалась наблюдениям. Собравшиеся вокруг стола были люди, зарабатывавшие десятки тысяч рублей в год. Самые скромные из них получали от пятнадцати до двадцати тысяч, но благосостояние не дало им ничего: необтесанные, неопрятные, они производили впечатление каких-то дикарей, и мне странно было видеть мужа в этой компании.

К чему таким людям деньги? Живут они в полнейшей мещанской обстановке, бессодержательно, плоско, делясь между небрежно выполняемыми обязанностями службы и ужинами и обедами с реками выпиваемого шампанского, с игрой в карты до зари. Вкусы их, интересы - мелкие, маленькие, разговоры пошлые

Говорить с ними было потерянными временем. После первых же слов видно было, что тут нечего ожидать, что мы объясняемся на разных языках. Да я просто и не умела с ними разговаривать.»

Спрашиваю: «Что бы вы сделали на месте этой женщины. Молодой, красивой, талантливой, прекрасно образованной, только что приехавшей из Парижа, имеющей знакомство с известными художниками, музыкантами?»

Ответ, как правило, один: «Постаралась бы уехать под любым предлогом из такой «дыры»».

А что сделала княгиня? Она стала заботиться об этих «опаленных огнем литейных печей, озлобленных жизнью и огрубелых», но «все же трогательных людях». И начала с детей, быт которых пагубно действовал на нравственность малолетних. Школа, ремесленное училище, народная столовая, дома для рабочих, потребительское общество, клуб для служащих завода – вот реальные дела Марии Клавдиевны Тенишевой. Она сама пишет: «Покидая завод, я оставила, кроме моего ремесленного училища, шесть благоустроенных и специальных школьных зданий, в которых обучалось тысяча двести ребят.»

Когда школьники услышали воспоминания княгини об открытии народной столовой, их особенно поразил следующий факт. Тенишева пишет: «Народу было много, надо было как можно скорей обслуживать гостей, рук не хватало. Тогда я, засучив рукава платья, принялась за дело сама и стала подавать гостям кушанья, носясь из кухни в столовую с чашками, наполненными щами и кашей. Следуя примеру, мои помощницы принялись дружно мне помогать».

Вот так, княгиня сама обслуживает рабочих! Что двигало ею?

Может быть просто боялись владельцы предприятий социального взрыва, ненависти рабочих? Было это? Да, безусловно. Но этим могли в первую очередь руководствоваться в своей деятельности по улучшению быта рабочих владельцы, директора предприятий, тот же П.И.Губонин, В.Ф.Крафт. Княгиня же могла предаться чему-либо более приятному, что любила и умела: рисовать, петь, в конце концов, действительно уехать, хотя бы в столицу. Нет сомнения, она была человеком высоких нравственных качеств, для нее любовь к народу, о которой в те времена любили говорить представители интеллигенции, была не просто фразой, а истинным качеством, она не говорила о любви к народу, о патриотизме, она подтверждала эту любовь делом, и по-христиански, и по-человечески. Удивительно, как много может сделать всего один человек, чтобы жизнь многих людей наполнилась светом и смыслом. Не увенчанные славой и не обладатели выдающихся талантов, а щедрые и жертвенные — только они могут изменить чью-то жизнь.

Вот такие замечательные люди жили на нашей малой родине на рубеже веков. Так много сделали они для нее. Очень благодарны им были современники.

Наша же благодарность им сейчас может быть в том, чтобы помнить, возродить память в монументах, мемориальных досках, названиях улиц, а главное в сердцах, в поступках.

Творить благо во все времена было, есть и будет делом значимым, нужным в высшей степени нравственным. Никто из нас не застрахован от горя и болезни и как это важно, если в самый тяжелый момент найдутся люди, готовые прийти на помощь. Кроме того и город наш, родной

старинный город Брянск, ждет и радостно встретит всех, кто захочет и пожертвует свои силы, средства и любовь на то, чтобы он стал более удобным и уютным.

Уроки, посвященные памяти брянским благотворителям, несут в себе мощный нравственный потенциал. Они учат главному – пониманию добра и стремлению делать добро, пониманию патриотизма и стремлению быть патриотом. И возможно, уже в ближайшем будущем среди нынешних учеников найдутся те, кто запечатлев в памяти и душе своей образы брянских меценатов, сделают что-то доброе для своего края, кого, вслед за современниками М.К.Тенишевой, назовут красивым словом – «благотворитель».

Используемая литература:

1. Кизимова С.П. Бежица. Брянск, 1996.
2. Исайчиков Ф.С., Полозов И.М. Братья Могилевцевы – Брянску. Брянск, 1999.
3. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Воспоминания. М., 2002
4. Кеня И.А. «Память сердца». Брянск, 2007.

2.9.М.К. Тенишева, Н. Рерих и Храм Святого Духа...

Если произойдет воскресение духа, если сознание освободится от призраков прошлого и устремится к построению Нового Мира, на основе нового понимания сотрудничества и знания, то планета может уцелеть.

Е.И. Рерих // Письма в Европу. Т. II. 16 июля 1935 г.

Очень часто стык эпох, стык поколений порождает огромное количество талантов. Неслучайно начало XX века называют «Серебряным веком русской культуры». Одним из таких талантов и был Николай Константинович Рерих. Его дружба и плодотворное сотрудничество с княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой породили множество произведений, которыми мы не перестаем восхищаться до сегодняшнего дня. Храм Святого Духа – о нем пойдет речь. Храм был построен в 1900-1905гг. по инициативе княгини Тенишевой, в ее имении Талашкино, на хуторе Фленово Смоленской губернии. Здесь никогда не бывает многолюдно (исключение составляют экскурсионные группы) и несказанно прекрасна природа. И кажется, в истории небольшого обветшавшего храма, затерявшегося среди смоленских лесов, как в зеркале, отразилась судьба России.

Имение Тенишевой Талашкино стало на рубеже XIX-XX вв. местом возрождения русского народного искусства. Рерих и Тенишева сошлись во вкусах, в интересе не только к славянской, но и индийской старине. Это было время, когда занимаясь раскопками языческих курганов в известном могильнике Гнездово под Смоленском, Рерих возмечтал найти свидетельства связей между древними Русью и Индией, — связей, некогда осуществленных таинственными кочевыми племенами ариев.

В свою очередь Тенишева слушала у себя в имении фрагменты оперы Аренского на темы «Махабхараты», рассказы В.В.Верещагина о поездке в Индию. Она знала об уроженце Смоленщины Н.М.Пржевальском. Было решено синтезировать в церкви Святого Духа («Храма Духа», по замыслу Тенишевой и Рериха) храмовое искусство Древней Руси и индийской и тибетской областей Аджанты и Лхасы.

Первоначально Храм должен был быть построен во имя Преображения Господня. «Смоленский вестник» от 12 сентября 1900 года по этому поводу сообщал: «В четверг, 7 сентября, в имении Талашкине, в 15 верстах от Смоленска, совершена была закладка новой церкви во имя Преображения Господня. Церковь сооружается владелицей имения кн. М.К.Тенишевой преимущественно для нужд местной сельскохозяйственной школы. Церковь

строится по личным указаниям владелицы в строго древнерусском стиле, будет богато расписана и разукрашена мозаикой, майоликой и обещает быть выдающимся в художественном отношении сооружением» [1]. К 1905 году строительство Храма было почти завершено.

Тенишева отходит от канонов современной церковной архитектуры. Она пытается соединить образы русской старины, впечатления, вынесенные из своих путешествий по Русскому Северу, с силуэтами местной природы. «Даже далекие пути. Даже храмы Айанты и Лхасы» угадываются здесь, напишет потом Рерих. «На высокой красивой горе, покрытой соснами, елями и липами, с необозримым кругозором», был воздвигнут храм, напоминающий одновременно древнюю пирамиду, русский шатер и буддийскую пагоду.

Церковь, построенная в лучших традициях русского зодчества, с тремя рядами кокошников и маленькой главкой, должна была стать усыпальницей Тенишевых. Но храм никогда не жил той жизнью, о которой мечтали его создатели. В 1903 году в эти места впервые приезжает Николай Константинович Рерих. Он видит в деяниях княгини «начало храма новой жизни». И это удивительно совпадает с мечтами самой Марии Клавдиевны: «Моя школа во Флёнове взяла столько моих сил, симпатий и преданности, что я уже смотрела на нее как на нечто стойкое, прочное, вполне установившееся, и мне захотелось увенчать свое создание храмом Божиим... чтобы десница Господня с вершины этой горы из века в век благословляла создание любви — народную школу». Мечта о храме на долгие годы соединила устремления обоих.

Расписать Храм в 1908 году княгиня предложила своему близкому другу Н.К.Рериху. Тогда же пришло решение посвятить Храм Святому Духу. «Я только забросила слово, а он откликнулся. Слово это — храм... — вспоминала в Париже в 1920-е годы М.К.Тенишева. — Только с ним, если Господь приведет, доделаю его. Он человек, живущий духом, Господней искры избранник, через него скажется Божья правда. Храм достроится во имя Духа Святого. Дух Святой — сила Божественной духовной радости, тайною мощью связующая и всеобъемлющая бытие... Какая задача для художника! Какое большое поле для воображения! Сколько можно приложить к Духову храму творчества!

Об этой встрече с Марией Клавдиевной свои воспоминания в 1928 году, в год смерти княгини, оставил и Николай Константинович: «Мы решили назвать этот храм — Храмом Духа. Причем центральное место в нём должно было занимать изображение Матери Мира. Та совместная работа, которая связывала нас и раньше, ещё более кристаллизовалась на общих помыслах о храме. Все мысли о синтезе всех иконографических представлений доставляли Марии Клавдиевне живейшую радость. Много должно было быть сделано в храме, о чём знали мы лишь из внутренних бесед» [2]. «Обращаясь к широкому пониманию религиозных основ, можно считать, что Мария Клавдиевна и в этом отвечала без предрассудков и суеверий запросам ближайшего будущего» [3].

Результатом «внутренних бесед» Марии Клавдиевны и Николая Константиновича, духовно близких друг другу творцов России, стало создание нового православного храма — Храма во имя Святого Духа. Издревле на Руси существовала традиция строить храмы, посвященные Сошествию Святого Духа, в которых воспевались события, описанные в Деяниях апостолов: «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» [4]. Существовала веками разработанная иконография, изображающая апостолов или Богоматерь с апостолами, на которых нисходят языки пламени. Особенностью Храма во Флёнове является то, что он посвящён не Сошествию, а самому Святому Духу. Есть все основания утверждать, что Храм во Флёнове стал первым и на Руси, и в России, имеющим подобное посвящение.

Образ Святого Духа как одно из проявлений Святой Троицы, наравне с Отцом и Сыном, в древнерусской иконографии обрёл самостоятельное философское звучание в творчестве русского иконописца Андрея Рублёва, создавшего в начале XV века икону «Троица» как воплощение духовного завещания Преподобного Сергия Радонежского.

В 1908 году Н.К.Рерих приступает к работе, и вскоре над центральным входом появляется изображение Нерукотворного Спаса. Уже издали, при подходе к храму бросается в глаза эта изумительная по красоте и силе картина. Почти всё её пространство занимает Лик Христа на белом плато, окружённый летящими Ангелами, а выше, над купами облаков, виднеется Град Нездешний, завершающий всю композицию. Мы видим благородный Лик — высокие дуги бровей, широко раскрытые, прямо смотрящие глаза. Могучая сила пронзительного взгляда, в котором соединились и безграничная скорбь, и безграничное сострадание, делает Лик живым, приближая к нашему сердцу высокое духовное Начало.

Эта работа была выполнена в мозаике талантливым художником-мозаичистом Фроловым в 1912 году. Мозаика была одним из любимых материалов Рериха. Он считал её лучшей формой высокого искусства. Что же другое, как камень, ближе ответит монументальным строениям — считал он. При этом Рерих остановил свой выбор не на зеркально шлифованных материалах, а на горячей чудесными переливами смальте, характерной и для старинных работ.

Центральное место заняло изображение древнеиндийской Матери Мира в виде православной Богородицы. Задача облегчалась открытием к тому времени центрально-азиатской и тибетской живописи, которая поразила Рериха своим подобием древнерусской иконописи, устойчивой иконографией, локальностью цвета и линейностью.

Рерих работал во Фленове в 1911, 1912 и 1914 гг. Сам мастер дал описание росписи: «Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут путники неумелые: незнающие различать, где добро, где зло. Милосердная Владычица Небесная о путниках темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на помощь идет. Ясным покровом хочет покрыть людское все горе, греховное.

В образе Царицы Небесной Рериху удалось приблизиться к пантеизму Востока, признающему Бога лишь в его творениях. Впоследствии художник выразил это ощущение более явственно в «Матери Мира» (1924 г.). Ее образ был выполнен в сине-голубых тонах и наполнен космическим значением. Он лишен каких-либо культовых и национальных признаков.

Можно считать, что работы Рериха в Талашкине стали этапом его творчества. Он попытался передать общечеловеческие и даже вселенские истоки древнерусской живописи, преодолеть ее кажущуюся, по сравнению с византийским искусством, вторичность. Именно в общечеловеческом и вселенском увидел Рерих ценность освоения иконописи в формировании культуры будущего. Однако открытие этих истоков повлекло за собой и последующее угасание интересов художника-мыслителя к древнерусской иконе. В сходной с ней в некоторых чертах живописи Тибета и Индии он прозрел для себя образцы более глубинные и масштабные, более созвучные преддверию предсказанной им космической эры человечества.

Этот отход от православия наметился в его творчестве уже в самом начале освоения древнерусского искусства. Еще в 1907 г. критик С.К.Маковский заметил, что прошлое для Рериха — сокровищница общечеловеческих «осколков вечности»: идей, образов, предметов. «Национально-историческая тема для него только декорация. Его образы ведут нас в самые далекие дали безликого прошлого». «Мистичность Рериха, можно сказать, полярна врубелевской мистичности. В "ненормальном", неприспособленном житейски тайновидце Врубеле все человечно, психологически заострено до экстаза... В творчестве исключительно "нормального"... Рериха человек или ангел уступают место изначальным силам космоса, в которых растворяются без остатка»[6]. Маковский С. Рерих и Врубель. Рерих, как бы полемизируя с ним, писал: «Мимо нас проходят пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их! Из их даров складывается синтез действительно неонационализма искусства».

Спустя несколько лет, в конце первой мировой войны художник пришел к убеждению о приоритете в искусстве не национальных, а интернациональных — общечеловеческих начал. Отныне его творческое кредо: «Искусство объединит человечество... Искусство есть знамя грядущего синтеза... Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. Предстали перед человечеством события космического величия.

Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось». (Отметим не случайность посвящения храма во Фленове Святому Духу). Эти слова можно считать творческим итогом освоения Рерихом старины и разгадкой причин обращения к индийской культуре. В последней художнику-мыслителю открылась большая возможность установления связей прошлого с будущим. Переход от славянского к индийскому, от национального — к интернациональному, от познания прошлого — к предсказанию будущего состоялся не вдруг. Он имел постепенный характер и занял у художника несколько десятилетий напряженной работы в самых различных областях искусства и науки.

В целом художественное оформление храма Святого Духа, ставшее значительным событием в жизни художника, заняло несколько лет, с 1908 по 1914 год, и было прервано войной. Именно здесь Николаю Константиновичу удалось осуществить свои самые сокровенные замыслы. Это произошло благодаря глубокому взаимопониманию, сложившемуся между ним и М.К.Тенишевой.

Рерих, воплощая идею единства всех религий, допустил в росписях многочисленные отступления от православного канона, что послужило причиной того, что Синод отказал М. К. Тенишевой в освящении церкви. Построенный в Талашкине храм так и не был освящен.

В советское время храм использовался для хранения зерна, поэтому росписи интерьера не сохранились, но бесценным даром дошла до нас великолепная мозаика «Спас Нерукотворный», Она в полной мере дает представление о стиле талашкинских произведений Рериха.

Библиографический список

1. Талашкино: Сборник документов / Сост., автор вступ. статей, примечаний искусствовед, член Союза художников России Л.С.Журавлёва. Смоленск, 1995, с. 323
2. Рерих Н.К. Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой / Держава Света. Священный Дозор. Рига: Виеда, 1992, с.157
3. Рерих Н.К. Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой / Держава Света. Священный Дозор. Рига: Виеда, 1992, с.160
4. Евангелие. Новый Завет
5. Рерих Н.К. Право входа. 1923 г. // Рерих Н.К. Избранное. с. 218
6. С.Маковский: // Указ. соч. с. 93.

РЕЗОЛЮЦИЯ

международной научно-практической конференции

«Тенишева и её время»

Отмечая 150-летие со дня рождения М.К. Тенишевой, возрождая славные традиции меценатства земли брянской, поддерживая благие начинания наших современников, направленные на решение социальных вопросов жителей Брянщины, участники конференции **вынуждены признать:** на Брянщине до сих пор недостаточно увековечена память о Вячеславе Николаевиче и Марии Клавдиевне Тенишевых и других известных брянских меценатах; отсутствуют памятные и мемориальные знаки, скульптурные произведения, указывающие на деятельность В.Н. Тенишева по развитию Брянского машиностроительного завода, искажен облик здания ремесленного училища, построенного на средства Тенишиных, разрушена их усадьба в Хотылево и принадлежащий ей парк; не выполнены рекомендации публичных слушаний от 15.05.2007 года по вопросу увековечения памяти известных брянских меценатов путем создания музея брянских меценатов и установки памятников князю и княгине Тенишевым, братьям Могилевцевым.

Исходя из вышеизложенного, участники конференции **предлагают:** С целью сохранения историко-культурного наследия Брянщины и популяризации культурного и духовного наследия Тенишевых просить администрацию Брянской области и Брянского района: объявить территорию парка в Хотылево объектом культурного наследия регионального значения. Ежегодно проводить в парке тенишевские дни, фольклорные фестивали, выставки-продажи изделий народных промыслов, вернисажи работ брянских художников, научные конференции.

В целях возрождения традиций благотворительности на земле брянской просить администрацию г. Брянска:

- решить вопрос о выделении помещения для музея брянских меценатов;
- объявить и провести конкурс на создание памятника Тенишевым в Бежицком районе г. Брянска;
- принять меры по возрождению парка в Бежицком районе г. Брянска, где находится дом Тенишевых.

В целях восстановления важной исторической традиции в жизни российского общества – традиции публичного признания заслуг благотворителей рекомендовать:

а) комиссии Общественной палаты Брянской области по вопросам социальной политики, помощи пенсионерам, инвалидам, милосердию и благотворительности разработать положение о нагрудном знаке и почетном звании «Благотворитель Брянской области»;

б) благотворительному Фонду им. братьев Могилевцевых создать и вести летопись благотворителей земли брянской.